

Лариса Куницына

Мрачные тайны Луарвига

Что делать, если твоё сердце в очередной раз разбито, и ты ищешь, где можно спрятаться от душевной боли? Лора Бентли возвращается в Луарвиг — город людей на далёкой планете Киоте, населённой иными расами. Да, это слишком мрачное место, и оно мало подходит для врачевания душевных ран, но ведь снова пустившись в опасные приключения, можно, наконец, отвлечься от своих переживаний. И вскоре она оказывается втянута в таинственные события вокруг загадочной и зловещей картины, на горизонте появляется роковой красавец из её далёкого прошлого, с которым она вовсе не желала встретиться вновь, а где-то в тёмных лабиринтах города бродит ужасный Плакальщик, оставляющий за собой обескровленные тела.

Глава 1

Часть 1

Алхимик

— Я алхимик, — спокойно проговорил МакЛарен. — Я продал душу Сатане в 1523 году и обрёл бессмертие. И при этом навеки потерял покой...

Но это было не начало истории, а, скорее, её конец. Началось всё с моего возвращения на Киоту, на эту далёкую беспокойную планету, где много зла, но с ним, по крайней мере, можно бороться. Я занималась этим три года, но сейчас я возвращалась вовсе не по этой причине. Просто мне нужно было где-то приклонить голову. Я была одинока и разбита. Жизнь нанесла мне страшный удар, и самым неприятным было то, что я его вполне заслужила.

Как бы ни был верен мужчина, нельзя надеяться, что он будет ждать тебя годы и годы, воспитывая твоего ребенка от другого мужчины и спокойно наблюдая, как ты то и дело приводишь всё новых возлюбленных в его дом. Но я почему-то надеялась... Оставив его двенадцать лет назад после более чем двух десятилетий счастливой семейной жизни, я надеялась, что когда-нибудь смогу вернуться к нему. И эта надежда жила где-то в глубине моей души, несмотря на целую череду бурных и не очень удачных романов, следовавших потом. Что бы ни случилось, я твёрдо знала, что на Земле меня ждёт Саша, добрый, умный и красивый, Саша, который всё поймет и всё простит. Саша, который с честью выдержал мой визит с новым мужем и маленьким сыном, который после того, как мой новый рыцарь отправился на поиски приключений, принял под опеку моего на половину осиротевшего сына, заменив ему отца. Саша, который безропотно снёс моё появление с молодым возлюбленным и его маленькой дочкой. Саша, который, не смотря ни на что, любил и старался понять меня. В душе я всё равно считала его своим, и теперь была наказана за собственный безжалостный эгоизм, потеряв всякую надежду на возвращение в свой дом, когда скитания, наконец, доконают меня и душа запросится на покой.

Он, наконец, встретил свою Лену, нежную, спокойную, красивую и намертво прикованную к Земле своей работой в обычной городской школе Москвы в нескольких кварталах от его научно-исследовательского института. И теперь они могли вместе улетать по утрам на работу, вечером возвращаться, и даже обедать вдвоём в небольшом уютном ресторанчике на Чистых прудах, роскошь, которую я никогда не могла ему позволить. Он был счастлив, помолодел и похорошел несказанно. А моё годами пустовавшее место хозяйки дома заняла другая женщина. Её полюбили мои дети и внуки. Мой младший сын её просто обожал. Для Саши всё сложилось самым наилучшим образом, а я, поздравив его, убралась из собственного дома, как побитая собака.

Это событие привело меня в уныние, и я хотела вернуться на Рокнар, в своё опустевшее бунгало на берегу Великого океана, чтоб под тихий шум волн и музыку джунглей успокоить разбитое сердце. Я хотела забрать с собой младшего сына Алика, но он вдруг заартачился. Он ныл что-то насчёт того, что его пригласили участвовать в молодёжной экологической экспедиции на учебной подводной лодке «Магеллан», которая уже завтра отправлялась на всё лето куда-то к берегам Австралии для изучения Большого барьерного рифа. Мой ребёнок

учился в ветеринарном колледже, за один год успевая пройти программу двух лет, и потому считался весьма перспективным учеником. Его кандидатура для участия в экспедиции не вызывала сомнений, а такой шанс выпадает раз в жизни. Разве я враг своему чаду? Конечно, нет. И я полетела на Рокнар одна.

Если вы когда-нибудь, переживая душевную драму, бродили в одиночестве по голубой полоске пляжа между белым океаном и изумрудными джунглями, а потом возвращались в пустой дом, где всё напоминало о далёком счастье, когда вы были здесь не одни, то вы поймёте, почему через три дня я взяла билет на звездолёт, летящий на Киоту, и улетела туда, где у меня было полно работы, и имелась возможность забыть обо всех бедах.

Так я и оказалась на Киоте с небольшой сумкой через плечо и разбитым вдребезги сердцем.

Когда я спускалась с трапа челнока, доставившего меня с орбиты, у меня возникла мысль позвонить Джону Вейдеру, старому другу, который работал совсем неподалёку, на соседнем с космодромом острове, где у него в заваленном бумажным хламом кабинете в старом шкафу всегда висела потрёпанная жилетка, пропитанная слезами его друзей. Джон бы меня понял и утешил. Он бы нашёл слова, чтоб успокоить мою мятущуюся душу. Но потом я представила, как буду рассказывать о том, как тяжело ударило по мне то, что мой давно брошенный муж, наконец-то, нашёл своё счастье. И не стала звонить.

Войдя в вагончик экспресса, отправлявшегося в Луарвиг, я села у окна. Глядя на пролетающие внизу красоты, я, наконец, призналась себе, что веду себя как последняя идиотка и эгоистичная стерва. Легче не стало, но акценты были расставлены. Я вздохнула, и, собравшись с духом, принялась за детальный анализ своих переживаний. Когда экспресс приземлился, я уже испытывала запоздавшее, но искреннее чувство радости за Сашу и его Лену, которая, оказывается, была влюблена в него ещё с начальной школы. А садясь в такси на площади, поняла, что теперь, наконец, буду избавлена от тягостного и неотступного чувства вины, мучившего меня каждый раз, когда я вспоминала о Саше, который терпеливо и безнадежно ждал меня где-то далеко, не решаясь переставить в доме мебель, убрать с полок мои любимые книги и вышвырнуть в утилизатор моё давно вышедшее из моды тряпье, занимающее шкафы.

Когда я расплачивалась с таксистом, мне показалось, что вместе с деньгами, я отдаю и ту тяжесть, что лежала у меня на сердце последние дни.

— Сдачи не надо, — сказала я, и он уехал вполне довольный.

А я повернулась и увидела над тёмными купами парковых деревьев огромную тучу, налитую золотым светом, под которой простиралась тонкая полоска голубого неба, подсвеченная ярким, но уже клонящимся к закату солнцем. И это огромное, занявшее полнеба, золотое зарево приковало мой взгляд. Я стояла, разглядывая его с изумлением и восторгом, замечая, что к краям эта чудная туча светлеет и перетекает в нежное сиреневое сияние, а наверху приобретает благородный серо-голубой цвет. Солнце потихоньку уткнуло за горизонт, и туча снова стала обычной большой синеватой тучей. А я с улыбкой направилась к дверям высокого неоготического замка, которым владела на паритетных началах совместно с Максом Делманом. Так уж распорядился в своем завещании его папа, гениальный шахматист и несчастный безумец, разочаровавшийся во всём, и в том числе, в собственном сыне.

Надо сказать, что и Макс, и его друг Терренс стойко сносили моё общество последние годы, хоть Макс изредка и делал намёки на своё желание выкупить мою часть Чесстауэра, но

я, как и положено эгоистичной стерве, этих намёков не замечала. Потерять возможность жить в одном из самых роскошных и загадочных особняков Луарвига... Это было выше моих сил. К тому же и жила я в нём не так уж часто, куда больше времени проводя за пределами планеты или в не менее роскошном особняке Роузкасл, принадлежавшем Эдди Грандеру, тоже беззаветно любящему меня и также безжалостно покинутому.

Я подошла к дверям, и они распахнулись передо мной. При этом я могла бы триумфально въехать в эти ворота на кадиллаке. Едва войдя в огромный чёрно-белый мраморный холл, я услышала старческий голос Кинга, вездесущего и неуловимого дворецкого, духа этого необычного дома. Я-то знала, что он скрывается в подвале, и одушевление шахматных чертогов было лишь тысячной долей его трудов, поскольку у этого суперкомпьютера, напрямую связанного с его создателем, было множество иных, куда более важных задач. Но об этом потом. Роль дворецкого Кинг выполнял с любовью. Кажется, это было его хобби, на которое он не жалел ни времени, ни сил.

— Наконец-то вы вошли, — брюзгливо проворчал он. — Я уже полчаса наблюдаю за вами через камеры слежения. Что вы там увидели? И где ваш багаж?

— Я тоже очень рада видеть тебя, старина... — улыбнулась я белоснежной вазе на чёрной подставке.

— Конечно, я рад вас видеть, — обиделся он. — Это так естественно, что я даже не стал тратить время на констатацию очевидной истины. И все будут рады вас видеть. Не далее, как вчера, мистер Делман сказал за вечерним чаем, что им не хватает ваших партизанских вылазок, без них жизнь кажется пресной. Правда, я не знаю, что при этом имелось в виду.

— Я догадываюсь... — пробормотала я, поднимаясь по лестнице.

— Удачно, что вы появились именно сегодня, — продолжал Кинг. — Мистера Делмана и мистера Лесли пока нет, они отправились в клуб, но я могу им позвонить...

— Не стоит.

— Пожалуй, тем более что они должны вернуться с минуты на минуту, — его голос следовал за мной, пока я поднималась по мраморным ступеням. — Говоря, что ваше появление именно сегодня очень удачно, я имел в виду, что сегодня мистер Делман устраивает небольшую вечеринку для избранного общества. Из известных вам особ будут мистер Коррен, мистер Торранс с супругой, господин мэр и советник Грандер с невестой...

Я замерла. В голосе Кинга явно послышалось злорадство. Он всегда терпеть не мог Эдди, видимо, считая, что бывший уличный мальчишка — не пара леди королевских кровей, коей безусловно почитал меня. Сообщив последнюю новость, он выжидательно смолк, ожидая расспросов и предвкушая возможность посплетничать.

Мне хотелось послать его к чёрту. Золотой свет, подаренный моей душе волшебной тучей, померк. Я снова осталась одинокой и никому не нужной. Но, будет лучше узнать всё от компьютера и подготовиться к тому, что потом расскажут мне друзья, чтоб не закатывать глаза и не заламывать руки.

— Насладись, аудитория у твоих ног... — проворчала я, возобновляя подъём по лестнице. — Что за невеста?

— Дочурка мэра, Элис. Вы должны её помнить.

Я помнила парчовый балахончик до пупа, бледные ножки годовалого жеребёнка и китайскую маску вызывающего макияжа под начёсанным зелёным гребнем. Я видела её последний раз два года назад. Ей как раз исполнилось семнадцать. Она играла на вакуумной гитаре и собиралась идти в больницу для бедных выносить горшки.

— Очень милая девушка и безумно влюблена в советника, — продолжал Кинг. — Она учится в университете, изучает детскую психологию.

— Это хорошо, — прокомментировала я, проходя по коридору к дверям своих апартаментов. — Значит, она любит детей. Большая удача для Эдди, так озабоченного поисками мамы для своей Джины.

Я открыла дверь.

— Значит так, — жёстко проговорила я. — Я никого не хочу видеть. И ты меня не видел и не слышал. Меня нет в этих комнатах, в этом доме и на этой планете!

Я вошла и с треском захлопнула за собой дверь.

— Вы расстроены? — участливо осведомился Кинг из-под журнального столика.

Моё желание остаться в стороне от забав богатых и красивых мужчин, собравшихся в доме, было похоронено стуком в дверь, прозвучавшим около восьми часов вечера. Кинг поклялся, что немедленно сотрёт все файлы о моём приезде и, следовательно, просто не сможет никому ничего сказать. Тем не менее, кто-то узнал о моём присутствии, иначе зачем было стучать в дверь? Я как раз валялась на своей роскошной кровати в форме раковины-жемчужницы и размышляла над предстоящей женитьбой Эдди. Он делал карьеру и решительно рвался вверх, что не так просто с его репутацией. Брак с дочерью действующего мэра был бы для него весьма кстати. Он достаточно практичен, чтоб оценить все возможности, которые представятся ему в связи с этим. К тому же он так любит детей, и парочка детишек вдобавок к обожаемой Джине принесли бы в его жизнь вожделенный покой у семейного очага. Ничего не скажешь, утешительные мысли для всеми покинутой, не очень молодой дамы, вынужденной скрываться от своих призраков под одной крышей с парой аристократичных красавцев нетрадиционной ориентации.

— Войдите! — автоматически крикнула я, услышав стук, и только потом сообразила, что мои надежды на тихий вечер в кругу своих горьких разочарований безнадежно погублены этим спонтанно вырвавшимся словом.

Конечно, дверь в соседней комнате распахнулась, и кто-то беззвучно прошёл по мягкому белому ковру к двери спальни. На пороге появился один из этих самых красавцев, мой любимчик, высокий, золотисто-рыжий и навязчиво голубоглазый. Терренс Лесли в идеальной визитке с улыбкой приземлился на кровать возле моих ног и обворожительно улыбнулся, сцепив холёные пальцы на колене.

— Ты приехала... Чёрт, я просто не поверил глазам, когда увидел в твоих окнах свет. Это здорово! Я очень скучал, и Макси тоже, и Джерри, и Брай, и Джон, и...

Он осёкся. Я улыбнулась.

— И Эдди... Я за него рада. Прекрасная партия.

Терренс наморщил нос.

— Ты, правда, рада? Макси считал, что ты будешь рычать и кидаться от ярости на стены...

— Милый, великодушный Макс... — с улыбкой рождественского поросёнка кивнула я. — Мне так не хватало его участия.

— Он не меняется, — пожал плечами рыжик. — С этим приходится мириться. Ничего не поделаешь. Он босс.

— Ага, а ты при нём вольный стрелок.

— Как всегда, — он поднялся и мотнул головой в сторону двери, — Пошли.

— Я устала...

— Не капризничай...

— Но это правда!

— Нет! — он снова сел. — Макс тоже видел свет в твоих окнах, и Джерри, и Эдди. Что подумает Эдди? Что ты на него злишься. Для него по-прежнему важно твоё мнение. А Макс? Даю руку на отсечение, что он уже побился об заклад с Джерри, что ты не выйдешь. Ты позволишь выиграть этой высокомерной скотине и разочаруешь преданного и так уверенного в тебе Джерри? Нет, ты этого не сделаешь. Вставай. Там все свои, если не считать пары-тройки новых лиц. Уверяю тебя, это обычное общество, что тусуется в клубах Эдди. Они боготворят тебя и будут рады, даже если ты просто выплеснешь им на манишки пару бокалов коллекционного вина.

— Я снова дома... — уныло проворчала я. — Там все одеты как ты?

— Имеешь в виду по-домашнему? Нет, они же в гостях и просто вынуждены были приодеться.

— Убирайся... — мрачно распорядилась я, сползая с постели. — Я иду выбирать платье.

Я забаррикадировалась в гардеробной на полчаса, перебирая свои наряды. Меня тянуло на траурный чёрный шёлк и муар, но я выбрала узкое и длинное малахитовое платье с глубоким декольте, вырезом на спине и разрезом на юбке — от бедра. Надела туфли на высоченном каблуке и, нанесла на лицо боевую раскраску «Держись, вселенная!» самых изысканных и нежных тонов. С причёской было больше всего проблем, но я очень постаралась и, когда вышла в свою гостиную, Терренс, присевший на краешек белого, как облако, дивана, только прищёлкнул языком и придушенно прошептал:

— Королева вернулась...

Он торжественно и почтительно протянул мне руку. Я хлопнула по ней пальцами в зелёных, под цвет платья, кружевах и направилась к двери.

Вечеринка, оказывается, проводилась совсем рядом, в большом, но уютном зале с камином, где в застеклённых витринах мерцали копии с десятка комплектов золотых шахмат из коллекции папы Делмана. Подлинники по завещанию были переданы в музей Шахматной федерации.

Я вошла, мило и нежно улыбаясь и приветливо кивая всем подряд. Я почему-то боялась увидеть Эдди, а ещё больше его невесту, но первым на глаза мне попался Макс. Он не играл в шахматы, как отец, но был отличным игроком в покер. И, даже если и побился об заклад с Джерри, поражение своё снёс героически, улыбнувшись мне столь радостно, сколь вообще мог улыбаться. Обычно он резок и скептичен. Джерри обрадовался мне вполне искренне и даже, не стесняясь изысканного общества, обнял и поцеловал в щёку, обдав волной изысканного и мужественного аромата, в котором, как и раньше, преобладали полынь и иланг-иланг. Его прекрасная китайская принцесса Ли тоже кинулась меня обнимать.

Мы обменивались какими-то фразами, а я невольно искала глазами Эдди, когда наткнулась на этого человека в смокинге, который стоял у растопленного камина с бокалом в руках и неотрывно смотрел на меня тёмными блестящими глазами, такой же элегантный, загадочный и опасный, как при нашей последней встрече. Увидев его, я замерла и забыла обо всём, в том числе и об Эдди с его невестой.

Джерри заметил мой взгляд и обернулся, потом с интересом посмотрел на меня. Он ничего не понял на этот раз, хотя обычно прекрасно понимал меня. Он подумал, что моё

внимание привлёк внезапно возникший на горизонте очередной прекрасный незнакомец. Нет, этого незнакомца я знала давно, пожалуй, даже слишком давно для такой молодой женщины, как я.

— Позволь тебе представить... — тут же оказался рядом Макс. — Это доктор МакЛарен, новая легенда Луарвига. У него слава гениального диагноста и мануального терапевта. Его руки творят чудеса. Я сам обязан ему тем, что хожу. Представляешь, пару месяцев назад я повредил позвоночник и мне грозил год в корсете. Доктор МакЛарен за несколько сеансов...

Он ещё что-то говорил, а я смотрела на Джулиана МакЛарена, которого не видела уже два года, с тех пор, как мы с ним расстались на космодроме Новой Луизианы, откуда я улетала на Землю, а он — на Эрнану, увозя с собой свою страшную тайну. Я ничего не знала о нём всё это время. Я не интересовалась, и мне не рассказывали. И вот он стоял в нескольких шагах от меня и на его широких скулах и высоком лбу лежали отблески огня, а в глазах плясало пламя.

Макс с несвойственной ему разговорчивостью описывал таланты своего лечащего врача, а я смотрела на МакЛарена, с тревогой думая, удалось ли ему справиться с тем, что выпало на его долю, или он всё же сдался в этой одинокой и беспощадной борьбе. И кто на самом деле сейчас стоит, глядя на меня и гордо вскинув голову, он или...

Он улыбнулся.

— Мистер Делман слишком великодушен ко мне, — проговорил он, делая шаг навстречу. — Право же, я не заслужил и половины этих похвал. Я всего лишь выполняю свою работу.

— За которую очень неплохо платят, — шепнул мне Делман.

Кто б сомневался... МакЛарен подошёл ко мне и протянул руку.

— Я не ожидал увидеть тебя уже через полгода после приезда сюда. Мне сказали, что ты не появлялась на Киоте больше года.

— Ты что, ждал меня? — растерянно спросила я, машинально подавая ему руку.

— Конечно, и искал, и ждал, — спокойно подтвердил он и, склонившись, коснулся губами моих пальцев. — У меня были на это причины.

— Так вы знакомы? — уточнил Делман. — Лора, ты действительно его знаешь?

— Даже больше, чем хотелось бы... — глядя в глаза МакЛарена, призналась я.

Он улыбнулся и, слегка поклонившись, отошёл обратно к камину.

Я вздохнула и взглянула в другую сторону, тут же наткнувшись взглядом на Эдди, который смотрел на меня настороженно и вопросительно. У него был такой вид, словно он говорил: «Одно твое слово, и я расторгну помолвку ко всем чертям!» Я вдруг неожиданно для самой себя одарила его безмятежной улыбкой, и он вздохнул с облегчением, словно только что избежал публичного скандала.

Гости разошлись. Эдди проводил до порога своего будущего тестя и невесту, оказавшуюся действительно очень милой девушкой. Она влюблённо смотрела на него весь вечер, расставаясь, всё старалась заглянуть ему в глаза, и после нежного поцелуя, упорхнула со звонким счастливым смехом. Я с загадочной улыбкой наблюдала за этим с верхней площадки лестницы. Закрыв за ней двери, Эдди взглянул на меня и виновато пожал плечами:

— Она меня действительно любит...

— Поздравляю, — искренне произнесла я.

Потом мы вернулись в гостиную, где ещё оставались Джеффри Коррен, Джерри Торранс,

Джиао Ли-Торранс, а также, естественно, Макс и Терренс. Указанные лица, как и Эдди Грандер, и я, Лора Бентли, являлись членами некоего тайного сообщества, поставившего своей целью борьбу с различными сверхъестественными проявлениями Тёмных сил в Луарвиге. И хоть все мы являлись членами различных организаций, или не имели никакого отношения к каким-либо организациям, за последние годы мы привыкли действовать в тесном сотрудничестве.

— Очень хорошо, что ты приехала, — деловито сообщил Макс. — Дело в том, что у нас появились некоторые подозрения, которые надо бы проверить, но нам не хватает информации. Ты могла бы помочь...

— Об этом обязательно говорить именно сейчас? — поинтересовалась я, присаживаясь в кресло.

— Не обязательно, — сообщил Терренс, бросив на Макса убийственный взгляд. — А о чём бы ты хотела поговорить?

Я потянулась и задумчиво посмотрела на огонь в камине.

— О докторе МакЛарене.

— Странно, что он так заинтересовал тебя, — проговорил Джерри. — Он и нас очень интересует. Откуда ты его знаешь?

— Давняя история. Мне бы не хотелось говорить об этом.

— Удивительно... — Джерри откусил щипчиками кончик дорогой сигары, бросил его в камин и прикурил от канделябра. — Ты единственный человек, который знает его более двух лет. Мы пытались выяснить его прошлое, но нам не удалось. Мы знаем только, что год назад он после полного курса экзаменов и однолетней стажировки на Эрнани получил диплом врача и лицензию на занятие медицинской деятельностью. До этого о нём ничего неизвестно, словно его и не было. Где он получил своё блестящее образование, откуда у него знания о лечении травами, минералами, водой и огнём, откуда эти манеры аристократа и энциклопедические знания в самых разных отраслях науки? Ничего неизвестно. Он хранит молчание и ловко уходит от ответов. Ты знаешь, откуда он?

Я молча взглянула на него.

— Да, но мне не хотелось бы об этом говорить сейчас. Это не моя тайна и я не вправе раскрывать её.

— Значит, тайна всё-таки есть?

— А почему вы им заинтересовались? — спросила я. — Он что-то такое сделал?

— Какое такое?

— Джерри, почему вас интересует МакЛарен?

— Просто он странный. Он состоит в Ордене госпитальеров, но живёт в собственном доме на Ридженс-стрит. У него свой кабинет и практика в платной клинике Мозеса, где он лечит богатых пациентов и дерёт с них три шкуры. Одновременно он работает в госпитале Святого Лазаря и у госпитальеров, где совершенно бескорыстно лечит бедных. И везде он творит чудеса наподобие того, что рассказал тебе Макс. Иногда он излечивает людей обычным наложением рук. А иногда после излечения кого-нибудь из его богатых пациентов в семье этого пациента происходят несчастья. Кстати, это случается всякий раз, когда он предупреждает пациента о вероятности такого несчастья в качестве расплаты за излечение. К его чести, за такие случаи он берётся с крайней неохотой, но ведь берётся... К тому же, он является клиентом нескольких весьма солидных магазинов магических принадлежностей, тех, что торгуют всякими хрустальными шарами, пентаклями и сушёными конечностями

повешенных и летучих мышей. В публичной библиотеке он часто посиживает над колдовскими книгами, а на днях предложил Терренсу выкупить у него библиотеку оккультной литературы тетушки Мирры. Я попытался подъехать к нему, пригласив в свою школу фехтования, всё-таки он рыцарь, да и клиентура у меня не из последних. Знаешь, что он сказал? «Какой из меня рыцарь! Я кроме скальпеля и иглы от шприца ничего острого в руках не держал». А после этого я узнаю, что он в клубе Джеверса на спор сражался на рапирах с чемпионом Британии по фехтованию и победил в пяти из пяти схваток. Фехтовали при свечах на трёх сдвинутых столах. После этого он взял со всех присутствовавших слово чести не рассказывать о поединке, чтоб, якобы, не навредить репутации противника. Представляешь, какое благородство... Джеверс клялся мне в «Чёрной розе», что этот парень настоящий бретёр.

— Загадочно, но ничего криминального... — пожала плечами я.

— Ничего криминального... — кивнул Джерри. — Но загадочно... Мы зря занимаемся им?

— Нет, продолжайте и держите меня в курсе. Мне тоже очень хочется разобраться в его тайне...

Джерри задумчиво смотрел на меня, зажав в зубах дымящуюся сигару.

— Скажи мне честно, — наконец произнёс он. — В этом есть личный интерес?

— Да, — после некоторого раздумья призналась я, — но не в том смысле, в каком ты мог подумать. На самом деле я совсем не рада видеть этого человека здесь.

В ту ночь я ничего больше не стала объяснять, хотя у меня были серьёзные сомнения в правильности такого умолчания. Всё зависело от того, чем кончился поединок, в начале которого Джулиан МакЛарен находился два года назад. Если он проиграл, то он представлял большую опасность для окружающих, но если он выиграл, то вполне имел право на покой и сохранение своей роковой тайны. Мои друзья, видимо, заметили, что я оказалась перед сложным выбором, и Макс попытался выудить из меня побольше, но Джерри пресёк его попытки в самом начале, за что я была ему очень благодарна. Я слишком устала, чтоб спорить.

Утром Кинг пригласил меня к завтраку в малую гостиную, принадлежащую Макс. Надо сказать, что папа Делман был человеком не без чувства юмора, и разделил свой замок между наследниками таким образом: все чёрные помещения — Макс, все белые — мне. Помещения вроде холла внизу и той гостиной, где проходила вечеринка, то есть сочетающие в себе как белое, так и чёрное — находились в общей собственности обоих наследников. При этом чёрное и белое, как и положено в шахматах, всегда было рядом. Макс предлагал мне переделить замок хотя бы по этажам, но я отказалась, сказав, что вовсе не претендую на полное владение своей половиной. Мне достаточно моих трёх комнат и возможности находиться в чёрно-белых помещениях, остальное — в его распоряжении. Но Макс не был бы Максом, если б согласился на такой компромисс. Его девиз: «Всё или ничего». Поэтому он остался в своих чёрных комнатах. К тому же он просто больше любил чёрный цвет, чем белый.

Макс был личностью незаурядной, талантливый биоинженер и кибернетик, он держал свои таланты в тайне, и единственным его детищем был Кинг, мощный компьютер на живых кристаллах, этакий супермозг. Именно его бесконечно обучал и совершенствовал Макс, отдав свои силы помимо этого увлечения, борьбе со Злом, как он её понимал. А понимал он её так же прямолинейно, как и всё остальное: если враг не сдаётся, он должен быть

уничтожен. Поэтому Макс, хоть и предпочитал белоснежные сорочки и безупречные узкие сюртуки, никогда не гнушался тем, чтоб взять в руки луче­мёт, натянуть на голову защитный шлем и рвануть с перекошенной от ярости физиономией в атаку на мировое Зло.

Я явилась по приглашению точно в указанное время, предварительно надев э­легантное, но не броское платье, тщательно наложив макияж и уложив волосы. Именно это ценил во мне Макс: э­легантность, исполнительность и пунктуальность, потому что именно в этом мы были похожи. Бледный, с резкими чертами лица, горящим взором и причёской под маршала Мюрата, Макс в то утро вышел к завтраку в чёрных брюках и узком сюртуке, под которым белела сорочка и мерцала на широком ремне чеканная пряжка. Уныло посмотрев на него, заспанный Терренс в домашней бархатной куртке цвета пыльной розы упал на стул перед своей тарелкой и проворчал:

— Неужели нужно будить всех, если самому не спится? Ты помнишь, во сколько мы легли? Мне, между прочим, для нормальной жизнедеятельности нужно не меньше восьми часов сна...

Джерри усмехнулся, глядя на него, и небрежным и точным движением опустил салфетку на колени. Он не стал надевать пиджак и галстук, но всё равно выглядел безупречно. Ли наверняка встала ещё до рассвета и успела проделать полный комплекс китайской гимнастики и теперь сидела за столом с вежливо-отсутствующей улыбкой. Джеффри появился последним. Мрачно взглянув на Макса, он проворчал: «Садист...» и тоже сел.

— Доброе утро, — ледяным тоном произнёс Макс, взглянув на него. — Если у кого-то сломались часы, то уточняю, что уже девять и у нас много дел. К сожалению, Эдди уехал, однако мы попытаемся справиться без него.

По такому вступлению можно было решить, что он начинает важное совещание, но на самом деле ничего подобного. Просто у него такая манера совмещать приятное с полезным, обсуждая за завтраком возникшие проблемы. К этому уже все привыкли, и никто особо не обращал внимания на его многозначительный тон.

— Вернёмся к нашей проблеме, — произнёс Макс тоном председателя собрания.

— Нет никакой проблемы... — возразил Терренс. — И дел у нас нет. И незачем было вскакивать в такую рань. Всё тихо и спокойно. На фронте затишье, солдаты спят, маркитанки штопают знамёна.

Макс мрачно взглянул на него.

— То, что сейчас мы пока без срочной работы, ещё не значит, что можно дрыхнуть целый день. Именно сейчас у нас есть возможность более внимательно разобраться в том, что выглядит так подозрительно. Или ты не согласен?

— Минуту, — я подняла руку, — семейные сцены оставим на потом. Как я поняла, сейчас в городе не происходит никаких инцидентов, требующих нашего немедленного вмешательства?

— Никаких, — кивнул Джерри, намазывая джемом тост. — Прекрасная возможность осмотреться, понаблюдать, поразмышлять...

— У кого, конечно, есть на это время, — проворчал Джеффри, вечно занятый на службе у своего тестя судовладельца Келха.

— Очень хорошо, — кивнула я и снова вспомнила о вчерашней встрече. — Но всё-таки какая-то проблема есть?

— Не проблема... — покачал головой Терренс. — Подозрение. У него...

Он ткнул пальцем в сторону Макса.

— Теперь я могу сказать? — уточнил тот. — Спасибо. Так вот, — он обратился ко мне, — всё дело в одной картине. Начну сначала... У моего отца был старый друг, его звали Мигеле Фернандес дель Соль. Он был такой же чудак, что и папа, но куда более безобидный. Он жил спокойно в своём доме на авеню Пари, содержал небольшую, но довольно престижную антикварную лавку и писал какие-то исследования по истории изобразительного искусства. Он жил один, и после смерти отца я навещал его, чтоб он не чувствовал себя слишком одиноко. У него не было родственников, и все его друзья давно отошли в мир иной. Короче, месяц назад он скончался, оставив после себя этот самый дом и лавку, назначив меня своим душеприказчиком. Всё своё имущество он завещал продать на аукционе и передать деньги в благотворительные фонды и часть — школе искусств, в попечительский совет которой он входил. Он сам составил полный каталог своего имущества, который был по его распоряжению напечатан в антикварном бюллетене за позапрошлый месяц. Каталог снабжён подробными пояснениями к каждой позиции с указанием оценочной стоимости. Произведения искусства, подлежащие продаже, выставлены в галерее Портмана, арендованной на ранее зарезервированные им средства. Аукцион назначен на восьмой день Рэу, то есть через три недели. Казалось бы, такая завидная предусмотрительность должна была бы обеспечить беспроблемное исполнение его последней воли. Но проблема всё же возникла...

— Ну, какая это проблема? — фыркнул Терренс. — Кое-кто желает купить одну из вещей без аукциона...

Макс метнул на него гневный взгляд, потом посмотрел на меня.

— Наверно, он прав, это не проблема. Но это довольно странные обстоятельства. Речь идёт о картине, написанной маслом на кипарисовой доске. В каталоге она числится как «Посещение больной» Яна ван Эйка, 1435 год.

Я нахмурилась, вспоминая то немногое, что мне было известно о Северном Возрождении и фламандской живописи того времени. Макс тем временем продолжил:

— Началось всё с того, что к моему адвокату Руфусу Тэнгу, который занимался формальностями, обратился некий Магнус Ван Тот, с предложением продать ему картину за сумму в три раза превышающую ту, что указана в каталоге. Ты знаешь старика Тэнга, он формалист и зануда, и потому предложил этому господину поучаствовать в аукционе. Спустя несколько дней некий художественный музей Алкора предложил за картину сумму в десять раз больше. Тэнг обратился ко мне, и я сказал, что воля покойного для нас закон. Им тоже предложили дождаться аукциона. Неделью спустя явился некий посредник, который не пожелал назвать своего клиента и предложил в сумму на два порядка выше каталожной.

— Сколько указано в каталоге? — спросила я.

— Десять тысяч кредов.

— Прилично для подделки...

Макс и все остальные изумленно воззрились на меня. Я пожала плечами.

— Может, это не подделка, а подражание или другой художник, которого принимают за Ван Эйка. Вы можете этого не знать, но на самом деле картины этого художника на Земле очень ценятся, они хранятся в лучших музеях и галереях планеты, их вывоз категорически запрещён. Если эта картина была вывезена контрабандой, то она подлежит безусловному возврату на Землю по Лознийской конвенции 2204 года. Ваш антиквар не мог об этом не знать. Объявив эту картину произведением Ван Эйка, он фактически подписал запрос о её

возврате. Не думаю, что он действительно верил в то, что картина подлинная.

— Она подлинная, — кивнул, наконец, проснувшийся Терренс. — Мы провели экспертизу доски, красок и лака. Они соответствуют дате, указанной в каталоге.

— Ян Ван Эйк был очень популярным художником. Ему подражали. Это может быть другой художник.

— Может, — пожал плечами рыжик и кивнул задумавшемуся Максу. — Продолжай.

— Вероятно, он просто набивал ей цену, чтоб продать подороже, — пробормотал тот, — Если все эти претенденты поверили, что это Ян Ван Эйк, и у них появилась надежда перехватить его до того, как её заметят эмиссары комитета по возврату похищенных ценностей... Может, потому они и торопятся?

— Всё же расскажи до конца, — предложила я.

— Рассказывать осталось немного. Неделю назад картину пытались похитить, проникли ночью в галерею Портмана и хотели её унести. Им помешал патруль, заметивший свет фонариков сквозь стеклянные двери. Картину нашли в зале на полу возле стены. Преступники скрылись через чёрный ход.

— Она большая?

— Шестьдесят на восемьдесят пять сантиметров.

— Да, с такой картиной, да ещё на кипарисовой доске не так легко убежать.

— Нам пришлось пойти на дополнительные затраты и усилить её охрану. Вчера снова объявился тот посредник и удвоил цену... — Макс задумчиво смотрел на меня. — В любом случае я не могу так просто это оставить. Если эта картина другого художника, это должно быть сообщено покупателям. Вся проблема в том, что на Киоте нет подходящих экспертов. Вывоз художественных ценностей с Земли запрещён, и за её пределами нет специалистов, разбирающихся в этом. Нам не удалось пригласить эксперта с Земли, потому что они отказываются ехать. На Земле ничего не знают о такой картине Ван Эйка. Они тоже настаивают на том, что это фальсификация.

— Ладно, — кивнула я. — Может, это фальсификация, на которую клюнули несколько желающих её приобрести. А мы-то здесь при чём? Дело пахнет криминалом, но не более того. Есть факт попытки похищения картины. Пусть этим занимается полиция.

Макс переглянулся с Джерри, и тот ему кивнул.

— Мы провели собственное расследование. Магнуса Ван Тота не существует. Под этим именем скрывался некий Титус Магнем, считавший себя колдуном. Он убит пару недель назад кинжалом с изогнутым клинком и чёрной рукояткой. Мы связались с Алкором, но в том музее, который был указан в письме, нам сообщили, что они интересуются только замковой живописью Западного королевства Алкора и ничего нам не направляли. Телефон посредника вывел нас на некое колдовское общество, которое обосновалось на одном из островов архипелага Чаек здесь же на Киоте. В своих ритуалах они используют подобные кинжалы с чёрными ручками. Они называют себя Сынами Астарота.

— То есть картиной пытаются завладеть колдуны?

— Необычно для картины, изображающей невинный визит лекаря к больной даме, — пояснил Джерри.

— А кто предложил два миллиона, выяснили?

— Нет, но есть ещё кое-что... Полторы недели назад полиция нашла логово некоего маньяка, который убил трёх девушек. В его подвале обнаружили всякие магические предметы и чёрный алтарь, над которым к стене была пятью булавами приколот

репродукция нашей картины, вырванная из каталога.

— А самого маньяка нашли?

— Там же возле алтаря, со свёрнутой, как у цыпленка шей. Причём, на картине изображено, как лекарь делает даме кровопускание. Он тоже перерезал девушкам вены и выпускал всю кровь.

— Он тоже был колдуном?

— Скорее гадалем, гадал одиноким дамам на картах Таро, на кофейной гуще и по руке.

— Да, похоже, это наши клиенты... — пробормотала я.

— В том-то и дело, что не наши, — вздохнул Джерри. — Мы ничего не знаем о демонологии, земных суевериях и колдовстве. Я даже про этого Ван Эйка слышу впервые, хоть и вырос на Земле. Мне кажется, что тебе будет легче с этим разобраться. Займёшься?

— Да, пожалуй... Где, вы говорите, можно посмотреть на эту картину?

— На авеню Пари, 32, галерея Портмана. Вход свободный.

— Я съезжу туда сегодня же и посмотрю, что это за картина.

Галерею Портмана я нашла без труда. Она возвышалась высоким античным портиком над небольшими симпатичными домиками, в которых размещались антикварные лавочки, магазинчики рукоделия и ювелирные мастерские, где торговали оригинальными драгоценностями, изготавливаемыми тут же. Пройдя мимо белоснежных колонн, я вошла в высокие стеклянные двери и сразу же оказалась в большом круглом зале, где на стенах были развешаны картины, а в витринах стояли серебряные и фарфоровые статуэтки, фигурные часы и позолоченные канделябры. Вещи покойного антиквара действительно были красивыми, старинными и в хорошем состоянии. Осмотрев половину экспозиции, я, наконец, увидела на дальней стене ту картину, написанную маслом. Верхний слой лака потемнел, и потому казалось, что действие на картине происходит вечером. На ней была изображена сумеречная комната, в центре которой располагалась группа людей: обессилено сидящая в кресле молодая женщина в чёрном платье и белом чепце, напротив неё стоял мужчина средних лет с бородой в чёрном камзоле и держал её руку, из которой в подставленную румяной служанкой чашу текла кровь. Слева возле руки женщины на столе лежала стопка книг и ещё одна раскрытая книга. Рядом стоял витой подсвечник с погасшей свечой, а перед ней на белом полотне были аккуратно разложены какие-то металлические инструменты. Справа размещался бордовый балдахин и под ним — постель, покрытая узорчатым покрывалом. На заднем плане виднелось окно, а за ним безмятежный пейзаж, голубое небо, луг и на лугу вокруг столба какие-то люди, которые танцуют парами. Видимо художник изобразил там какой-то народный праздник. Рядом на стене висело выпуклое металлическое зеркало.

Довольно простая сцена, неоднократно повторявшаяся в живописи тех времен. Присмотревшись получше, я не могла не признать, что картина, безусловно, принадлежит кому-то из мастеров фламандской школы, о чём говорила сама композиция картины, детально выписанный задний план, очень натуралистично изображённые лица героев, наконец, та тщательность, с которой выписаны все предметы. Приглядевшись, я увидела объёмные складки чёрного бархатного платья больной, тонкие волоски на лбу лекаря, дымок от погасшей только что свечи, золотые буквы на корешках книг, переливающиеся узоры на покрывале. А вот искусно нарисованная собачья мордочка, высунувшаяся из-под края покрывала. Может, это был и не Ван Эйк, но картину можно было назвать шедевром, и ещё

от неё веяло какой-то странной жутью, безысходной печалью и страхом. Я слегка отодвинулась, чтоб попытаться понять, что на этой картине вызывает такое чувство.

— Недурно, но, конечно, не Ван Эйк... — прозвучал за моей спиной негромкий мужской голос.

Я обернулась и увидела Джулиана МакЛарена. Он был в чёрных брюках и бархатном пиджаке, белой рубашке без галстука, на шее в приоткрытом вороте повязан шёлковый чёрный платок. Блестящие тёмные волосы гладко зачесаны назад. Взгляд тёмных глаз устремлён на картину.

— Краски... — произнёс он. — Посмотри, дело не только в лаке. Потускнели сами краски. С картинами братьев Ван Эйк такого не случалось. Это они довели до совершенства состав красок на растительных маслах и ввели их повсеместное применение. Но никто не умел делать такие краски, как они. Их краски не теряют свежести веками. К тому же сюжет... Слишком мрачно для такой возвышенной и набожной натуры как Ян Ван Эйк.

Он, наконец, отвёл взгляд от картины и взглянул на меня.

— Извини, что помешал тебе любоваться этим шедевром.

— Что ты здесь делаешь? — поинтересовалась я.

— Ищу тебя. Вернее, я был здесь неподалёку у своего пациента и увидел, как тыходишь в галерею. И решил, что это прекрасная возможность пригласить тебя на ланч.

— Спасибо, я недавно позавтракала.

— Может, тогда просто прогуляемся?

Я внимательно смотрела на него, пытаюсь угадать ответ на мучивший меня со вчерашнего вечера вопрос. Бесполезно. Его лицо было спокойным и непроницаемым, как всегда. Это мог быть он, а мог быть и тот, другой...

— Я пришла, чтоб посмотреть на эту картину, — возвращаясь к созерцанию, пояснила я.

— Профессиональный интерес, — понимающе проговорил он, и это заставило меня обернуться.

— А почему ты решил, что профессиональный?

Он пожал плечами.

— Ты же воюешь с сатанистами...

Я нахмурилась и снова взглянула на картину. Ничего сатанинского я не увидела.

— Почему ты считаешь, что в этой картине есть что-то сатанинское?

Он удивился и недоверчиво взглянул на меня.

— Ты что, не видишь? Тут же полно ясных знаков, не говоря уж о некоторых мелких деталях. Например, взгляни, зачем столько инструментов для одного кровопускания?

Я снова обернулась. Инструментов на белом полотне действительно было многовато.

— Почему столь больная женщина сидит в кресле, а не лежит в постели? — продолжил он. — Постель вообще застелена покрывалом.

— Может, это всё чисто художественные приёмы, — предположила я.

Он с улыбкой посмотрел на меня.

— В бюргерской живописи с её почти маниакальным вниманием к деталям? Исключено. Наоборот, каждый предмет на этой картине несёт важную смысловую нагрузку. Ничего лишнего, только символы...

Я с испугом обернулась и посмотрела на свечу, на прощально утекающий в небытие дымок, а потом на бледное, страдальческое лицо женщины в кресле.

— Она умерла?

— Её убили эти двое, — он точным движением указал на лекаря и служанку. — Но они не просто её убили. Ты, конечно, можешь этого и не знать, но поверь моему профессиональному опыту, вот это... — его смуглый палец нарисовал овал вокруг инструментов на столе, — не хирургические инструменты. Это орудия пыток, применявшиеся инквизицией. Вот этот странный прибор, например, — приспособление для выдавливания глаз... Это...

Заметив, как меня передёрнуло, он махнул рукой.

— Впрочем, неважно, но факт остается фактом. Этот господин в чёрном — не врач.

— А кто? — я растерянно взглянула на него.

Джулиан внимательно посмотрел на картину.

— Полагаю, что это колдун. Иначе, зачем ему собирать кровь жертвы в магическую чашу.

Я снова обернулась к картине. Чаша действительно больше напоминала кубок и мало подходила для сбора крови при кровопускании.

— На чаше хорошо видны кабалистические знаки, — добавил он. — Книги на столе. Почему в комнате женщины столько книг? Это пятнадцатый век, а не двадцатый. Да и сами книги... присмотришься внимательнее к корешкам.

Я нагнулась к самой картине.

— Гермете...

— «Герметический корпус», — подсказал он, — «Наука о колдовстве», «Взывание к духам земным и небесным», остальные той же тематики. Если приглядишься, то увидишь, что раскрытая книга написана не латинскими, а древнееврейскими буквами. Возможно, это «Каббала». Что ещё? Ах, да, ну-ка, приглядишься к этим танцорам на лугу и к их столбу...

Я послушно приблизила глаза к самой картине и медленно отодвинулась. Люди танцевали спиной к спине, а на столбе торчал козлиный череп с рогами.

— Шабаш...

— Точно, — кивнул он, задумчиво глядя на картину. — Вообще странная идея вывешивать такую картину в галерее...

Он продолжал рассматривать картину на стене, а я ошарашено смотрела то на него, то на картину. Обычная жанровая сценка превратилась в кошмарное свидетельство убийства.

— У тебя хорошее зрение... — наконец выдавила я. — Что-нибудь ещё о ней скажешь?

— Если б изучить её повнимательней, наверняка нашлось бы ещё что-нибудь... А так, только то, что лежит на поверхности.

— Зачем кто-то мог нарисовать такую картину?

— Зачем было писать колдовские трактаты, проводить магические ритуалы, продавать душу дьяволу?..

Я снова быстро взглянула на него, но он задумчиво смотрел на картину.

— Кто-то верил в то, что рисовал, и передал потомкам какое-то послание.

— Довольно мрачное.

— Какое уж есть... — он снова взглянул на меня. — Насмотрелась? Может, всё-таки пройдемся?

Я вздохнула и бросила последний взгляд на ужасную картину.

— Да, мне нужно на воздух.

Мы вышли из галереи и медленно пошли по тихой красивой улочке, окружённой

маленькими магазинчиками и кафе. Мощёная гладким булыжником мостовая была приятно тёплой, из-за низких крыш виднелись зелёные кроны высоких деревьев городского парка, и где-то высоко в голубом небе мелькали быстрые росчерки пролетающих птиц. Вокруг бродили туристы, на открытых верандах кафе сидели влюблённые парочки, впереди нас пожилая дама в летней шляпке вела на поводках двух белоснежных смешно остриженных пуделей с красными бантиками на ушах. Только что пережитое потрясение как-то отодвинулось на задний план и казалось дурным сном, приснившимся прошлой ночью.

— Теперь объясни, зачем ты меня искал... — проговорила я, задумчиво глядя по сторонам.

— Просто хотелось ещё раз увидеть тебя. Хоть издалека.

— Издалека... — кивнула я.

— Можно и ближе... — усмехнулся он. — А ещё лучше совсем близко, как сейчас.

— Как твоё... — я замялась, не зная как сказать, но он итак понял.

— Спасибо, что спросила. Хочешь знать победил я или проиграл? Всё оказалось не так страшно, но гораздо сложнее, чем я мог подумать. В этой битве победить нельзя, она бесконечна, но я всё держу под контролем. Теперь мне уже не так страшно...

— И ты по-прежнему повелеваешь недугами?

Он настороженно посмотрел на меня.

— Откуда ты знаешь? Ах, да, понятно, за мной наблюдают... Ничего удивительного. Да, я иногда использую его Силу, но только тогда, когда чувствую, что мой пациент заслуживает серьёзного урока. Они всегда знают, на что идут.

— А «Звёздному щиту» на Эрнание ничего о тебе неизвестно.

— Правда? Понятия не имею почему. Я не прятался. А здесь тоже есть «Звёздный щит»?

— Ты что, криминальную хронику не читаешь?

Он удивлённо вздёрнул бровь.

— Я думал, что это совпадение...

Мы какое-то время шли молча, и я чувствовала на себе его взгляд.

— Честно говоря, я была не готова к твоему появлению, — наконец призналась я. — И я не знаю, как к тебе относиться.

Он кивнул.

— Догадываюсь... Но тебе нечего бояться. Возможно, мне не нужно было прилетать сюда. Я знал, что ты не захочешь меня видеть, но мне очень хотелось увидеть тебя. В любом случае ты вовсе не обязана уделять мне внимание.

— Неужели? — вырвалось у меня. Я с усмешкой посмотрела на него. — Ты даже не предполагал, что появившись здесь, тут же окажешься в сфере моих профессиональных интересов?

— Я не хотел стать причиной для беспокойства... — запротестовал он.

Я остановилась и с ехидством взглянула на него. Он секунд тридцать пытался изображать оскорблённую невинность, но потом всё же сдался.

— Ладно, — с виноватой улыбкой признался он. — Я знал... Я знал, что могу клясться и божиться, стоять на коленях и держать руку на Библии, ты не поверишь на слово, что я стал беленьким и пушистеньким. Ты должна будешь проверить это, причём сама, поскольку наверняка не расскажешь обо мне своим друзьям. Да и кто, кроме тебя, может попытаться разгадать мои уловки?

— Есть один такой... — заметила я.

Он покачал головой.

— Он не появится, потому что не в его правилах давать прямые ответы на прямые вопросы. В конце концов, решение задач — дело смертных или, по крайней мере, живых. А бесплотные духи лишь изредка несут туманную чушь, в которой, как в омуте, нужно неводом ловить мелкую рыбешку истины. Нет... Я думаю, что он предоставит это дело тебе. И тебе придётся хоть иногда со мной встречаться, внимательно на меня смотреть и слушать, не проскользнёт ли в моих словах что-то, что позволит тебе ответить на вопрос, на который я уже дал ответ.

— Ты не очень похож на беленького и пушистенъкого...

— Я никогда таким не был, даже в детстве.

— Понятно, значит, ты явился, прекрасно понимая, что я просто вынуждена буду заниматься твоей персоной?

— Повторяю ещё раз: я просто хотел тебя увидеть. И я вполне искренне ответил на твой вопрос. Если б это было не так, посмел бы я явиться сюда, рискуя быть разоблачённым?

— А зачем нужно было так рисковать в прошлый раз?

Он пожал плечами.

— Как хочешь... Если ты наберешься духу поверить мне, то тебе совершенно незачем мной заниматься. Если осторожность берёт верх, то я приглашаю тебя сегодня на ужин, скажем... в клуб Джеверса.

— Почему туда? — уточнила я.

— Потому что все лучшие рестораны скупил твой красавец-олдермен. Не думаю, что тебе захочется вдруг наткнуться на него... А у Джеверса вполне приличное заведение.

— Сегодня в восемь в «Чёрной розе», — улыбнулась я. — Не опаздывай...

И развернувшись, пошла к своей машине. Уже открыв дверцу, я обернулась. Он стоял на том же месте, где я его оставила. Элегантный и небрежный, словно позировал для обложки модного журнала. Его лицо было серьёзным, но в тёмных глазах искрился смех.

Уезжая со стоянки, я видела, как он проводил меня взглядом и направился к роскошному серебристому «шевроле-ирбис» последней модели. По дороге в Чесстауэр я думала о том, что он довольно ловко и без особых усилий завладел моим вниманием, как всегда, всё просчитав, и поставив меня в ситуацию, когда я просто не могла сделать вид, что его здесь нет. Вопрос в том, хотела ли я сделать такой вид? Почему мне вдруг пришло в голову пригласить его в свой любимый клуб, где я так часто бывала с Эдди? Почему мне совсем не тягостна эта мысль, и я не раздумываю над тем, как построить вечером своё поведение, чтоб заставить его раскрыть карты? И почему мне вдруг захотелось, чтоб Эдди узнал, что я пойду туда сегодня вечером с доктором МакЛареном, ведь без его ведома я никак не смогу зарезервировать столик в его лучшем клубе?

Ещё из машины я позвонила Джиму, метрдотелю «Чёрной розы» и попросила его оставить для меня столик в Звёздном зале. Он заверил меня, что к восьми часам лучший столик будет готов к моему визиту. И можно было не сомневаться, что к этому времени и Эдди будет доложено о моём заказе. Пусть так, лучше сразу расставить все точки над «i».

Вернувшись в Чесстауэр, я сразу же выяснила у Кинга, где Макс, и прошла в библиотеку, где он сидел в своем чёрном кресле за огромным столом, на котором можно было играть в футбол, и читал какой-то монументальный труд по астрофизике. Вокруг него громоздились монбланы книг, расположившихся на покрывающих стены стеллажах. Эти великолепные

застеклённые шкафы из красного дерева, отделанные медью, в которых таинственно поблёскивали золотом корешки тысячи тщательно отобранных томов, от шикарных юбилейных, подарочных и просто эксклюзивных изданий до настоящих раритетов. Именно эта библиотека более всего подчеркивала то, как на самом деле папа Делман любил своего сына, поскольку эта сокровищница была не белой и даже не чёрно-белой, она была чёрной, от мраморного пола до дубовых стропил потолка. Я немного завидовала Макс, но он со свойственным ему благородством позволял мне пользоваться библиотекой в любое время и без всяких условий.

Войдя, я присела в кресло по другую сторону чёрной равнины стола и воззрилась на полки. Макс аккуратно заложил книгу тонкой серебряной пластинкой, на которой был выгравирован китайский дракон в облаках, — комплект этих закладок ему подарила на день рождения Ли, — и взглянул на меня.

— Посмотрела на картину?

Я кивнула.

— Её нужно немедленно убрать из галереи, — проговорила я. — С ней действительно дело не чисто.

— Это невозможно, — возразил Макс. — Контракт на размещение экспонатов в галерее заключался в соответствии с волей покойного. Он не может быть расторгнут или изменён по моей прихоти.

— А если на картине изображён ритуал чёрной магии и шабаш?

— Но на ней это не изображено.

— У тебя есть её репродукция?

Макс внимательно посмотрел на меня, чуть отодвинул свою книгу и застучал пальцами по столу. Под его руками вспыхнули сенсоры компьютерной клавиатуры. На одном из книжных шкафов появился экран, а на нём — увеличенная копия картины.

— Ну и?.. — Макс вопросительно взглянул на меня.

Я рассказала ему о своих открытиях, и он тут же проверил их, увеличивая отдельные фрагменты картины.

— Эти странные танцы действительно говорят о шабаше? — уточнил он, разглядывая сцену, развернувшуюся за окном на лугу.

Я даже не предполагала, что там может оказаться такое. На самом деле это была ещё одна картина, выписанная так тонко и искусно, словно её рисовал мастер миниатюр под сильной лупой. Там были обнажённые женщины с распущенными волосами и мужчины с уродливыми, как у Босха, лицами. Некоторые играли в трубы, другие несли большие блюда, на которых лежало что-то, к чему не хотелось приглядываться, а возле столба сидел на возвышении козёл с этакой противной глумливой мордой.

— Именно так описывали шабаша как ведьмы и колдуны в своих признаниях, так и инквизиторы в своих книгах. Это стало почти штампом.

— А эти инструменты? Я, конечно, не могу сказать, зачем эти штуки нужны врачу, но ведь и медицина за прошедшие века весьма изменилась. Может, они всё-таки этим лечили?

Я пожалала плечами. От одного взгляда на эти железки меня пробирала дрожь, но я тем не менее решила проверить слова МакЛарена.

— Здесь есть книги по истории инквизиции? — спросила я.

— Кинг, — поднял голову Макс.

Тут же дверцы нескольких шкафов распахнулись, и осторожные пластиковые пальцы

манипуляторов сняли несколько книг с верхних полок. Макс встал и, собрав их, принёс мне. Я выбрала «Историю инквизиции в Испании» Лозинского и, быстро просмотрев оглавление, открыла книгу на нужной странице. Макс смотрел из-за моего плеча и тут же указал пальцем на несколько орудий, изображённых на иллюстрации, потом прочитал примечания внизу, и на его лице появилось отвращение.

— Они были больные, эти инквизиторы. И больной написал эту картину... — заявил он и, захлопнув книгу, вернулся в своё кресло.

— Может, проверим открытую книгу на картине? — предложила я.

— Зачем? — мрачно спросил он. — Я итак вижу, что это не латынь, и даже при своём скудном знании истории Земли, догадываюсь, что в те времена книге на еврейском языке нечего было делать в доме набожных бюргеров, — он снова взглянул на картину и откинулся назад. — А вот зеркало... Оно ведь что-то изображает.

— На одной из своих картин Ян Ван Эйк изобразил в таком зеркале себя.

— Правда? — Макс задумчиво взглянул на меня. — Кинг, обработай отражение в зеркале.

Тёмный переливчатый круг словно приблизился, потом стал плоским и на нём проявилось изображение козлиной головы с человеческими глазами и гадкой ухмылкой на морде, в раздвоенное копыто была вставлена кисть.

— Это вряд ли автор... — прокомментировал Макс.

— Говорят, что демоны были весьма образованы, даже писали музыку и книги. Почему не могли рисовать картины?

— Ты серьёзно? — Макс недоверчиво посмотрел на меня.

— Это так, просто мысли вслух. Может, рассмотрим поближе собаку?

— Не удивлюсь, если и у неё есть рога и копыта... — он стукнул указательным пальцем по столу и экран на шкафу погас. — Того, что я увидел, вполне достаточно, чтоб убрать эту мерзость из галереи. Если есть желание, можешь проводить исследования самостоятельно. С меня хватит. Я иду звонить Руфусу. Пусть делает что угодно, но уберёт эту доску с всеобщего обозрения...

— Её нужно лучше спрятать, Макс, — проговорила я. — Дьявол её написал или нет, но возможно в ней скрыто какое-то послание, которое и хотят получить эти колдуны с чёрными ножами.

Макс хмуро кивнул.

— А кто тебе сказал про эти инструменты? Или ты сама их распознала?

— Я не зафиксировала на них внимание, — призналась я. — Но в галерее мне встретился доктор МакЛарен. Он одинаково хорошо разбирается как в средневековой медицине, так и в методах охоты на ведьм, применявшихся в то время.

— Правда? — удивился Макс. — А он — разносторонняя личность...

— Не то слово. Послушай, можно узнать, где старик дель Соль взял эту картину? Ведь должны быть какие-нибудь документы, подтверждающие, что она является его собственностью: дарственная, купчая... Может, можно установить при каких обстоятельствах он её получил, какие-нибудь письма, дневники, его исследования?

— Я спрошу у Тэнга. Насчёт дневников и писем... он их сжег перед смертью. Ничего странного, не каждый захочет, чтоб кто-то потом читал его личные бумаги. А исследования... Кинг сделает подборку его статей.

Он вышел из комнаты, а на столе передо мной появился экран, размером с книжный

разворот, и сбоку небольшой пулыт. Подборка статей Мигеле Фернандеса дель Соль была в моём распоряжении.

Я просидела над этими статьями несколько часов и со всей очевидностью уяснила, что старик-антиквар не занимался не только демонологией, но и фламандской живописью. Его коньком было искусство барокко и рококо. Он с любовью описывал вычурные формы столиков и кресел, выискивал символы раковин на гербах и балдахинах, с умилением любовался толстощёкими ангелочками, придерживающими своими пухлыми ручками замысловатые часы, и сотканые из бронзовых листьев вазы. Он был влюблён в мадам де Монтеспан и маркизу де Пампадур. Маленькие ножки в атласных туфельках, осиные талии в атласе, нарумяненные личики в окружении седых завитушек и шёлковых бантиков. Он купался в изяществе этого искусственного, похожего на рай или детскую, куртуазного мирка. Он находил в нём стройную и изящную философию, щемящую драматичность и исключительный динамизм. И ему совершенно ни к чему был крепкий и основательный мир бургерского ренессанса с его грубоватыми живыми лицами, с обилием трепетно выписанных надёжных и долговечных вещей, с суровыми, насыщенными жизнью и трудом пейзажами и с твердокаменной пуританской добродетелью.

В чём-то я его понимала. Гораздо приятнее заниматься яркими причудливыми игрушками, чем вглядываться в бледные, очень серьёзные лица. Именно потому эти игрушки и идут на ура в антикварных лавках, даже если это заведомые подделки. Людям нравится причудливость и блеск. И я бы очень подумала, прежде чем повесить у себя на стену картину Ван Эйка или Гольбейна, лучше уж Вагто или Буше. Так что эта картина попала в коллекцию старого антиквара, скорее всего, случайно, и вряд ли он занимался её изучением. Просто повесил где-нибудь в углу в надежде, что когда-нибудь на неё упадёт взгляд одного из тех покупателей, которым нравится суровый аскетизм и мрачноватые сюжеты. Не для ложного Ван Эйка, а для своих ангелов и манерных красавиц он обеспечивал экспозицию и продажу только на аукционе, а, значит, по самым высоким ценам и самым настоящим ценителям. И Ван Эйком он объявил эту картину, скорее всего, из желания посмеяться над ней и над тем олухом, который может на это клюнуть.

Закончив читать статью о Никола Пуссене, я поняла, что это очень интересно, но вряд ли поможет мне в моих изысканиях. С сожалением выключив настольный компьютер, я успокоила себя тем, что отрицательный результат — это тоже результат.

Покинув библиотеку, я снова отправилась искать Макса и на сей раз нашла его на застеклённой террасе, скрытой под самой крышей замка. Он стоял возле прозрачной стены и задумчиво смотрел вдаль, на море зелени, из которой поднимались разноцветные крыши богатых вилл и домов. Где-то там, за роскошным районом Лунн раскинулся странный и жутковатый город, называемый Луарвигом. Макс смотрел именно туда, словно мог заглянуть за горизонт, в самые недра города. Он был бледен, его руки были скрещены на груди, он напоминал в этот миг задумавшегося демона, каким его так любили изображать на вершинах скал старинные художники. Печальный, одинокий и беспощадный к себе и другим.

Я подошла и встала рядом.

— Не нравится мне всё это... — признался он. — Что делал в галерее МакЛарен? Откуда он знает про орудия пытки и о том, как выглядели настоящие хирургические инструменты в те времена?

— Мне казалось, что ты от него в восторге... — пробормотала я, уходя от ответа.

— Я не верю людям, которые могут излечить наложением рук застарелую подагру, но

после этого сгорает магазин пациента или в единственный спутник его небольшой телевещательной компании попадает метеорит. И излечение подагры оборачивается инфарктом или полным параличом.

— Я боялась, что это оборачивается болезнью и смертью близких...

— Нет, видимо, он не лечит тех, кому дороги близкие, или они не соглашаются на такую цену. Эта палка всегда бьёт другим концом по самому дорогому.

— Тебе он, надеюсь, такую цену не предлагал?

— Нет. Мой случай оказался не столь тяжёлым... — Макс вздохнул и перевёл взгляд на облако, плывущее в синеве неба. — Честно говоря, я ему благодарен. Он мне даже нравится, что бывает нечасто. Он сдержан, ненавязчив, хорошо знает своё дело... Самое главное, что его всё-таки интересует, прежде всего, моя спина, а не состояние моего кошелька. Знаешь, что он сказал, после того, как я передал ему мнение профессора Меридитта о том, что мне необходимо лежать в корсете не меньше года? Что у профессора трое детей, которых надо кормить. Год в корсете для меня обеспечил бы несчастных детишек сладостями на несколько лет. Если б они были постарше, и их надо было ещё и учить, то мне грозил бы десяток сложнейших операций. А учитывая, что доктор МакЛарен пока холост и бездетен, то в данном случае вполне можно обойтись неделей постельного режима, месяцем корсета и курсом из двадцати процедур. И в отличие от профессорского лечения я ни разу не почувствовал боли. У него золотые руки...

— Вы говорили о чём-нибудь? — спросила я и тут же подумала, что это глупый вопрос.

Фонарный столб скорее бы разговорил садовую скамейку, чем Макс МакЛарена. Макс вообще не настолько интересуется людьми, чтоб разговаривать с ними.

— Нет... — подтвердил мою догадку Макс. — Он не болтлив, в отличие от всех этих портных, парикмахеров и массажистов... — он тяжело вздохнул, сожалея, что приходится прибегать к услугам этих несносных типов. — Его интересовали только мои ощущения во время процедур, и он высказывал только конкретные рекомендации, относящиеся к моему выздоровлению. Его гонорар, конечно, зашкаливает, но я накинул бы ещё пару сотен в благодарность за его молчание.

— Пару сотен? — встрепелась я. — Сколько он запросил?

— В два раза больше, чем Меридитт, по пятьсот за каждый сеанс плюс ещё тысячу за общее наблюдение. Между прочим, принимая в своём кабинете старушек с радикулитом, он берёт с них не больше пяти кредитов за сеанс, а у госпитальеров делает то же самое бесплатно.

— У него обострённое чувство социальной справедливости... — усмехнулась я.

— Может быть... Но всё равно в нём что-то не так. По документам ему двадцать девять лет. Возможно, он гений и вундеркинд, не спорю, такое случается. Но у него иногда бывает такой взгляд... — Макс поморщился и щёлкнул пальцами, подбирая слова. — Не как у старого человека, не усталый, а... знаешь, какой бывает у тех, кто повидал в жизни всякое, самое страшное и самое прекрасное, ничему не удивляется, ничего не боится и уже ничего не ждёт. Словно он живёт уже целую вечность, словно ему надоел не только мир, но и скука. Как Агасфер... Вечный Жид, бесконечным блужданиям которого нет конца... — он перевёл дух после непривычной для него речи. — Это бывает не всегда, но иногда у него мелькает именно такое выражение, и тогда даже мне становится не по себе...

Макс посмотрел на меня и сообщил:

— Между прочим, у тебя сейчас именно такой взгляд.

Я вымученно улыбнулась.

— Не обращай внимания. Хотя, когда ты говорил, я вдруг действительно почувствовала себя Агасфером... Вечным Жидом...

— МакЛарен — не тот, за кого он себя выдаёт, — подвёл итог нашего разговора Макс.

— Не знаю... Может оказаться, что на самом деле он и есть Джулиан МакЛарен, тот самый, единственный... Я встречаюсь с ним сегодня в «Чёрной розе». Хочу выяснить, что он собой представляет.

— В «Чёрной розе»? — уточнил Макс.

— Почему бы нет? Лучше скажи, что с нашей картиной?

Он поморщился.

— Ничего хорошего. Я не мог сказать Тэнгу, почему мы хотим убрать картину из галереи. Ему это знать ни к чему. Пришлось жать на то, что на неё снова могут покушаться, и что, судя по всему, она очень дорогая, куда дороже, чем предполагал дель Соль. Еле уломал его. Теперь он уламывает Портмана. В любом случае, скоро галерею закроют, ночью её будут охранять, а утром, я надеюсь, её уже привезут сюда, и мы закрём её внизу, в сейфе. До аукциона...

— А потом её придется продать?

Макс бросил на меня быстрый недовольный взгляд. Он тоже думал об этом. Он искал способ, как избежать выпуска картины в свободное плавание и при этом не нарушить последнюю волю старого друга.

— Мы сами можем выкупить её, — предложил он. — Всё равно деньги пойдут на благотворительность. Не жалко.

— Макс, на аукционе цены на неё могут взлететь до небес.

— Ладно, — махнул рукой он. — Я что-нибудь придумаю. А пока, пойдём, посмотрим, что Кинг приготовил нам на обед. У меня разыгрался аппетит, да и тебе нужно как-то дожить до твоего ужина при свечах.

Без пяти восемь я вошла в Звёздный зал «Чёрной розы» в сопровождении утончённого и предупредительного красавца-метрждотеля в смокинге. Джим лично встретил меня в фойе, поприветствовал негромким приятным голосом и с обаятельной и услужливой улыбкой поцеловал пальцы протянутой ему руки. Проводив меня в зал, он отодвинул кресло возле столика, расположенного в сумраке мерцающей красотами звёздного неба беседке из синего пенелопского мрамора с вкраплениями радужно искрящейся слюды. На фоне таких же стен высокие античные колонны беседки и изысканно выточенная балюстрада казались прозрачными и даже призрачными, словно их силуэты только угадывались в сиянии южной ночи.

Покрытый белоснежной скатертью столик был сервирован на двоих фарфором и позолоченным серебром. В глубинах хрусталя мерцали золотистые галактики искр, отражающих свет десятка свечей, горящих на подвешенной над столом люстре из кварца. Погрузившись в уютное резное кресло, я с блаженным видом огляделась по сторонам. Ближайший столик был метрах в семи от меня и высвечивался из темноты таким же неверным светом свечей, от чего казался лишь деталью интерьера.

— Могу я предложить мадам бокал мaderas из собственных погребов господина советника? — с нежнейшей улыбкой поинтересовался Джим.

Я бывала в его владениях довольно часто, и он, конечно, знал, что я люблю мадеру, но вряд ли имел свободный доступ к погребам советника Грандера. Скорее, это был

благородный жест Эдди, как радушного хозяина. Я милостиво кивнула, и Джим наполнил мой бокал.

— Если вам что-то понадобится, вам известно, как дать мне об этом знать, — он взглянул на хрустальный колокольчик рядом с вазой, в которой исходили от нежности белоснежные лилии.

— Неужели ты сам будешь прислуживать за столом? — уточнила я. — Не слишком ли много чести...

— В самый раз... — шепнул он, взглянув мне в глаза. — К тому же это доставит мне истинное наслаждение.

Я пригубила вино, чтоб скрыть усмешку, а он беззвучно исчез в темноте. За последние годы я уже отвыкла от такого обращения, а ведь когда-то это было для меня привычным делом. Неужели меня опять будут носить на руках, окружать заботой и возводить на пьедестал? По правде говоря, иногда это бывает очень утомительно.

Из темноты снова появился Джим, но теперь он сопровождал к столику Джулиана МакЛарена. Тот был в пиджаке из змеиной кожи, чёрном с зеленоватым отливом, шёлковой водолазке и чёрных брюках. В руке он держал цветок, кроваво-алую розу на длинном стебле. Он с улыбкой протянул её мне и сел напротив. Я вдохнула её аромат и воткнула в вазу с лилиями. Джим тут же быстрым, почти незаметным движением передвинул её так, что она оказалась в самом центре цветочной композиции.

— Меню... — начал он, но МакЛарен чуть шевельнул пальцами.

— На ваш вкус...

Джим понятиливо кивнул и обернулся ко мне.

— Мои вкусы тебе тоже известны...

Джим улыбнулся и исчез.

— Это похоже на игру, правда? — спросил МакЛарен с загадочной улыбкой. — Угадает он или нет? В любом случае, это будет восхитительно.

— Ты часто бываешь здесь? — поинтересовалась я.

— Станный вопрос... Разве я мог пропустить это заведение? Тебе ведь известна моя слабость к роскоши. Особенно теперь, когда я могу наслаждаться ею в полной мере.

— Особенно если учесть, что места здесь нужно заказывать за месяц.

— У меня тут есть связи, — вполголоса признался он.

— Джим?

— Думаешь, парню легко полсуток держать спину прямо и вытанцовывать пируэты между столами в восьми огромных залах? И возле каждого «особого» посетителя надо галантно склониться...

— По крайней мере, он больше не таскает подносы...

— Он не может. Вернее, не мог, пока не обратился ко мне. Вернее, не он, а его работодатель. Мистер Грандер пришёл в ужас от одной мысли, что потеряет такого актёра в своем блистательном театре, и заявил, что оплатит любое лечение.

— Эдди искренне заботится о своих людях! — вступилась я за бывшего возлюбленного.

— Верю, — успокоил меня МакЛарен. — Я тоже не чужд сентиментальности и потому не стал злоупотреблять его благородством. По крайней мере, теперь я могу рассчитывать на то, что Джим всегда найдёт для меня свободный столик если не здесь, то в «Короне» или «Дельфиньем гроте».

— Как выгодно, оказывается, быть врачом.

— Хорошим врачом, — уточнил он. — Я стараюсь быть именно таким.

Джим снова возник у стола и показал ему бутылку с бледной запыленной этикеткой. МакЛарен кивнул, и Джим налил ему в бокал вино. Даже через стол я уловила аромат хереса. Возле стола едва заметно скользнули тени официантов, и перед нами появились первые блюда. Когда мы снова остались одни, МакЛарен с интересом взглянул на меня.

— Чему ты так таинственно улыбаешься?

— Просто подумала, какую забавную парочку мы с тобой представляем.

— Ты полагаешь, что мы похожи на богатых идиотов, этаких снобов, прожигающих жизнь?

Я вдруг подумала, что он постоянно работает в госпитале Святого Лазаря и в клинике госпитальеров. Вряд ли такая работа может заинтересовать сноба.

— Извини... — проговорила я. — Просто иногда выхватываешь из жизни один час и как-то забываешь о том, что происходит ежедневно. Я вовсе не считаю тебя богатым идиотом, как впрочем, и себя. Просто на фоне обычной жизни такая роскошь начинает казаться чрезмерной.

— По крайней мере, будет что вспомнить. В любом случае, у нас с тобой обнаружилось кое-что общее...

— Например?

— Например, нам обоим нравятся старинные крепленые вина. За что и стоит выпить... — он тихонько звякнул своим бокалом о мой. — А теперь можно перейти к официальной части...

Он выжидательно и покорно взглянул на меня. Я не могла понять, он так дурачится или говорит серьёзно.

— Что ты имеешь в виду?

— Как что? Учитывая, что я навязал тебе своё общество, ты была вынуждена пойти на эту встречу, поскольку тебе совершенно необходимо выудить из меня как можно больше достоверной информации, то я готов облегчить твою задачу и честно ответить на все твои вопросы. Правда, ты вовсе не обязана мне верить. Это даст мне надежду на ещё один романтический ужин. Итак?

Я невольно рассмеялась. Обстановка как-то не располагала к допросам. К тому же я вовсе не хотела что-то из него вытягивать. В тот миг мне казалось, что сердцем я итак всё пойму.

— Наверно, я удовольствуюсь тем, что ты сам захочешь мне сказать.

— Интересная тактика, — поразмышляв с минуту, признал он. — Но что тебе сказать? Моя жизнь не так богата событиями, как ты можешь себе представить. С твоей не сравнить...

— А что ты знаешь о моей? — насторожилась я.

— Довольно много... — ответил он. — Год назад я покинул Эрнану и полгода спустя оказался здесь в ожидании прекрасной дамы из давно забытой жизни. Между этими двумя моментами я прожил полгода, которые были наполнены поиском. Твой друг дал мне совсем немного информации о тебе. Он ревностно хранит твои тайны. С тех пор, как мы расстались на Эрнане, я его не видел, хоть он и дал мне слово, что будет наблюдать за мной и явится на помощь сразу, как только это будет необходимо. Но я как-то обходился без него. Может, потому что искал тебя? Я начал с того, что выяснил, что на Новую Луизиану ты прилетела не с Киоты, как многие считали, а с Рокнара. Именно там я и нашёл твой пустой дом на берегу

океана, а так же изнывающего от скуки и печали соседа...

— Мик Темпеста... — мрачно определила я. — И что он тебе разболтал?

— Много чего... Он клялся, что любит тебя чистой любовью преданного и безмолвного рыцаря, и поделился, что не смог бы тягаться с Крисом, но ты и Крису послала подальше. Он, бедняга, погибает там от безделья и утешается сочинительством, причем безграмотность мешает ему делать это письменно. Он совершенно запутался в своих выдумках и почти не отличает их от реальности. Твоя подруга Сагни рассказала мне куда больше...

— Сагни? — изумилась я. — Она говорила с тобой обо мне?

Он скромно улыбнулся.

— Ну, да... — кивнула я. — Опять твой опыт соблазнения одиноких ведьм.

Он рассмеялся.

— Она такая по натуре. Это в крови. Она прелесть, правда. Уверяю, что я её не соблазнял, просто... внушил некоторое доверие. Правда, не сразу... Мне пришлось потратить на это много времени. Но потом я честно признался, что хочу тебя найти. И она сказала, где тебя искать.

— И почему ж ты не нашёл меня там?

— Потому что паспортно-визовые службы Земли слишком тщательно проверяют анкеты тех, кто хочет попасть к вам. У меня были документы, выданные два года назад на Новой Луизиане, но что бы я мог поведать о том, где я был и что делал до этого? Слишком много вопросов, на которые я не в состоянии дать вразумительный ответ. Мне пришлось избрать второй вариант. Я прилетел сюда. Начать здесь практику мне помог Орден, со временем я её расширил и с разрешения командора переселился в город. Я завёл необходимые знакомства и вскоре понял, что шансов увидеть тебя здесь у меня немного. Но иного способа я не видел. Я, конечно, узнал, что ты рассталась с Эдди Грандером и уже больше двух лет не появлялась на Киоте. Что могло привести тебя сюда?.. Только чудо... И оно случилось.

— Да уж, чудо... — пробормотала я. — Моя лодка разбилась о скалы и жестокое море выбросило меня на этот берег... У меня больше нет дома на Земле. Мой первый муж, которого я так и не смогла отпустить до конца, женился...

— Ты же знала, что рано или поздно это случится, — пожал плечами он. — Согласись, теперь твоя душа спокойна если не за себя, то за него.

— Может быть, — я горько усмехнулась, вспомнив об экспедиции Алика, — А мой сын предпочёл общению со мной изучение осьминогов и каракатиц.

МакЛарен нахмурился.

— Вообще-то, в чём-то я его понимаю. Осьминоги... Это очень интересно.

— По-твоему, это смешно?

— Нет, — запротестовал он. — Ничего смешного, если ребёнок отказывается от общения с мамой, которую не видел чёрт знает сколько...

— Ничего подобного! — возмутилась я. — Ты думаешь, я проторчала два года на Земле и скрывалась от собственного ребёнка? Он всё время был со мной!

— Именно это я и хотел услышать, — кивнул он. — Он два года был с тобой, он привык, что ты всё время рядом, и тут ему предлагают такое грандиозное приключение. Разве он думает о том, что будет чувствовать через неделю после того, как вы расстанетесь? Нет, он думает об осьминогах и каракатицах, которые где-то там, и даже не представляет себе, что тебя-то уже рядом не будет. Его нельзя за это винить, он же ребёнок. Я уверен, что он уже

страшно по тебе скучает и сожалеет, что не может показать тебе своего самого любимого осьминога.

— Как у тебя всё складно выходит... — проворчала я.

— Я просто понимаю тебя, вот и всё.

— У тебя тоже есть дети?

Он покачал головой.

— Ты же знаешь, что у меня никого нет... Кроме тебя. А по сути, я совсем один.

Это было правдой, и мне стало его жаль. Я на мгновение представила себе, что значит оказаться в одиночестве, когда во всём мире у тебя нет никого, ни единой души, которая знает и любит тебя. Когда нет ни дома, куда можно вернуться, ни друга, у которого можно попросить помощи и защиты, или хотя бы сочувствия. Он сидел напротив и казался таким юным и печальным, как мальчик-сирота, покинувший родное пепелище и вступивший в жестокий и коварный мир... Только он уже давно не был мальчиком.

— Прости, — проговорила я. — Я ношусь со своими бедами. А тебе, наверно, тоже нелегко.

Он с какой-то искусственной небрежностью пожал плечами.

— Одиночество стало беспокоить меня только последние два года, я пытался привыкнуть, но это невозможно. Может, мне стоит найти кого-то, но я плохо схожусь с людьми. Они хотят знать, с кем имеют дело, а мне нечего им ответить. К тому же, пока я никак не могу избавиться от мысли, что мне никто из них не нужен. Я отвык от близких отношений с людьми. Мне придётся прожить целую жизнь, пока я верну себе этот навык и это право. Но у меня есть и время, и терпение.

Я задумчиво смотрела на него, откинувшись на спинку кресла. То, что он говорил, могло быть правдой, а, может, он просто по своей гадкой привычке бьёт на жалость, рассчитывая на мою сострадательную душу. Ну, как не пожалеть несчастного сиротинушку, не взять его под опеку, не ввести в круг своих друзей... «Твой скептицизм тебя погубит», — сказала я себе, глядя на опущенные ресницы, на кончиках которых словно осела золотая пыль от пламени свечей.

— Я думаю, что у тебя всё будет хорошо... — произнесла я.

И он взглянул на меня из-под этих ресниц чёрными глазами, в которых опять искрился смех, хоть лицо и было серьёзно.

— У тебя тоже... — пообещал он.

Наверно, этот ужин продолжался бы и дальше на этой сентиментально-романтической волне, если б я вдруг не вспомнила о той картине в галерее Портмана. Мне подумалось, что в ней слишком много таинственного, и МакЛарен с его мрачным опытом и весьма своеобразным набором знаний мог бы мне помочь разобраться в этой загадке, не говоря уж о его намётанном взгляде. Ведь именно с его помощью мне удалось приоткрыть завесу тайны над этим странным творением. Но стоило мне заговорить об этом, как он заметно поскущел.

— Что ты думаешь об этой картине? — спросила я.

Он пожал плечами и нехотя проговорил:

— Опять твой профессиональный интерес. Учитывая мой профессиональный опыт? Ну, что ты хочешь знать?

— Зачем было писать эту картину?

— Не знаю, ангел... Я никогда не писал таких картин.

— Утром ты сказал, что это может быть послание. Что ты имел в виду?

Он неопределённо покачал головой.

— Может, просто напоминание о том, что Зло всегда рядом, и то, что на первый взгляд кажется трогательным или невинным, на самом деле опасно и страшно?

— А, может, в картине зашифрован какой-то ритуал? Например, позволяющий вызвать дьявола?

— Распространённое заблуждение... — вздохнул он. — Его не нужно вызывать, он всегда рядом. Это подтверждается двумя очевидными доказательствами: он имеет дурную привычку являться к тем, кто его не призывает, и не является к тем, кто его зовёт по всем правилам того, что зовётся Искусством.

— Может, у этого ритуала другая цель?

— Может, — уступил он, — но я не знаю, что это за ритуал.

— А, может, загадка в самой картине, например тайник в доске или что-то нарисовано или написано под слоем краски... — продолжала я размышлять вслух. — Ведь никому не пришло в голову сфотографировать картину с помощью хотя бы самого примитивного рентгена, я уж не говорю о более специфических методах исследования.

— Ты собираешься заняться этими исследованиями прямо сейчас?

— Нет, может, немного позже. Ты можешь мне помочь.

Его лицо как-то странно напряглось.

— Я бы вообще не хотел, чтоб ты этим занималась. Что тебе взбрело в голову тратить время на эту доску?

С минуту поразмышляв, я решила, что могу рассказать ему то, что касается завещания старого антиквара. Он выслушал меня внимательно.

— Вы собираетесь её продать? — он вытащил из кармана портсигар и, достав из него сигарету, сунул в зубы. Когда он прикуривал от зажигалки, оранжевое пламя на мгновение ярко осветило его сосредоточенное лицо.

— После того, что мы о ней узнали, это вряд ли возможно, — призналась я. — Она может быть опасна. Разве нет?

Он утвердительно кивнул. Первый более-менее конкретный ответ.

— Может, — уверенно подтвердил он. — А если не продать, то что?

— Мы должны выяснить, что в ней такого... Провести исследования...

— А потом?

— Почему ты спрашиваешь?

— Интересно. Почему ты не говоришь, что вы собираетесь её, в конечном счёте, уничтожить?

— Уничтожить? — опешила я.

Мне сразу вспомнилось как изысканно и чётко выстроена композиция картины, тщательно выписаны лица, детали... Да, это жутко, но ведь Босх и Гойя тоже не ангелов рисовали, так что же, их тоже в печь? Ведь это шедевр, хоть и мрачный. Я почувствовала страх и печаль, глядя на него, и отвращение, вызванное тем, что он изображает. И это отвращение тоже может быть мерой воздействия. Ведь увидев эту картину и испытав ужас от её содержания, вряд ли кому-то захочется вдруг заняться чёрной магией у себя дома. Отрицательные чувства тоже могут создавать воспитательный эффект.

Между тем, МакЛарен пристально смотрел на меня, сжимая сигарету в зубах. В этот момент он вовсе не был похож на несчастного мальчика. Внимательный, оценивающий

взгляд, словно, на сей раз, он испытывал меня. И при этом во всём его облике вдруг проступило что-то жёсткое, неуступчивое и хищное, как у матёрого волка.

— Эта картина не является моей собственностью, и я не могу решать её судьбу, — произнесла я.

— Ты уходишь от ответа, — возразил он. — Если б это была твоя картина, ты бы её уничтожила?

— Что ж... — вздохнула я и с честным видом взглянула в его прищуренные глаза. — Она не моя.

Он продолжал какое-то время смотреть на меня, видимо, о чём-то раздумывая, потом воткнул сигарету в пепельницу и взялся за бокал.

— Тогда выпьем за того, кто может решить её судьбу. И, дай Бог, что б он решил её правильно.

Я чокнулась с ним, и отпила вина. К сожалению, очарование вечера улетучилось. Наверно, его можно было вернуть, но что-то мне подсказывало, что у МакЛарена такое желание отсутствует напрочь. Мы поговорили ещё о чём-то, но разговор не клеился. Он отвечал односложно и как-то излишне язвительно. А потом зазвонил его коммуникатор. Достав его, он нажал кнопку и поднёс его к уху.

— МакЛарен... — резко ответил он. — Да, да... Я слушаю, Артур... Когда её привезли?.. Кто дежурит в реанимации? — он быстро поднялся. — Да, я еду... Пусть зафиксируют её в таком положении. Ничего не трогайте, только в самом крайнем случае... И вызови Мадлен, мне понадобится её помощь.

Он стоял, тревожно о чём-то думая. Между бровями появилась вертикальная складка.

— Извини, — наконец произнёс он, — мне позвонили из миссии. К ним привезли девочку шести лет. Она упала с лестницы. Смещение позвонков и повреждение спинного мозга. Я должен ехать. За ужин я расплачусь по пути.

И не дожидаясь ответа, он сорвался с места и исчез во тьме, где причудливыми фонариками горели странные шатры желтоватого света, в которых стояли чужие столики. Я осталась одна. Мне почему-то стало грустно. Сперва я хотела уйти, но потом услышала музыку, несущуюся откуда-то сверху. Негромкие переборы струн завораживали и плавно кружили вокруг меня, трепеща в блеске хрусталя и пламени свечей, навевая забытые воспоминания об Альгамбре, ночном океане и тихой ночи, обнявшей сонный берег. Тихие разговоры ни о чём и серебристый свет звёзд на кончиках длинных ресниц. И вечер снова стал романтичным, хоть и немного печальным. К столу подошёл Джим и вопросительно взглянул мне в глаза. Я улыбнулась ему, и он, кивнув, снова оставил меня наедине с моими воспоминаниями о том, чего на самом деле никогда не было.

Я вернулась домой почти в три часа ночи. Сонная, с туманно-ностальгическими мыслями и лёгким чувством приятного опьянения, я прошла через холл, отмахнувшись от какого-то вопроса Кинга, поднялась по лестнице, вошла в свои апартаменты, на ходу сбрасывая с себя одежду, и, скинув на пол покрывало с постели, забралась под мягкое одеяло. Свет в спальне погас, и я, лениво следя за ускользящими мыслями, погрузилась в приятный спокойный сон.

Это было чудо, что Макс не пригласил меня на завтрак в семь часов утра. Видимо, Кинг сообщил ему, когда я вернулась, и он решил проявить благородство. Это было очень мило с его стороны, но ровно в девять меня разбудили звуки сирены и рокот моторов. Не понимаю,

почему эти машины обязательно должны так тарыхтеть в то время, когда нормальные люди уже давно ездят на бесшумных аппаратах? И эти сирены...

Я со стонами вылезла из постели, завернувшись в волочащееся по полу одеяло, подошла к окну и посмотрела на улицу. Внушительный кортеж как раз остановился внизу: два броневика с лазерными пушками на крышах, восемь гравициклов по периметру — это они так оглушительно тарыхтели, — и в самом центре, между броневиками — небольшой бронированный фургон для перевозки ценностей. Гравициклы выстроились коридором от фургона до подъезда. Броневики застыли, и, к счастью, выключили эти дурацкие сирены. Из кабины фургона вышли два человека, открыли заднюю дверь, один залез внутрь и подал второму завернутый в защитную плёнку плоский прямоугольный предмет, скорее всего, ту самую картину из галереи Портмана. Картина была торжественно донесена до крыльца и передана Терренсу Лесли. Макс, стоявший рядом, расписался на планшете, после чего удалился вместе с рыжиком и картиной, утратив всякий интерес к этому передвижному цирку. Те двое вернулись в кабину, и кортеж отбыл в обратном направлении тем же порядком, правда, без сирены, но с прежним грохотом.

Проводив их мрачным взглядом, я повернулась к кровати и распорядилась:

— Кинг, тонизирующую ванну и лёгкий завтрак.

— Ванна будет готова через минуту, — тут же отрапортовал Кинг. — На завтрак могу предложить фруктовый салат с творожным кремом, кофе со сливками и два круассана с джемом.

Я задумалась, припоминая, сколько съела вчера за ужином, и внесла коррективы в меню:

— Фруктовый салат с творожным кремом, кофе без сливок и сахара и один круассан без джема.

— Ванна готова, завтрак будет подан через двадцать минут, — сообщил Кинг.

Через сорок минут я вышла из комнаты и направилась вниз, туда, где в подвале размещалась лаборатория и секретный сейф киотского отделения «Звёздного щита». Макс и Терренс были в лаборатории, и с интересом изучали установленную на предметную подставку картину, уже окружённую лампами, объективами, зеркалами и ещё бог знает, какими приспособлениями. Бросив на картину короткий недовольный взгляд, я подошла к Максусу.

— Молодцы, теперь весь город в курсе, что сюда привезли что-то ценное... Нужно было ещё добавить помпы, вызвав эскадрилью штурмовых флаеров и роту профессиональных наёмников с армейскими лучемётами наперевес.

— Это Портман, — не отрывая взгляда от картины, пояснил Макс. — Он уже в курсе, что за доску предлагают два миллиона кредитов, и её пытались похитить. Его галерея не работает с такими дорогими экспонатами, и он был счастлив от неё избавиться, приложив при этом максимум старания для безопасной доставки её клиенту. Странная картина. Мрачная и так притягивает взгляд... Думаешь, под краской или в доске может быть что-то скрытое?

— Запросто. Например, у Джоконды на шее оказался жемчуг.

— Правда? — он задумчиво взглянул на меня. — Нужно проверить...

Он направился к пульту, напоминаящему панель управления среднего космического лайнера и начал нажимать какие-то кнопки. Я посмотрела на картину. Странно, но в этот раз она не вызывала у меня столь сильных чувств, словно что-то в ней пропало. Это было

просто изображение странной и жутковатой сцены.

— Когда я увидел её в первый раз, мне она показалась... — Терренс замешкался, подбирая слова. — Необычной? Не знаю, как объяснить, от неё словно исходили какие-то флюиды, от которых мне было не по себе. Наверно, я уже привык к ней.

— Может быть... — пробормотала я, присматриваясь к картине. — Что-то в ней не так...

— Другое освещение, — пояснил Терренс.

— Другое освещение... — повторила я, подходя ближе.

Картина была освещена гораздо лучше, чем в галерее, при этом источники света теперь были вокруг неё. Но меня вдруг смутил её странный глянец, очень ровный для слегка рассохшейся деревянной поверхности и растрескавшегося от времени лакового слоя, покрывающего краски, которые сами по себе тоже давали пусть незаметный, но рельеф. Трещинки на картине были, особенно на светлых участках: лицах, кистях рук и странице книги, но вот блеск был необычно ровный. Я подошла ещё ближе, потом вплотную и провела рукой по поверхности картины. Обернувшись, я посмотрела на Макса, он терпеливо ждал, когда сможет запустить свой агрегат.

— Что это такое? — осторожно спросила я, указав пальцем на картину.

Он неопределённо пожал плечами.

— Та самая картина, полагаю.

— Неужели?.. Слишком хорошая полиграфия для Фландрии пятнадцатого века.

Макс понял всё сразу. Он стремительно подошёл ко мне и склонился к самой картине, потом провёл пальцами по её гладкой поверхности, затем бегом вернулся к пульта и сыграл какую-то гамму на клавиатуре. Объективы и зеркала ожили, станцевав короткий танец вокруг доски. Терренс подскочил к полосе экранов на пульте и, просмотрев какие-то диаграммы и колонки цифр, появившиеся на них, присвистнул:

— Чёрт, её же подменили...

Подделка была сделана тщательно. Пластиковая доска идеально имитировала по цвету и рисунку старое кипарисовое дерево, и к тому же имела тот же самый вес. На неё была наклеена тончайшая плёнка с точной копией картины. Если б картину сразу же поместили в сейф, никто бы ничего не заметил.

Макс тут же вызвал своего адвоката Руфуса Тэнга, Портмана и полицию. Элайджа Портман, маленький, толстенький человечек в модном, но мятом костюме с попугайским галстуком на шее страшно перепугался и лежал в большом кресле в кабинете Макса, тихонько постанывая и вытирая большим зелёным платком вспотевшую лысину. Высокий, худощавый, седоватый Тэнг, похожий на легавую с трёхсотлетней родословной, хищно на него посматривал, стоя рядом с Максом, сидевшим за своим необъятным столом. Из полиции на вызов естественно явился не безвестный новичок. Я серьёзно опасалась, что сюда направят инспектора Мелиса, с которым у нас была давняя тихая конфронтация, в которой лично я несколько не виновата. Но на мою радость приехал старый друг Эдди Грандера инспектор Берри Радеску, который уже много лет взаимовыгодно сотрудничал с нашей компанией, не зная, тем не менее, её основных тайн.

Берри в хорошем сером костюме, с аккуратной стрижкой, смуглый и приветливый пристроился в кресле возле стола и торопливо строчил за Максом в большом блокноте. Он записывал размеры и отличительные признаки пропавшего подлинника, а также основные события, даты и суммы, связанные с её историей после оглашения завещания старого

антиквара. Когда Макс назвал последнюю предложенную посредником сумму, несчастный Портман издал особенно громкий и мучительный стон. Берри бросил на него удивлённый взгляд и снова посмотрел на Макса.

— Это всё, или вы желаете ещё что-то мне сообщить, мистер Делман?

— Желаю, — после некоторого раздумья кивнул Макс, и сплёл пальцы рук перед грудью, — но несколько позже. Для начала расследования информации, думаю, достаточно. Берри кивнул и повернулся к Портману.

— Что скажете вы?

— Я не знаю... — замотал головой тот. — Я сделал всё... После попытки похищения я предпринял беспрецедентные для моей галереи меры безопасности. Картина постоянно находилась под наблюдением нескольких видеокамер, к ней была подключена сигнализация, она была закрыта частой сеткой микролучей, прерывание любого из которых привело бы к срабатыванию дополнительной сигнализации. Её нельзя было и пальцем тронуть, в полном смысле слова. Вчера после звонка мистера Тэнга я поставил возле неё вооружённых охранников, которые не отходили ни на шаг, а сегодня вызвал бронированный фургон с усиленной охраной из самой почтенной охранной фирмы Бака Дюренталея... Да вы знаете, он уже несколько лет обслуживает Келха, Грандера, Хулста и Сароу...

— Дело вовсе не в Дюрентале, а в вас, — холодно перебил его Тэнг. — Это вы отвечаете за картину до окончания срока контракта. Вы её хотя бы застраховали?

Портман едва не зарыдал.

— Как обычно, на стоимость, указанную в каталоге.

— Это смешно...

— Вы позволите? — инспектор поднял карандаш и строго взглянул на адвоката. Тот с достоинством кивнул, и Берри снова обернулся к измученному владельцу галереи. — Могла быть картина подменена при попытке похищения?

Портман напряжённо задумался, видимо, с горя он плохо соображал.

— Я видела вчера картину в галерее, — сообщила я. — Думаю, что она была подлинная. В любом случае, увидев сегодня эту подделку, я сразу заметила разницу.

— Конечно... — сокрушенно закивал Портман. — Конечно, я же разбираюсь в картинах, у меня висел подлинник. Я бы заметил даже не очень удачную копию, не говоря уж об этой... репродукции.

— Утром, когда картину грузили в фургон, она была подлинной?

Портман снова погрузился в мучительные воспоминания, а потом вдруг поднял голову. Его лицо просветлело.

— Это был подлинник! Я уверен, я не подходил слишком близко, её снимали мои сотрудники, но я всё же не слепой! Картина была настоящая.

— Это нонсенс! — воскликнул Тэнг. — Подлинную картину погрузили в фургон, привезли под усиленной охраной, передали с рук на руки моему клиенту, и тут она вдруг превратилась в подделку!

Берри задумчиво взглянул на него, и старый адвокат пожал плечами и надменно отвернулся, всем своим видом показывая, что подобные уловки не освободят Портмана от обязанности возместить ущерб.

— Картину могли подменить в вашем доме? — спросил инспектор, взглянув на Макса.

— Из рук инкассаторов Дюренталея картину взял я, — сообщил стоявший у окна Терренс. — Я же перенёс её вниз и поставил на подставку. Макс всё время был со мной.

Потом пришла Лора. Она и заметила, что с картиной что-то не так. Я совершенно уверен, что это та же картина, которую достали из фургона.

Радеску опять обернулся к Макс.

— Дюренталь вполне надёжен... — задумчиво произнёс тот. — На его людей не раз нападали.

Берри кивнул и, перелистнув несколько страниц, заглянул в блокнот.

— Сто семнадцать попыток похищения ценностей из его автомобилей, только восемь удачные. Все факторы, благодаря которым похищения удались, сразу же устранялись. За последние пять лет ни одной удачной попытки... Мистер Портман, через два часа я жду вас в управлении полиции города, привезите с собой все документы, связанные с картиной, все кристаллы с записями видеонаблюдения и всех, кто за всё это время имел хоть какое-то касательство к картине в вашей галерее.

Тот закивал и, поднявшись из кресла, пошёл к дверям.

— Руфус, будьте любезны, проводите мистера Портмана до дверей, — попросил Макс.

Адвокат кивнул и направился следом. Макс задумчиво посмотрел на Берри.

— Я хочу, чтоб вы поняли, инспектор. Мне не нужны деньги Портмана, мне нужна картина. Только она...

— Я понимаю, — полицейский неторопливо сунул блокнот и карандаш во внутренний карман пиджака, — и сделаю всё, что от меня зависит. Что ещё я должен знать?

Макс вкратце изложил ему результаты самостоятельно проведённого расследования, историю с неоднократными попытками приобрести картину без аукциона и упомянул о маньяке, у которого нашли репродукцию картины. Берри слушал его внимательно, не задавая вопросов и ничего не записывая. За время нашего знакомства он научился выделять те факты, которые необходимо учитывать, но нельзя заносить в досье.

— С этой картиной что-то нечисто... — закончил Макс. — Её интересуются колдуны и сатанисты, которые не остановятся ни перед чем, лишь бы заполучить её. В этом деле уже два трупа: колдун и маньяк. Может быть, в этой доске есть что-то магическое, я не знаю, но её в любом случае нельзя выпустить из города.

Инспектор Радеску поднялся.

— Я сделаю всё, от меня зависящее, но понимаю, что и вы не будете сидеть, сложа руки. Надеюсь, вы поделитесь полученной информацией. Я, в свою очередь, тоже буду держать вас в курсе.

В дверях появился Тэнг, потирая руки.

— Он за всё заплатит, даже если ему придётся продать галерею.

— Забудьте об этом, — охладил его пыл Макс. — Картина принадлежит дель Солю, а он назвал свою цену. Мы не в праве переоценивать её, — он посмотрел на инспектора. — Обмен информацией, как обычно. Если понадобится помощь, обращайтесь ко мне или Терренсу в любое время.

Машина сыска была запущена. Можно было не сомневаться, что Берри Радеску проведёт расследование с присущими ему тщательностью и проницательностью. Берри был одним из лучших в городской полиции, а я вообще считала, что он лучший. И всё же что-то меня беспокоило, что-то, чем не будет заниматься Берри или кто-то другой, что-то, что ускользало от меня, но при этом беспокоило, как глубоко засевшая заноза. И это что-то было в самой картине, в её ускользнувшем от нас подлиннике, то, что сразу вызвало у меня

необъяснимое гнетущее чувство, но напрочь отсутствовало в репродукции, что-то, что вдруг пробудило во мне погребённые под слоем двухлетнего забвения воспоминания о странных днях, которые я провела под одной крышей с духом Тьмы. Именно это забытое ощущение странной тревоги от одного вида смуглого лица, на котором сверкали глаза цвета шотландских лугов под чёрными прямыми, как стрелы, бровями. Это было ощущение, что за этой зеленью и странным мерцающим светом скрывается что-то тёмное, страшное и бездонное, куда жутко заглянуть, и о чём даже не хочется думать, что-то чуждое, опасное и непонятное... Злое и тоскливое, как затуманенный взгляд изгоя, сжимающего в руке меч, взгляд, обращённый на луну, на далёкие, неясные образы, почти исчезнувшие из памяти, но всё ещё терзающие своими недоступными теплом, любовью и нежностью...

— Что с тобой? — я вздрогнула и взглянула на Терренса. Мы вдвоём стояли на застеклённой террасе под крышей. — У тебя было такое лицо... Ты очень изменилась за эти годы, — он вдруг смутился, поняв смысл только что произнесённых слов. — Я хотел сказать... — начал он, но я остановила его.

— Я знаю... Ты прав, наверно, но меня так растревожила эта картина и...

Я замолчала. Я не могла сказать, что появление в моей жизни Джулиана МакЛарена вызвало во мне чувства, созвучные тем, что вызывала картина. Может быть, Терренс и понял бы, у него чуткая душа, но мне казалось, что я ни с кем не могу говорить об этом, пока не разберусь во всём сама. Сейчас же я не могла даже понять, что я чувствую, глядя на МакЛарена. Что я знаю его целую вечность? Что знаю его больше двух лет? Что я вообще не знаю его, и его сходство с тем, другим, столь же обманчиво, сколь и очевидно? И что меня так поразило, что он оказался совсем не таким, каким рисовало мне его моё романтическое воображение...

Сама не заметив того, я съехала с размышлений о картине к мыслям о МакЛарене. Терренс всё так же стоял рядом, тревожно глядя на меня.

— Если хочешь, займёмся картиной вместе, — предложил он, как предлагают отчаявшемуся от «двоек» ребенку позаниматься правописанием. — У нас есть довольно неплохие снимки. Может быть, имеет смысл заглянуть в ту раскрытую книгу?

— Может быть, — кивнула я. — А как насчёт документов на картину? Вы узнали, у кого она куплена?

— Да, старик приобрел её в составе небольшой разношёрстной коллекции. Думаю, что его привлекли часы с ангелами, пара канделябров с литыми цветочными гирляндами, две фарфоровые табакерки с пастушком и пастушкой и набор столового серебра на двенадцать персон. Бронзовые китайские курильницы, кальян и панно в стиле модерн он быстро сбыл. А наша доска и обсидиановый анубис — подделка конца девятнадцатого века под Египет, так и зависли в его лавке в самых тёмных углах.

— У кого он её купил?

— У некоего Октавио дель Монте. А тот незадолго до сделки получил всё это в наследство от своей сумасшедшей бабки, которая настаивала, что она итальянская графиня. Может, она и была графиней, но теперь уже никто ничего точно не знает. Старуха с внуком прилетела с Ромалины. Ты помнишь такую планету?

— Ещё бы... Нам в школе всегда приводили её в пример, когда хотели показать, как опасно давать ядерные пушки законченным идиотам.

Терренс кивнул.

— Планета погибла, и вместе с ней шестьдесят процентов населения. Эти двое успели

эвакуироваться на одном из последних катеров. Родители Октавио погибли. Он был мал и пережил это, а старуха после этого помешалась и заперлась в своём доме на Ридженс-стрит...

Я невольно вздрогнула.

— Что это за улица?

— Улица, где вплотную друг к другу стоят узкие трёхэтажные дома, довольно мрачноватые на вид, тем не менее, очень респектабельные. Там селятся солидные банкиры, врачи и профессора, изредка одинокие люди, которые не рвутся пообщаться с окружающими и имеют достаточно денег, чтоб купить и содержать такой особнячок с каминами и небольшим садиком во дворе. Старушка помимо внука успела прихватить кое-что из драгоценностей и акции какой-то звездолётостроительной компании, некогда принадлежавшие её покойному супругу.

— И коллекцию странных вещей...

— Я говорю то, что узнал от её соседей. Октавио смылся с Киоты, едва получив деньги за бабушкино барахло. Больше его никто не видел. Не думаю, что он очень скучает по нашему милому городку.

— А кому достался её дом?

— Он несколько лет сдавался поэтажно, но, в конце концов, его купил какой-то писатель.

— И что он пишет?

Терренс с беспокойством взглянул на меня, но всё же ответил:

— Исторические приключенческие романы на тему алкорско-ормийских войн. Не знаю, насколько они достоверны с исторической точки зрения, но то, что девушки над ними рыдают, а юноши сжимают кулаки, это точно. Я сам прочёл пару, но потом это показалось мне несколько... однообразным, тем более, что трагедий, мордобоя и стрельбы в моей жизни итак хватает с лихвой.

— Молодец, — наконец несколько очнувшись от своих мыслей, произнесла я. — Ты отлично поработал и теперь можно не тратить время на отработку этой линии. Пойдём, посмотрим книгу?

— Только пойдём ко мне, а то Макс уединился с Тэнгом в своём кабинете и с каменным лицом выдёргивает перья у него из хвоста. Я не любитель столь жестоких зрелищ.

Мы спустились вниз, в небольшую светлую гостиную, где стены были золотисто-розового цвета, потолок кремовым, а пол — цвета охры. Камин, облицованный белыми изразцами с голубым рисунком, несколько небольших шерстяных ковриков ручной работы с белыми, светло-жёлтыми и лазоревыми полосами, лёгкая изящная мебель вишневого дерева придавали комнате исключительно уютный и милый вид. Терренс ненавидел чёрный цвет, и Максусу пришлось смириться с тем, что его друг нарушил шахматные порядки Чесстауэра. В конце концов, это было единственным, но обязательным условием пребывания рыжика в замке.

Мне нравилось бывать в его комнатах. К тому же он не стал ломаться, когда я предложила ему занять для удобства и белые помещения, расположенные рядом с его апартаментами. В результате в замке образовался такой сказочный тёплый разноцветный мирок, как ошибочно вклеенный в чёрно-белый фильм цветной эпизод с полётом бабочек над лужайкой.

Войдя в гостиную, он сразу же придвинул кресло к небольшому круглому столику,

стоявшему возле дивана. Я присела на мягкие стёганные подушки и взглянула на Терренса. Тот сел на диван и стукнул пальцем по какой-то точке на стеклянной столешнице, под которой золотился узор из лозы. Узор тут же пропал, стекло помутнело, а потом на нём проступила такая же клавиатура, как и на библиотечном столе Макса.

Я знала, что Терренсу, как и Макс, не обязательно нажимать кнопки для связи с основными системами Кинга, у обоих в голову были имплантированы какие-то контактные схемы, которые соединялись с мозгом рецепторами. Честно говоря, я, работая с такими системами, всё же предпочитала лепить кружок со схемой на висок. Не так эффективно, конечно, но всё же не чувствуешь себя киборгом. Этих двоих такие мелочи не смущали.

Терренс также легко и небрежно, как Макс, наигрывал гаммы на своей клавиатуре. Я с любопытством наблюдала за появлением напротив нас прямо на стене прямоугольника экрана, а на нём — картины «Посещение больной».

— Кинг, покажи нам книгу... Разверни и обработай изображение.

Верхние листы раскрытой книги послушно соскользнули с её поверхности и, приблизившись, расположились на экране. При этом левая страница была хорошо видна, и прочитать её было несложно. Оставалось только удивляться таланту художника, который сумел так ювелирно и точно изобразить эту страницу под углом с учётом небольшого изгиба у корешка. На этой странице имелось схематическое изображение какой-то печати и текст, написанный древнееврейскими буквами. Вторая страница выглядела не так хорошо, она была испещрена в основном палочками и точками, в которые сливались буквы при взгляде на страницу со стороны, и некоторые буквы опять же древнееврейского алфавита.

— Ну и? — спросил Терренс, глядя на экран. — Ты знаешь этот язык?

— Я знаю много языков, но не этот... — мрачно проворчала я. — Кинг, ты можешь это перевести?

— Нет, — ответил Кинг. — В моей памяти есть несколько весьма эффективных переводчиков с языка, в котором использовались эти буквы, но я не нахожу ни одного соответствия. Это либо бессмысленный набор символов, либо шифр. Возможно, какая-то часть ключа имеется на второй странице. Я попытаюсь расшифровать этот текст.

— Наверно, это шифр... — согласился Терренс. — Иначе, зачем так тщательно выписывать его? А что это за печать?

— Это я знаю, — кивнула я, — Печать Соломона. Она постоянно встречается в оккультной литературе, правда, в различных вариантах. Но в основе всегда вертикаль, имеющая две поперечных перекладки, нижняя из которых имеет также ответвления вверх. Элифас Леви считал, что это знак таинства Света, который представляет собой символ магнита и круговорота света, заключающего в себе демонов.

— Вот с помощью этого тот парень и подчинил себе бесов? — скептически уточнил Терренс.

— Знаешь, — откровенно призналась я, — мне пришлось прочесть много книг по оккультизму и демонологии, и из всего этого я почерпнула одно самое важное для меня откровение: я никогда ничего в этом не пойму... Это слишком сложно для меня. Наверно нужно иметь какой-то другой склад мышления.

— Хочешь сказать, что мы не сможем разгадать загадку этой картины?

— Я хочу сказать, что совсем не уверена, что нам нужно её разгадывать. Тут слишком много зашифрованной информации, которую может понять только посвящённый. Возможно, часть необходимых знаний вообще утрачена. И что здесь может быть спрятано?

Правила проведения какого-нибудь ритуала? Заклинание, жертвоприношение? И какова цель? При чём тут шабаш? Что делает тут служанка? Этот человек на картине, он колдун или демон в человеческом обличье?

— Но, согласись, в этой картине что-то есть... Это не просто мрачная сцена. Почему за этой доской охотятся? Не думаю, что этих сынков Астарота интересует её художественная ценность. Наверняка, она таит какую-то силу...

— Или ключ к чему-то... Понимаешь, меня смущает то, что на ней изображено почти не прикрытое преступление, к тому же изображённое в столь будничной обстановке и с такой скрупулёзной тщательностью. Обычно такие произведения бывают куда более благородны и привлекательны, они обещают мудрость, величие, постижение Света, который якобы прячут от человека Бог и его ангелы. И это не просто блестящие игрушки, это действительно что-то таинственное, манящее и дурманящее, это ложь на грани высшей истины. А здесь...

— Может, это рассчитано на не столь возвышенные личности. Всё просто и понятно...

— Если просто и понятно, то зачем этот шифр, который не может расшифровать даже Кинг, не говоря уж о приземлённых личностях?

— Не могу, — подтвердил Кинг. — Я проверил уже несколько десятков фрагментов картины, в которых может таиться ключ, но ничего не нашёл. Возможно, ключ в какой-нибудь из книг, корешки которых изображены рядом с открытой книгой, но по моим сведениям на Киоте таких книг нет.

— Возможно, ключ под слоем краски или в доске... — предположила я.

— А, возможно, мы просто не знаем, что ищем... — пробормотал Терренс. — Послушай, я не верю, что на Земле не осталось экспертов в этой области. Рождаются же люди с таким складом ума. Им это интересно, и они могут этим заниматься там, где множество музеев, библиотек и просто старых замков. Нам отказали, но если тот же вопрос задаст кто-то из зоны юрисдикции Земли, они наверняка дни и ночи напролёт будут корпеть над своими книгами. Съезди к Джерри. Может, он сумеет организовать запрос? У него же там полно связей.

— Ладно... — нехотя согласилась я. — Попробую, хотя, не уверена, что получится. На худой конец свяжусь со своими старыми друзьями. Может, они смогут что-нибудь сделать...

Я не пошла сразу в фехтовальную школу, где наверняка могла застать Джерри во время дневной тренировки. Мне хотелось немного подумать, и я подъехала к зданию с другой стороны, с той самой, где размещался вход в галерею Фарги. Эта галерея, в отличие от галереи Портмана, была, скорее, выставочным залом, чем местом продажи картин, и посвящена она была творчеству одного художника, нашего старого друга, увы, давно покинувшего этот мир, Фредерика Аль-Рагима.

Именно с него началась когда-то незримая, но упорная война за Киоту, именно он был первым полководцем и солдатом, идейным вдохновителем и главным козырем этой игры. Он пал на ристалище, обменяв свою жизнь на смерть древнего демона, державшего планету во мраке. Он ушёл, оставив светлые и немного грустные воспоминания в душах друзей, и обширное творческое наследие, сотни великолепных полотен, светлых, возвышенных и прекрасных. И все они были собраны здесь, в этом огромном специально построенном и оборудованном здании, лишь незначительную часть которого занимала фехтовальная школа Джерри.

В эти дневные часы в галерее было много посетителей. Школьники, студенты, туристы

со всех концов Объединения галактики, просто горожане, которые медленно и молчаливо переходили от одной картины к другой, впитывая расширенными зрачками потоки нездешнего света, лившиеся с полотен, и ловя ушами тихий задумчивый голос, нашёптывавший им какие-то странные истины, которые, оказывается, на самом деле уже таились в самых глубинах их душ, но ждали этого голоса, произносившего сокровенный пароль, чтоб вдруг всплыть из своих потаённых недр.

Я тоже пошла по лабиринту галереи, скользя глазами по давно знакомым лицам и сценам, тихие слова отрывочно касались моего слуха, не успев дойти до сознания.

Я раздумывала над тем, почему мы беспокоились из-за этой странной картины, так непохожей на те, что я видела перед собой сейчас. Чем она была, дурной шуткой или злобным выпадом против жизни? Кому пришло в голову с педантичной тщательностью выписывать насильственную смерть несчастной женщины и её убийц? Зачем вообще было рисовать такую картину? «Не знаю, ангел... Я никогда не писал таких картин». Я неожиданно для себя вспомнила о МакЛарене. О том, как устало и безнадежно прозвучали его слова: «не знаю, ангел...» Он снова назвал меня ангелом. Только я знала, что это обращение было вовсе не связано с его нежными чувствами ко мне. Отзвуки давней, тяжкой и проигранной битвы звучали в этом слове. Почему он назвал меня ангелом? Потому что вдруг понял, какая пропасть по-прежнему разделяет нас? Или потому что он сам, в противоположность мне...

Так, хватит... Я мотнула головой и заставила себя переключиться на мысли о картине. Что там ещё он говорил? Почему мы не собираемся её уничтожить? А, действительно, почему? На сей раз ответ был предельно прост. Потому что меня с детства научили ценить и уважать чужой труд. Потому что я с детства знала, что каждая вещь, изготовленная с любовью и старанием, несёт в себе частицу души своего создателя, а с душами, даже с их частицами, нужно быть бережными. Мысли снова перепрыгнули на МакЛарена, но я почти физическим усилием вернула их к прежней теме. Я ещё помнила свои многочисленные посещения земных музеев, с мамой, с одноклассниками, с сокурсниками, с друзьями, с Сашей, с детьми... Я бродила по залам величайших музеев и совсем маленьких галерей, со стен которых на меня смотрели История и Душа человечества. Глаза тех, кто был до нас, но передал нам свою мудрость, веру и любовь, кто вложил кирпичики в стены нашего великого мира, который я так любила и которым бесконечно гордилась. Не всё мне нравилось, но именно тогда я получала первые уроки терпимости и уважения к чужому вкусу и мнению. Каждый человек имеет право на свободное самовыражение. Тебе не нравится Босх, любуйся гравюрами Дюрера, не устраивает Пикассо и Дали, поезжай в Русский музей или Третьяковку к милым сердцу Васнецову, Нестерову и Сурикову...

Вот и к этой картине я отнеслась также... Мало ли, что мне не нравится... Это чьё-то творение, частица чьей-то души... Я невольно передёрнула плечами. Ну и душа была у этого парня! В том-то и дело, что не видела я на Земле таких картин. Не выставлялись там всякие ужасы, может, и лежали где-то в запасниках, но не на виду. И потому где-то в глубине сердца шевелилось сомнение, а можно ли относиться к этой доске так же, как к другим картинам, которые я видела раньше? А если и нельзя? У меня всё равно не поднимется рука её сжечь, не то воспитание. Да и правду я сказала МакЛарену, не я буду решать её судьбу. И пусть хватит мудрости у того, кому придётся принять такое решение. Аминь.

Я прибавила шагу и вскоре, завернув за одну из перегородок, на которых висели картины Фарги, увидела простую деревянную дверь без таблички. Открыв её, я вошла в холл

фехтовальной школы, где в застеклённых витринах была выставлена небольшая, но хорошо подобранная коллекция японского оружия, к которой за последние годы добавились китайские вазы, китайские лаковые шкатулки, китайские бронзовые драконы. Ли потихоньку привносила в самурайскую простоту убранства изысканную роскошь Поднебесной...

Я явилась весьма удачно, потому что один из клиентов Джерри из-за важной встречи неожиданно отменил индивидуальные занятия, и у него образовалось окно в весьма напряжённом графике тренировок. Благородно воздержавшись от справедливого замечания, что перед визитом следует хотя бы звонить, Джерри провёл меня в свой просторный уютный кабинет и кивнув на диван возле стола, подошёл к столику, на котором стоял фарфоровый чайный сервиз с утками-мандаринками.

— Свадебный подарок? — невольно улыбнулась я, вспомнив, что пары этих уток в китайской традиции символизируют счастливых супругов.

— Да, от родителей Джао, — кивнул он. — Тебе какой чай, зеленый, чёрный, жёлтый, красный?

— Оолунг, если есть...

Он обернулся и задумчиво взглянул на меня.

— У меня теперь всё есть. И я умею заваривать чай для любых целей...

— Тогда мне не помешает взбодриться.

Он кивнул и занялся чаем.

— Пока я завариваю, рассказывай, — проговорил он.

Я кивнула и закончила свой рассказ уже с чашкой в руках.

— Лесли считает, что, может быть, если вы направите запрос, то информацию всё-таки дадут... — добавила я. — Я ничего ему не обещала. Он до сих пор не знает, что вы?..

Я пригубила чай, не закончив. Джерри, Брай Глостер и Джон Вейдер были сотрудниками Звёздной инспекции, уже много лет работавшими здесь под прикрытием. Ли Джао присоединилась к ним не так давно.

Джерри мотнул головой.

— Нет, правда, они в курсе, что Джонни сидит в Отделе на мелкой должности и распродает информацию из информационного банка Инспекции, но в остальное мы их по понятным причинам не посвящаем. Довольно того, что обо всём знаете вы с Эдди... Что ж до картины... Лора, ведь это всего лишь картина, доска со слоем краски. И меня удивляет, что Терренс так задёргался из-за неё.

— Макс — порядочный человек, и не хочет выставлять заведомую подделку на аукцион... И Терренс с ним согласен.

— И только?

— Нет, — вынуждена была признать я. — Можешь удивляться... Наверно, это, и правда, удивительно. Терренс вовсе не такой мечтатель, каким может показаться, но его беспокоит эта картина. Она тревожит и Макса, что ещё более странно.

— И тебя.

— И меня. Хотя... знаешь, я бы удовольствовалась тем, что она будет заперта в подвале. Она не из тех произведений искусства, которые надолго занимают моё внимание. Она мне неприятна, и в ней полно загадок...

Похоже, он ждал от меня именно этих слов.

— Это всего лишь картина, — повторил он, — и я не могу посылать запрос из обычного

любопытства. Ты же понимаешь, что я должен как-то мотивировать его. При подготовке ответа будут задействованы наши сотрудники, советники, эксперты. Возможно, придётся отрывать от работы учёных, музейных работников... И ради чего? Чтоб помочь некоему Терренсу Лесли с Киоты избавиться от беспокойства? Извини, но я не вправе отвлекать от работы такую уйму народа без особых причин.

— Понимаю, — пробормотала я, глядя, как кружатся в широкой чашке большие, похожие на листья, чайнки. — Но можно хотя бы поговорить с Браем? Он чувствует такие вещи. Они, в конце концов, по его части.

Джерри поставил свою чашку на блюдце.

— Думаешь, он что-то узрит и сделает запрос? Может быть. У него, по крайней мере, будет внутренняя уверенность в его необходимости, и он сможет объяснить его цель. Но придётся подождать. Он улетел на Пеллару. Там изобрели какую-то хреновину, которая якобы может быть использована для общения с низшими духами и привидениями. Он помчался выяснять, так ли это на самом деле и, если так, то договориться о поставке этой штуки в его Центр. Будет дня через три, не раньше.

— А Джонни?

Джерри покачал головой.

— Ты же знаешь, что он в этих вопросах ещё жёстче, чем я. Должен же быть в группе хоть один человек, не клюющий на лирику. А, может, это потому, что он ближе к начальству. Можешь с ним поговорить, но, думаю, что он скажет то же, что и я.

— Ясно, — я вздохнула. — Как насчёт разговора с Землёй? Я хочу попробовать сама, по старым связям...

— Хорошо, думаю, что смогу обеспечить тебе минут тридцать связи, но не раньше вечера, когда резервный спутник выйдет из-за горизонта.

— Ладно, спасибо.

— Я могу ещё чем-нибудь помочь?

— Не знаю, — пробормотала я, поднося чашку к губам. — Разве что... чтоб уж проверить эту линию до конца. Мне нужна информация о семье дель Монте с Ромалины.

— Имеешь в виду Чико дель Монте? — с ходу уточнил он.

Я вздрогнула и опустила чашку.

— Возможно. Кто это такой?

Джерри пожал плечами так, словно это известно всем, кроме приезжих. Вроде меня.

— Это тот самый парень, который начал то, что привело к гибели планеты, один из крупнейших торговцев оружием. Хрестоматийный мерзавец. Удостоился сомнительной чести попасть во все новейшие учебники по криминологии и криминалистике. Я изучал его досье, поскольку он был связан с изобретением некоторых видов оружия, которые запрещены Советом безопасности Объединения Галактики. Их сейчас отслеживают по всему нашему сектору, и мне несколько раз приходилось выступать экспертом. Их без конца модифицируют с целью вывести из-под запрета, но шило в мешке не утаишь. Оружие массового уничтожения за пугач выдать трудно.

— Так что дель Монте? — я поставила чашку на стол.

— Он был выходцем из Луарвига, имел проблемы с полицией из-за торговли наркотиками, и потому поспешил смыться. Направился на Ромалину, перебивался мелким мошенничеством и скупкой краденого, но однажды ему повезло. Парень он был смазливый и сумел покорить сердце девицы из аристократического семейства, женился, стал жить

приживалой при тесте, который был сенатором. А потом вдруг нашему Чико стало везти в бизнесе, да так, что уже через пару лет у него была крупная фирма по продаже оружия. Дальше — больше. Фирма выросла в компанию, компания — в корпорацию, корпорация — в настоящую империю со своими оружейными заводами и фабриками для подсобных материалов. Они сами изготавливали даже краску и ремни для лучемётов. По всему сектору у него были представительства, всюду он поставлял оружие, был одним из крупнейших поставщиков как Великого Тирана Алкора, так и оперившихся ормийских повстанцев. Тридцать три года он неуклонно шёл в гору, заработал уйму денег и обеспечил белый хлеб с маслом всей Ромалине, пыхтевшей над изготовлением оружия. Потом, бац! И странная нелепая смерть, после чего его шестеро потомков начали делить наследство, в свару вмешались конкуренты. На планете, где много оружия, это не могло не перерасти в войну. И в результате мы имеем то, что имеем. Всё богатство Ромалины вместе с двадцатью миллионами ромалинцев расплылось на расстоянии полутора астрономических единиц. Её погубило именно то, на чём было построено её процветание.

— Мораль: наживаясь на чужих смертях, ты рискуешь однажды получить по заслугам, — кивнула я.

— Жернова Господни мелют медленно, но кары Божьей не избежать, — согласился Джерри. — Правда, на сей раз всё уложилось в одну жизнь.

— А что с его смертью?

— Тёмная история. Говорят, на старости лет он стал настоящим параноиком, боялся, что его убьют. Выстроил себе бронированную башню, напичкал её электроникой, андроидами и охраной из числа наёмных спецподразделений. В его кабинете не было окон, он располагался в самом центре башни, охранники дежурили у дверей. Но однажды он заработался допоздна и не вышел к ужину, аппаратура наблюдения в его кабинете внезапно отключилась, через систему связи слышали грохот и его вопли, но автоматические двери не открывались, самопроизвольно заблокировались замки. Когда их смогли открыть и войти, всё в кабинете было перевернуто вверх дном, а папа Чико, как его называли, лежал в самом центре этого бедлама со свёрнутой, как у цыпленка, шеей. Убийцу так и не нашли, и как он это проделал, не узнали.

— Ты сказал, что его процветание длилось тридцать три года?

Джерри пожал плечами и присел за свой стол. Нажав несколько клавиш на клавиатуре встроенного компьютера, он посмотрел на экран.

— Занятно... Знаешь, я раньше не замечал. Со дня оформления первой сделки деле Монте по покупке оружия до его смерти прошло ровно тридцать три года три месяца и три дня по земному календарю. Ну и совпадение...

— Если совпадение... — мрачно произнесла я. — Похоже, он заключил пакт с дьяволом.

Джерри недоверчиво взглянул на меня.

— Ты это серьёзно?

— Эта картина из его семьи. За ней гоняются сатанисты. Ему свернули шею, как обычно делали демоны, а всё его золото превратилось в пыль... Космическую.

— В этой Вселенной бывают странные совпадения... — заметил Джерри.

— Слишком странные, — я взяла чашку и одним глотком допила. — Спасибо за помощь. И за чай.

— В воскресенье приезжай к нам, — кивнул он, быстро глянув на часы. — Будет утка

по-пекински. И Брай к тому времени вернётся. Извини, у меня тренировка...

— Конечно, — я встала и задумчиво взглянула на него. — В твоём расписании не найдется пары часов в неделю для меня?

— Обязательно найдётся, — радостно улыбнулся он. — И даже больше, чем пара. В воскресенье как раз всё и обсудим.

Вечером, когда я сидела в библиотеке Макса, обложившись книгами по демонологии и истории инквизиции, мне позвонили из зоны юрисдикции Земли и сообщили, что дают прямой канал видеосвязи на тридцать минут. Я сразу же попросила связать меня с академиком Преображенским, старым другом моего отца, с которым я была знакома с детства. Мне неслыханно повезло, что он был не в экспедиции на дне Эгейского моря и не читал в этот момент лекцию в университете. Мой звонок застал его на террасе дачи на берегу Волхова с чашкой утреннего кофе в руках. Обменявшись с ним приветствиями, я сразу же перешла к делу, пояснив, откуда я ему звоню.

— Куда забралась... — добродушно проворчал он. — Ну, давай твою картину...

Я видела, как он, не торопясь, достал из паза коммуникатора лист с репродукцией картины, положил его перед собой на стол, покрытый скатертью с вышитыми незабудками, между вазочкой с мёдом и тарелкой с плюшками. На вид ему было не больше сорока, но эта философская неторопливость всё-таки выдавала его настоящий возраст. Пока он смотрел на картину, прихлёбывая кофе, я смотрела на плюшки, слглатывая слюну и вспоминая их знакомый с раннего детства вкус. Космические расстояния в этот момент казались мне ужасной, фатальной несправедливостью.

— Ты права, — не отрывая взгляда от листа и подняв вверх палец, произнёс он. — Это не Ян Ван Эйк. Похвальное знание искусства, девочка. Я порадую в субботу за преферансом твоего отца. И, безусловно, фламандская школа периода Северного Возрождения. Подписи на картине нет, что странно. Техника письма отличная, но... руку художника я не узнаю, — он нагнулся ниже, к самому листу. — Возможно, это подражание Ван Эйку, и искусное. Словно кто-то очень талантливый прикрывался манерой знаменитого мастера или просто копировал её. Очень странная картина... Откуда она у вас?

Я кратко рассказала ему официальную историю картины, а также наши открытия, которые обычно ускользали при беглом взгляде на неё. Пока я рассказывала, я видела, как на лице моего собеседника появляется мрачная озабоченность. Наверно, он переживал те же чувства, что и я. Наконец я нашла того, кто понял мою озабоченность.

— Я понимаю, Алексей Федорович, сразу что-то определённое сказать сложно, но, может быть, кто-нибудь из Ваших коллег видел когда-нибудь что-нибудь подобное? Это очень важно для нас.

Он задумчиво кивнул.

— Мне самому стало интересно. Эта вещица из тех шарад, которые любят разгадывать искусствоведы. Я сегодня же покажу её коллегам в Эрмитаже, отправлю копию Артуа в Лувр и Джениро в Нью-Йоркскую галерею, и, пожалуй, Рамиресу в Прадо и Ван-Мееру в Гаагу. Пусть стряхнут пыль с ушей, это им понравится. Быстрого ответа не обещаю, но как только что-то найдём, я тебе сразу передам. Где тебя можно будет найти?

— Киота, Луарвиг, Чесстауэр.

Он неожиданно оживился.

— Ты, и правда, живёшь в месте под таким названием? И там играют в шахматы?

Я улыбнулась.

— Мы сами здесь как шахматы, вот только играть нам некогда.

— Жаль, — он снова поднял палец и поучительно произнёс: — Всегда нужно уметь найти время для шахмат. Или для преферанса.

И потянулся за плюшкой. Я подавила тоскливый вздох и поспешно попрощалась, рассыпаясь в благодарностях.

Утром приехал инспектор Радеску. Мы как раз собирались садиться за стол, и я пригласила его присоединиться. Берри нерешительно взглянул на сурового Макса, который опять облачился в сюртук, застегнутый на все пуговицы, и пробормотал:

— Вообще-то, я не успел позавтракать, но...

— Кинг, прибор инспектору! — скомандовал Макс и безапелляционно бросил полицейскому: — Идёмте, расскажете всё за столом.

Я уже замечала, что в личном общении с Максом Берри всегда чувствовал себя неуверенно, никак не мог привыкнуть к его наполеоновским замашкам. Вот и сейчас он растерянно смотрел вслед маршировавшему в столовую хозяину шахматного замка.

— У нас сегодня оладьи и яичница с беконом, — ласково обнял его за плечи Терренс. — Вы будете яичницу, инспектор или вам что-нибудь особенное? Кинг в момент управится...

— Нет-нет, яичница — это то, что надо, — закивал Берри. — И если можно, большую кружку кофе.

— У нас всё можно, — улыбнулся рыжик, направляя инспектора по стопам Макса.

За столом, однако, инспектор не терялся, нагрузив себе в тарелку с яичницей с дюжину оладий. Деловито приступив к трапезе, он успевал запивать её горячим кофе из большой красной кружки, на которую Макс бросал мрачные взгляды, видимо мысленно выясняя у Кинга, откуда среди его фарфора взялся этот монстр. При этом инспектор чётко и подробно излагал результаты своего расследования.

— Портман сказал правду, — сообщил он. — Из галереи инкассаторы забрали подлинную картину, а вам вручили подделку. Подмена была осуществлена в машине по дороге из галереи в Чесстауэр. Сделано это было гениально и просто. Дело в том, что внутри машины нет никаких приборов слежения и детекторов, хотя Дюренталь уже заказал их, чтоб избежать повторения таких краж в будущем. В фургонах внутри белая обшивка с вмонтированными в неё люминесцентными светильниками. Когда машина открывается, и в неё заносят перевозимый груз, сразу видно, что она совершенно пуста. То же происходит, когда её разгружают. Я проверил персонал Портмана и просмотрел записи его камер видеонаблюдения. Ничего подозрительного я там не нашёл. Тогда я осмотрел машину и вот там я обнаружил кое-что интересное. На внутренней обшивке фургона примерно на расстоянии сорока сантиметров от дальней стены по периметру я обнаружил тонкий профиль, приклеенный техническим клеем. Мы сняли профиль и передали его экспертам. Они нашли на профиле частицы белой пленки, которую обычно используют для создания легких переносных ширм и экранов.

— Фальшивая стена, — отвлекшись от кружки, сообразил Макс.

— Совершенно верно, — Берри подхватил на вилку кусок бекона и оладью и стремительно прожевав, продолжил: — Всё было очень просто. Некто с подделкой спрятался за фальшивой стеной, по ходу движения спокойно подменил картину и снова

спрятался.

— Два вопроса, — подал голос Терренс. — Как он проник в броневик Дюренталья с подделкой и как он вышел из него с картиной?

— Проник очень просто. Ночью, когда явился якобы для уборки в гараже. А вот вышел... Тут всё было сложнее, но тоже довольно просто. У Дюренталья три таких машины. Это фургоны повышенной степени защиты, которые идут по классу Люкс. Злоумышленник знает, что машина в галерею Портмана вызвана в восемь часов тридцать минут. На девять часов он делает два заказа на машины класса Люкс из разных концов города: из Лунна и из Порта, я имею в виду грузовую площадку действующей части Порта. Потом он делает ещё один заказ на машину класса Люкс на девять часов тридцать минут. Поскольку две другие машины находятся в рейсах, естественно, диспетчер, не желая упускать такой выгодный заказ, бросает освободившуюся после вашего заказа машину по третьему вызову. Машина идёт в Старый Луарвиг, где в неё загружают довольно тяжёлый ящик, который отвозят по некоему адресу на дороге Келха и выгружают. Потом машина идёт в гараж и ни преступника, ни картины, ни плёночного экрана там уже нет. Вот только профиль он забрать не смог.

— Ящик при погрузке и выгрузке был одинаковой массы? — уточнил Терренс.

— Инкассаторы, которые являются и грузчиками, говорят, что да.

— Элементарно, Ватсон... — проворчал Макс. — Обычные промышленные балластные гири с встроенным гравитационным утяжелителем. В ящике была гиря с заданной массой, он выключил утяжелитель и забрался в ящик вместе с картиной.

— Я тоже так решил, — кивнул Берри и сунул в рот последний кусок бекона. Потом подтянул к себе вазочку с вареньем и переложил половину её содержимого в свою розетку. — А можно ещё кофе?

— Вы сказали, что преступник проник в гараж, чтоб убраться в нём, — произнёс Макс. — Значит, это был один из сотрудников фирмы?

— Вновь нанятый, — кивнул Берри, и бухнул в чашку третью ложку сахара. — Некий Ланс Дроздов. Прежний уборщик внезапно попал в больницу, его кто-то ударил ножом, когда он шёл с ночной смены, и срочно пришлось искать временного заместителя. Тут и появился этот приличный, небогато, но чисто одетый молодой человек. Его взяли. После того, как он пошёл убирать гараж, он оттуда не выходил, но это выяснили только после того, как узнали о фокусе с фальшивой стеной.

— Имя тоже было фальшивое? — уточнила я.

— Естественно. Он оказался заснят камерами слежения, и в базе менеджера остались его отпечатки пальцев. Он ничего не боялся, действовал наверняка, видимо, знал, что получит большой куш и смотается из города. Мы проверили отпечатки и выяснили, что это некий Бруно Дэви, мошенник. В основном, работает на подхвате у крупных шишек, но имеет и свой бизнес.

— Как он узнал о перевозке картины? — уточнила я.

— От секретарши Портмана. Я допросил её второй раз и, поняв, во что она влипла, она рассказала. Дэви давно крутился возле картины, а заодно и возле неё. Пара ужинов в недорогих ресторанах, несколько заумных фраз и ворох обещаний. Она сообщила ему обо всём, что касалось картины. И как только Портман велел ей подготовить заявку Дюренталю на перевозку, связалась с ним. Похоже, копия у него была уже готова, да и остальное он провернул лихо.

— Что за Дэви? — нахмурился Макс. — Вы его нашли?

— Нашли, — кивнул Берри и впервые за время разговора опустил вилку. — В морге больницы святого Лазаря. Его доставили туда из канавы в Эйке. Чудо, что бродяги не вытащили из него нож, он выглядит недешёвым: изогнутый с чёрной каменной рукояткой.

— Чёрт... — с досадой покачал головой Терренс.

— Кстати, его опознал по фотографии ваш адвокат, мистер Тэнг. Это тот самый посредник, который предлагал за картину два миллиона кредитов.

— Похоже, он решил заработать их сам... — заметил Макс.

— И, похоже, заработал, потому что все вызовы броневиков Дюренталя были оплачены.

— А картина?

— Ищем, но пока не нашли ни картину, ни деньги, которые он, возможно, получил если не полностью, то хотя бы часть в виде аванса. В своей квартире он не появлялся уже несколько дней. Сейчас работаем по связям, но если картина была у него в момент убийства с собой...

Макс покачал головой.

— Вряд ли он носил с собой такую сумму, и никто в Эйке не оставил бы в ране такой нож, если бы чистил его карманы. Возможно, что картина там же, где и деньги.

— Мы ищем... — Берри аккуратно собрал последней оладьей остатки варенья из розетки и запил всё это последним глотком кофе. — Если что узнаю, сразу же сообщу. А теперь, прошу прощения, мне нужно бежать. Спасибо за отличный завтрак.

— Заходите ещё... — улыбнулся Терренс.

Макс благосклонно взглянул на поднявшегося Берри.

— Прекрасная и очень профессиональная работа, инспектор. Я рад, что именно вы занимаетесь этим делом.

Берри кивнул.

— Спасибо на добром слове, мистер Делман, но я буду рад, когда верну вам вашу картину.

Он ушёл. Макс задумчиво смотрел на красную кружку, а потом решительно ударил ладонью по столу.

— Время работает не на нас. Если они забрали картину, то она уже на пути из города, если нет, то они тоже её ищут. Полиция пусть работает по своим каналам, а мы... Придётся отвлечь от дел нашего олддермена. Его познания и связи в преступном мире нам сейчас нужны позарез.

Мне не хотелось видеть Эдди и тем более оставаться с ним наедине. Я всё ещё чувствовала свою вину и его слабую надежду, но всё осталось далеко позади, и возврата к прошлому не было. Саша слишком убедительно доказал мне старую истину о том, что нельзя дважды войти в одну реку. К тому же меня сейчас куда больше тревожила другая проблема, другой мужчина занимал мои мысли. Жутковатая тайна Джулиана МакЛарена и странное ощущение вины и перед ним, были куда сильнее, чем ностальгическая печаль по былой любви. Поэтому, когда Макс позвонил Эдди, требуя, чтоб тот немедленно ехал в Чесстауэр, я ушла к себе, предоставив им самим разрабатывать план дальнейших действий.

На улице шёл дождь, и я остановилась у окна, глядя на серые тучи, медленно и безысходно ползущие по небу. Поблёкшие деревья стояли возле дома, тяжело опустив потемневшие от мокрой листвы ветви. Казалось, что уже глубокая осень, и привычное уныние мягко затопило мою душу. Я прислушивалась к тишине, царившей в доме, и вяло

наблюдала, как текут в моей голове туманные мысли о Саше, об Эдди, о МакЛарене, и о том, что нет в этом беспокойном мире ничего вечного... Кроме отчаянной и безнадежной любви обманутого дьяволом алхимика... Неужели, это правда, и есть на свете вечная любовь? Я верила в это долгие годы, пока жила на Земле, а потом меня вырвало из неё с корнем и понесло, как сорвавшуюся с орбиты планету, куда-то прочь, где меня мимолетно согревали чужие звёзды, пропадая вслед за тем где-то позади. А я опять отважно неслась куда-то в пустоту на поиски, бог знает, каких находок и потерь. Поиски... Какая чушь... И не неслась, меня несло, чтоб снова швырнуть под очередную танк или в пасть очередному Ваалу. Глядишь, и этот подавится. И та сила, что несла меня по Вселенной, вовсе не интересовалась моим мнением по поводу того, что мне всё-таки нелегко каждый раз начинать всё сначала, заводить новых друзей, влюбляться в очередного рыцаря с мечом или лучемётом, прекрасно зная, что всё на свете имеет конец, кроме этого бесконечного движения в пустоту.

И вот мгновение моей жизни, как зеркало, отразившее мою судьбу. Я стою одна в пустом безмолвном доме и смотрю, как за окном серые тучи нависают над мокрой землёй, отражаясь в лужах, отчего и земля кажется такой же унылой и серой. И тучи то ли секут дождём свои унылые отражения, то ли рыдают, видя в этих зеркалах свои безрадостные лица. И я чувствую себя усталой и старой, и ни черта мне не хочется. Ни побед, ни свершений, ни великой любви...

Дверь за моей спиной хлопнула, отвлекая меня от угнетавших мыслей. Обернувшись, я увидела на пороге Эдди в изысканном тёмно-сером деловом костюме, как всегда, безупречно элегантного, и слегка раздражённого.

— Что происходит? — спросил он. — Макси обнаглел вконец, выдёргивает меня с заседания городского совета. Я мчусь сюда в такой дождь, а потом его лакей-неведимка заявляет, что мистер Делман занят и примет меня через пятнадцать минут.

— Я мажордом, а не лакей, — сварливо отозвался из-под журнального столика Кинг.

— Я знаю, чем мажордом отличается от лакея! — гневно рявкнул в ответ Эдди. — Твой хозяин имеет возможность предаваться меланхолии в своих чертогах, а у меня полно дел. Я не получал папочкиного наследства и вынужден крутиться, чтоб не умереть с голоду. Не говоря уж о том, чтоб не дать помереть с голоду другим. Учти, я жду ровно пятнадцать минут и ни минуты больше. Потом сваливаю...

— Может, оставишь в покое старика и обратишь, наконец, взгляд на меня? — поинтересовалась я, присаживаясь на диван.

— Извини, у меня столько дел, всё расписано по минутам и тут я должен всё бросить... — он замолчал, взглянул на меня и улыбнулся. — В общем, как всегда... Моя жизнь ничуть не изменилась за эти годы.

Я хлопнула ладонью по диванной подушке.

— Садись, Макс пунктуален и не заставит тебя долго ждать. У него действительно важное дело.

— Надеюсь. Потому что у нас с ним несколько разное представление о важных делах, — он сел в другом конце дивана и задумчиво взглянул на меня. — Странно, знаешь, я никак не могу привыкнуть к мысли, что ты вернулась. Я — здесь, а ты — там, и мы не увидимся вечером... Абсурдная ситуация. Мне казалось, что прошло много времени, а теперь, когда я увидел тебя снова, понял, что для меня мало что изменилось, словно ты слетала домой на неделю...

— Наверно мне не стоило приезжать... — пробормотала я, подумав, что, оказывается,

меня здесь ждал ещё один мужчина из давнего прошлого.

— Почему? — он небрежно пожал плечами. — Тебя здесь любят и всегда счастливы видеть. Я, кстати, тоже... Теперь, по крайней мере, всё ясно, и я могу не мучиться от ощущения, что изменяю тебе.

— А у тебя было такое ощущение?

— Ты же не сказала, что между нами всё кончено...

— Тогда я ещё не была в этом уверена. Мне вообще очень трудно закрывать за собой дверь. Но, видимо, нужно учиться...

— Она сама закрылась, — Эдди вздохнул и взглянул на меня из-под длинных чёрных ресниц. — Вчера мы с Элис определили день свадьбы, завтра это будет напечатано в светской хронике.

Я кивнула.

— Это хорошо Эдди. Знаешь, все двери рано или поздно закрываются за мной. И я уже могу не тревожиться о тех, кто за ними остался. Наверно, это главное.

Он прищурился, взгляд его блестящих чёрных глаз стал внимательным и изучающим.

— Значит, мне не показалось, и дело не во мне. У тебя что-то случилось...

Я рассмеялась.

— Ничего такого, с чем я не могла бы справиться.

— Только не нужно делать вид, что всё о'кей. Я слишком хорошо тебя знаю. С этим тебе действительно лучше справляться в одиночку?

— Конечно.

— Ладно... — он бросил быстрый взгляд на часы. — А при чём тут МакЛарен?

Я изобразила недоумение:

— О чём ты?

— Ты всё ещё не ходишь в ресторан со случайными знакомыми?

— Он не случайный знакомый. Мы знакомы давно.

— И что?

— Что?

Эдди пристально смотрел мне в глаза.

— Я видел вас в «Чёрной розе». Более того, я наблюдал за вами весь вечер...

— Эдди!..

— Если ты пытаешься дать мне понять, что подглядывать некрасиво, то зря. Мне было интересно, и это мой клуб. Я вовсе не таращился на экраны камер слежения. Мы с Элис сидели за соседним столиком, и провели очень романтичный вечер. Чего не скажешь о вас. Ты кстати пару раз бросала взгляд в нашу сторону, и я думал, что ты меня видела, но не хотела показывать вида. Красавец-доктор был похож на влюблённого не более получаса. Потом он стал похож на волка, оценивающего, сколько килограммов мяса в Красной Шапочке. А потом на альфонса, который ужинает с престарелой дамой, у которой на исходе деньги и бриллианты. Кончилось тем, что он ушёл, попутно сунув официанту за лацкан сумму в два раза превышающую стоимость ужина. Это поведение не пылкого поклонника, а законного мужа накануне развода.

Я расхохоталась, на сей раз, совершенно искренне.

— У тебя, как прежде, острый глаз, Эдди... По правде говоря, его чувства ко мне беспокоят только его. Именно поэтому он может рисковать моим хорошим отношением к себе.

— Ему ничего не светит?

Я перестала смеяться. Этот простой вопрос неожиданно поверг меня в прежнее уныние. От необходимости отвечать меня спас Макс, который явился как раз вовремя. Он распахнул дверь и вошёл стремительной походкой молодого Бонапарта. За ним с ехидной улыбкой сытой лисы скользнул Терренс. Я не сразу сообразила, чему это он так радуется, и потому не успела пресечь кавалерийскую атаку Макса.

— Эдди, нужно, чтоб ты кое-что сделал, — резко, тоном, не терпящим возражений, произнёс Макс. — Нам срочно нужны сведения об одном мошеннике. Уверен, это не составит для тебя труда. Или для твоих осведомителей. Не исключено, что ты и сам его знаешь.

Эдди откинулся на спинку дивана и прищурился. Его всякий раз бесило, когда Макс упоминал о его прошлом или о его связях в преступном мире. Не то, чтоб это было неправдой, или тяжёлое детство и опасные связи были чем-то необычным для тех, кто слыл настоящими хозяевами города, но говорить об этом было не принято, особенно вот так в лоб, с лёгким оттенком высокомерного неодобрения.

— Ты всерьёз думаешь, что я знаком со всеми мошенниками в Луарвиге? — ядовито осведомился он. — Хочешь, чтоб я тебя ему представил, или просто передашь через меня пару слов?

— Нечего обижаться, — раздражённо передёрнул плечами Макс, — Ни для кого не секрет, что ты знаком с этой публикой. Это твоё дело, тем более что это нередко бывает полезно и для нас. Как в данном случае...

— Странно, что меня вообще пускают в этом доме дальше прихожей... — Эдди поднялся и, исподлобья взглянул на Делмана, сунув руки в карманы брюк. — Знаешь что, мой благородный патриций, впредь, если тебе что-то будет нужно, изволь оторвать свою задницу от трона и явиться ко мне лично, а не вызывать меня для получения указаний. У тебя больше времени, чем у меня, и пара минут на свежем воздухе, которые ты проведёшь по дороге от подъезда к своему кадиллаку и от него к моему подъезду, может, несколько улучшат цвет твоего лица...

— Эдди, — поднял руку Терренс, который наслаждался спектаклем и понял, что он начинает заходить слишком далеко.

— Или пошли ко мне своего рыжего шакала, — перебил его Эдди. — Он куда более гибок и деликатен.

— Но в морду дать могу, — резко возразил Терренс.

Эдди усмехнулся.

— Хочешь попробовать?

— Почему бы и нет? — азартно уточнила я.

Эдди был настолько опасным противником, что мог позволить себе гулять по ночному Эйку с кастетом и ножом в кармане. Вряд ли бойцовские качества Терренса распространялись так далеко.

Рыжик бросил на меня мрачный взгляд. Мерзавец, он думает, что он и дальше будет потешаться над тем, как Макс доводит Эдди до белого каления, а я потом буду улаживать их конфликты и выступать посредником, уговаривая его поучаствовать в чужой драке. Как бы ни так.

— Ладно, мне пора... — проговорил Эдди. — Мой адрес вам известен, я буду дома после полуночи...

Он направился к двери.

— Эдди! — обернулся ему вслед Макс. — Я прошу тебя остаться!

Эдди замер и развернулся, с любопытством наклонив голову набок.

— Просишь?

— Да, — кивнул Макс. — Я умею просить. Я даже умею извиняться.

— Неужели? — Эдди вернулся на пару шагов. — Ну-ка, ну-ка...

— Извини, если я сказал что-то не так. Я полагал, что за пять лет ты привык к моей манере общения.

— А я не желаю к ней привыкать.

— Хорошо, я признаю, что ты чертовски занятой человек, прежде всего потому, что лучше, чем я, относишься к людям, хочешь им помочь и делаешь для этого всё возможное. И принципиальное различие между нами состоит в том, что я считаю, что те, кто живёт в Лунне, не лучше тех, кто живёт в Эйке, а ты уверен, что те, кто живёт в Эйке, не хуже тех, кто живёт в Лунне. Давай не будем спорить кто из нас прав. В конце концов, мы делаем одно дело. Ты знаешь джунгли Луарвига изнутри и умеешь этим пользоваться. Сейчас нам нужна твоя помощь. Ты поможешь?

Эдди хмуро смотрел на него, потом перевёл взгляд на Терренса.

— Чёрт с вами. Что нужно?

— Не что, а кто. Бруно Дэви.

Эдди откинул голову и прикрыл глаза, вспоминая.

— Помню... Крутился такой возле Смита Сароу... Вроде шестёрка на подхвате. Я с ним дела не имел.

— Он умер. Его убили вчера, но перед этим он украл ценную картину из инкассаторской машины класса Люкс Бака Дюренталья.

— Правда? — Эдди недоверчиво взглянул на него. — Это ж надо, какой талант пропал. И что должен сделать я?

— У него был сообщник, возможно, не один. И у него были деньги, много денег. И картина. Ни того, ни другого, ни третьего полиция не нашла. Нам нужна картина, а для этого нужно разыскать сообщника. Деньги нас не интересуют, но могут послужить ориентиром в поисках.

— Большая сумма?

— Не исключено, что чуть меньше двух миллионов.

— Солидно... — Эдди в задумчивости прошёлся по комнате и остановился передо мной. Он взглянул на меня, но его мысли были где-то далеко. — Такие деньги в Эйке могут наделать много бед. И за куда меньшую сумму там устраивают поножовщину...

— Картина тоже опасна. Из-за неё уже убили троих, а четвёртый находится в больнице с ножевым ранением. За ней охотятся колдуны из секты Сыны Астарота.

Эдди вздрогнул и резко обернулся.

— Сыны Астарота? — хрипло спросил он.

— Тебе о них что-то известно?

— Слишком мало, к сожалению. Они пытаются легализоваться в городе. Дескать, вы же терпите киотитских жрецов и Братство Тьмы, а мы чем хуже? Я слышал, они уже подмазали кого нужно в ратуше и в городском совете. Я кручусь, как уж на сковороде, чтоб хоть чуть-чуть оттянуть решение вопроса.

— Почему?

— Потому что они тоже покупают детей на улицах... — устало проговорил Эдди и его плечи опустились. — Я по-прежнему сражаюсь со своими мельницами... Всё дело в том, что они их не убивают и не растлевают, по крайней мере, явно. Они собираются их воспитывать. Что в этом плохого? Я не верю, что сатанисты могут воспитать нормальных людей, а наёмных убийц и фанатиков в городе итак хватает.

— Пара из трёх наших убийств точно на их совести, — проговорил Терренс.

— Иди, докажи... Они могут оставлять на месте убийства визитные карточки, а потом вопить, что их пытаются подставить конкуренты. И попробуй, докажи, что это не так. Особенно если они не скупые ребята... Насчёт вашего дела я выясню, что смогу, и сразу дам знать.

— У нас мало времени, Эдди.

— Я понял, но боюсь, ты переоцениваешь мои возможности. Я сделаю, что в моих силах... — он обернулся и взглянул на меня. — На свадьбу придёшь?

— Если пригласишь... — улыбнулась я.

— Приглашу, и доктора твоего тоже. Пока... — он протянул руку.

Я подала свою. Он наклонился и поцеловал мои пальцы, а потом посмотрел мне в глаза и чуть слышно прошептал:

— Я хочу, чтоб у тебя было всё хорошо...

Потом выпрямился и направился к двери, бросив на ходу:

— Я позвоню, — уже на пороге обернулся к Терренсу, — Ах, да, извини за шакала.

— Стервец, — рассмеялся ему вслед рыжик, а потом повернулся к Макс и серьёзно взглянул на него: — У нас появилась работа, дружок. Сыны Астарота — это, похоже, наши клиенты.

Наивно было полагать, что Эдди тут же кинется искать своих осведомителей, чтоб дать им указание. И не только потому, что Эдди слишком занят, просто я уже имела некоторое представление об этой процедуре и знала, что всё это происходит не так быстро: нужно отправить осведомителю сообщение, дождаться ответа, назначить встречу, и ещё вопрос, явится ли на неё этот тип. Эдди слишком хорошо и быстро соображал, чтоб впустую терять время. Именно поэтому он никого не стал искать, а прямо в машине, мчащейся на очередную деловую встречу, набрал некий номер на коммуникаторе и произнёс несколько чётких и ёмких фраз, содержащих основные приметы искомого предмета, имя человека, последним имевшего с этим предметом дело, а также сумму, на которую может твёрдо рассчитывать тот, кто даст достоверную информацию о предмете. С условием, что сумма увеличится на два порядка, если предмет будет представлен в натуре.

Макс вообще-то человек не наивный, но он почему-то представлял себе, что Эдди затеет всю эту бодягу с осведомителями. Именно поэтому он пришёл в ярость, когда ему позвонил инспектор Радеску и сообщил о том, что Эдди сделал заказ на похищенную картину, и теперь все не занятые на другой работе «гиены» Эйка кинулись на поиски со всем свойственным «гиенам» рвением.

— Он что, рехнулся? — прошипел Макс, обернувшись к Терренсу, сидевшему в кресле возле стола в его кабинете, — Лучше б сразу подал объявление во все газеты или ГИКС. Точно говорю, что кто-нибудь задумается над ценностью картины и возможностью продать её подороже...

— На самом деле она столько не стоит, — пожал плечами Терренс. — А Эдди никогда

не упустит возможности воспользоваться услугами тех, кто жаждет их оказать. Кончай кипятиться, «гиены» за несколько часов обшарят Эйк так, как нам не сделать это и за год.

— Прошу прощения, — раздался из динамика голос Берри, — у меня очень мало времени и это не все новости. Выслушайте, потом будете обсуждать.

— Извините, инспектор, — кивнул Макс, возвращаясь к коммуникатору. — Мы слушаем.

— Спасибо. Так вот, я решил проверить действия Дэви на предмет наличия сообщников. Ведь кто-то сдавал и принимал груз по двум рейсам, на которые отвлекались две резервные машины Дюренталя. Выяснилось вот что: он снял две квартиры и два небольших офиса на неделю, деньги внёс вперед. Потом были куплены два дорогих бронированных кейса и наполнены всяким хламом. В курьерской фирме он нанял четырёх курьеров по одному на каждый адрес, в обязанности которых и входило либо передать груз инкассаторам, либо принять его. Документы и груз остались на адресах. Мы уже привезли эти чемоданы в управление, в них камни и старые журналы.

— Значит, сообщника не было, — хмуро уточнил Макс.

— Был, вернее, была. Третий заказ сделала по коммуникатору женщина. Ящик был сдан к перевозке на складе временного хранения в Порту, а вот получила его на квартире Дэви некая девушка. Из-за того, что в прихожей было темно, инкассаторы её почти не разглядели. Затем мы определили, где именно были куплены кейсы и вышли на магазин Ламарка. Только он торгует такими бронированными аксессуарами из тиртанской стали. Так вот, эти два чемоданчика купила поздно вечером девушка, совсем молодая, расплатилась наличными. Одета в чёрный блестящий плащ, синюю косынку. К тому же она была в тёмных солнечных очках. Учитывая позднее время и погоду в городе в этот день, это не могло не привлечь внимание. Очевидно, что косынка и очки были нужны для того, чтоб её потом не опознали, но эффект оказался обратным. Один из продавцов повнимательнее присмотрелся к странной покупательнице и узнал её. Это была девушка из стриптиз-бара «Скорпио», известная под именем Малышка Твигги. Я поехал в этот стриптиз-бар и выяснил, что девчонка попала к ним полгода назад, её продал за долги домовладелец, которому она задолжала за квартиру. Два дня назад её выкупил за три тысячи кредитов парень, который назвался её братом. По фотографии хозяин опознал Бруно Дэви. Он же дал мне фотографию девушки. В отделе нравов она проходила как Пташка Ди, Динара Дэви, пятнадцати лет, сирота. Наверно, это, и правда его сестра. Мы её ищем, но пока безуспешно. Видимо, картина у неё. Пока это всё.

— Он нанимал курьеров и арендовал помещения лично?

— Нет, через ГИКС с терминала в общественном центре. И оттуда же были отправлены распоряжения о переводе денег на оплату услуг.

— Почему ж девчонка пришла за кейсами в магазин? Их тоже можно было заказать через компьютерную сеть.

— Всё очень просто. Ей хотелось посмотреть на один из самых шикарных магазинов города изнутри. Она минут сорок шлялась по торговым залам. Именно поэтому её видело столько народу, и нашёлся даже тот, кто её узнал, несмотря на маскарад.

— Понятно... — Макс задумчиво кивнул. — Пока не знаю, что нам это даёт. У нас нет ничего нового, за исключением инициативы Грандера. Боюсь только, что теперь его эскапада выйдет этой дурёхе боком.

— Может быть, нам удастся найти её первыми... — без особого энтузиазма произнёс

Берри. — Как только будет что-то новое, я с вами свяжусь.

Макс щелчком отключил коммуникатор и посмотрел на меня.

— Иногда я не понимаю, что Грандер делает в наших рядах.

— У него иногда возникают аналогичные мысли о тебе... — проворчала я.

Я очень надеялась, что Эдди знает, что делает. Но чем больше я размышляла над сложившейся ситуацией, тем больше мне начинало казаться, что на сей раз он ошибся. Печально знаменитые «гиены» Эйка, те, кто вынюхивают, высматривают, тащат всё, что плохо лежит, и продают всё, на что есть покупатель, не гнушаясь ничем, готовы продать за пару единиц галактической валюты всю свою семью и добавить пару друзей детства в придачу. Думаю, что они не остановятся перед убийством одинокой девушки, лишь бы получить вознаграждение в сто раз большее, чем обещано за информацию.

К сожалению, на сей раз, у нас не было возможности вмешаться. Маховик был запущен рукой Эдди, и нам оставалось только ждать результатов. Время шло и ничего не происходило. За окнами начало темнеть. Макс нервно расхаживал по своему кабинету мимо высоких окон, наполовину закрытых чёрными бархатными портьерами с гигантскими кистями из опалового бисера на чёрных шёлковых шнурах толщиной с корабельный канат. Терренс сидел в огромном уютном кресле и с сосредоточенным видом полировал замшевой щёткой ногти. Я рассеянно листала какой-то журнал.

— Кто хочет кофе? — поинтересовался Терренс, на мгновение отвлекшись от ногтей.

Я подняла руку.

— Я пас... — отказался Макс.

— Зря, — пожал плечами Терренс. — Кинг, две чашки Гватемалы. Возможно, этой ночью нам будет не до сна.

Одна из стальных панелей возле камина отодвинулась, и оттуда выехал сервированный кофейный столик. Терренс взял с него обе чашки и одну поставил рядом со мной на инкрустированную перламутром этажерку.

Я пригубила кофе и отложила журнал. Терренс мрачновато наблюдал за Максом. Я вдруг подумала, что за эти годы Макс тоже изменился. Ещё пять лет назад он бы скорее удавился, чем стал бы просить у Эдди прощения за неделикатные высказывания в его адрес, а пару лет назад ему бы и в голову не пришло беспокоиться о судьбе какой-то стриптизерши, за которой охотятся какие-то «гиены». Наверно, общение с Эдди, Джерри и Браем не прошло для него бесследно.

— Сядь, — проговорил Терренс. — У меня уже в глазах рябит от твоего шатания. От того, что ты дёргаешься, ничего не изменится.

— Я не дёргаюсь, — Макс сел в кресло напротив своего друга. — Я размышляю.

— О чём, если не секрет?

— О том, что, возможно, этой Малышке Твигги пару минут назад перерезали горло и картина уже держит путь, если не к выезду из города, то в какой-нибудь тайник. И если картину мы, так или иначе, сможем вернуть, то эту глупую девицу уже ничто не сможет спасти.

— Возможно, она ещё жива, и нечего раньше времени так переживать. Вот насчёт картины — другое дело. Выцарапывать её с острова Сынов Астарота в Архипелаге Чаек — это будет приключение что надо. Нас там перебьют если не всех, то половину — точно.

— Если возьмете с собой Джерри, то он превратит остров в пустыню, а поселение — в кладбище, — вяло подсказала я. — Спокойно возьмёте картину и уйдёте.

— Ты о каком Джерри? — недоуменно уточнил Терренс.

— Можно подумать их десяток в нашем окружении.

— Нет, я знаю, что он хорошо стреляет и орудует мечом, но чтоб так...

— Я думаю, что мы будем делать с картиной, когда вернем её, — задумчиво произнёс

Макс. — По завещанию её нужно продать, но выпускать её из рук нельзя.

— МакЛарен считает, что её нужно просто уничтожить, — заметила я.

Макс посмотрел на меня так, словно хотел сказать, что это плохая шутка.

— Уничтожать оригинальную картину пятнадцатого века? Это варварство. Мой отец с детства учил меня, что произведения искусства принадлежат всем и один человек не вправе решать их судьбу. Он может быть хранителем, но не более.

— Странный парень этот МакЛарен... — задумчиво пробормотал Терренс. — Я думал, он любит старинные вещи. Одно его кольцо чего стоит...

— Какое кольцо? — насторожилась я.

— Старинный перстень-печатка с опаловой вставкой, — ответил Макс. — Я однажды хорошо разглядел её. Он снял перстень перед тем, как делать мне массаж, и положил на стол совсем близко от моих глаз. Мастерски выточенный грифон. Очень красивый...

Я внимательно взглянула на Макса. Конечно, чёрный опаловый грифон должен был ему понравиться. Я уже видела это кольцо на руке МакЛарена два года назад, но как-то не заметила в этот раз. Может, он забывает иногда надеть его после того, как снимет перед процедурой, а, может, просто не хочет надевать его при мне.

Звонок коммуникатора отвлек меня от этих мыслей. Макс метнулся к столу и щёлкнул кнопкой.

— Записывайте адрес, — раздался в тишине голос Эдди. — Дармон-стрит, семнадцать. Лавка старьёвщика. Постучите три длинных, два коротких, три длинных. Спросите Зака Дидье, скажете, что от меня. Отдадите ему десять тысяч и получите картину. На всякий случай возьмите с собой пару ребят для прикрытия и не забудьте пушки.

— Кто этот Зак? — нахмурился Макс, наблюдая, как Терренс полез за своим коммуникатором, чтоб вызвать поддержку.

— Скупщик краденого. Он позвонил мне только что и сказал, что час назад к нему пришла девчонка и предложила картину за сотню кредитов. Он сообразил, что может продать её дороже.

— Девчонка — это сестра Дэви.

— Очень может быть. Зак сказал, что она ещё у него, пьёт чай на кухне... Можете ехать за картиной прямо сейчас, но не забудьте пушки. К ночи у него собираются гопстопники и домушники, сбить барахло и просто пообщаться по интересам. Если увидят, что вы вооружены, не полезут. Удачи.

Эдди отключился, не дожидаясь ответа. Терренс поднялся и выключил свой аппарат.

— Ульнар и Тиза будут нас ждать на углу Дармон-стрит и Рио-Гранде. Переодеваемся, берём деньги и пушки, и — вперёд!

Дармон-стрит и Рио-Гранде выглядели совсем не так блестяще, как звучали их названия. В Эйке вообще нет широких красивых улиц. Ими могут похвастаться Лунн и Старый Луарвиг. Эйк — район нищеты и разбоя, хотя не такой жуткий как Лабиринт или Порт. Узкие грязные улочки, освещённые редкими лампами над вывесками лавок, баров и различных значных мест, они пустели к ночи и ходить по ним отваживались только те, из-за

кого они и слыли такими опасными.

Мы подъехали к тесному перекрёстку, зажатому со всех сторон тёмно-серыми стенами обветшалых домов с заколоченными, заложёнными кирпичом и завешенными тряпьем окнами. Не знаю, как Макс, сидевший за рулем, отличал одни улицы Эйка от других, но именно благодаря ему мы не заблудились и вынырнули именно там, где уже стоял аккуратный двухместный пежо с тонированными стёклами. Из него вышли нам навстречу юноша и девушка в похожих чёрных плащах с поднятыми воротниками. В полутьме они казались смуглыми и черноволосыми, но по их красивым спокойным лицам я догадалась, что это были масунты, с голубоватой кожей, большими, как у всех фергов, фиолетовыми или сиреневыми глазами и тёмно-синими кудрями.

— Ульнар и Тиза, — представил их Терренс. — Это Лора, вы про неё слышали. Как тут? Тихо?

— Полиция, — ответила Тиза и ткнула пальцем вглубь улицы.

Мы посмотрели туда и увидели две полицейские машины с включёнными мигалками.

— Мы не стали подходить, — пояснил Ульнар. — Люди попрятались, и если мы подойдём, придётся объяснять, что мы тут делаем.

— Всё правильно... — кивнул Макс, озабоченно глядя на полицейские машины.

Я посмотрела на него и пошла туда. Всё равно нужно было выяснить всё до конца. Может, картина ещё в доме, а если она куда-то делась, то нужно попытаться выяснить направление, в каком её нужно искать.

Терренс после некоторого колебания пошёл за мной, а Макс остался с масунтами. С небес неожиданно хлынул дождь. Я свирепо взглянула вверх, но увидела лишь тяжёлые капли, летящие из темноты мне на голову. Злиться было бесполезно. Нужно было надеть плащ с капюшоном.

Полицейские поспешно спрятались от дождя: двое залезли в фургон, а трое вошли в низкий дверной проём. Дверь, которая ещё недавно его закрывала, лежала на полу, в грязной, разгромленной комнате, освещённой несколькими яркими лампами. По комнате сновали два полицейских с камерами и снимали лежащие на полу тела. Некоторые из убитых были одеты в одинаковые чёрные брюки и плотные куртки с капюшонами, а некоторые, видимо, завсегда и лавки, — в потрёпанную одежду городских оборванцев.

Всё это я увидела, остановившись на пороге.

— Заходите, раз пришли... — раздался до слёз знакомый голос. — Я уже слышал, что вы вернулись, и ожидал вскоре увидеть вас в каком-нибудь из мест, вроде этого.

Инспектор Мелис махнул мне рукой. Я вошла и стряхнула с волос капли дождя.

— Добрый вечер, инспектор, — кивнула я. — Что здесь произошло?

— Вечер добрый, если вас устраивают подобные способы облегчения нагрузки на почву. А что здесь произошло, может, вы мне скажете?

— Мы только что вошли, — улыбнулся рыжик, с жадным любопытством оглядываясь вокруг. — Сколько трупов, Лора! Раз, два, три...

— Восемь, — подсказал инспектор. — В соседней комнате ещё пять. Перестрелку заметили с патрульного вертолёта и сразу сообщили нам, но мы не успели...

— А это что? — Терренс присел над одним из тел и потянулся пальцем к чёрной рукоятке, торчащего из раны ножа. — Гляди, какой ножик!

— Не трогать! — рявкнул Мелис.

— Я не трогаю... — пожал плечами Терренс и радостно обернулся ко мне. —

Представляешь, если я завтра расскажу в клубе, что видел здесь кучу мёртвых нищих, убитых такими шикарными ножами!

— Вам лучше держать рот на замке, мистер Лесли, — с угрозой произнёс Мелис. — Или я посажу вас в камеру. В интересах следствия.

— Крутой парень! — рассмеялся Терренс. — Слышала, он посадит в камеру родного племянника Питера Хулста! Того самого Хулста, который давно имеет на него зуб за то, что он пытался посадить его сына за решётку. Инспектор, продолжайте работать на своём посту на благо города и не делайте глупостей. А я обещаю молчать неделю, в интересах следствия. Идёт?

Мелис мрачно взглянул на него и коротко кивнул. Рыжик подмигнул мне. Хотя, думаю, что Мелис итак не стал бы скрывать того, что застукал Сынов Астарота за резнёй в Эйке, тем более что некоторые из них благополучно упокоились рядом со своими жертвами, получив пулю или короткую железную стрелу из маленького арбалета, пристроенного на оружейный приклад. В любом случае, Эдди завтра узнает то, что облегчит его задачу в городском совете, поскольку я, в отличие от Терренса, не обещала молчать неделю.

— Так что вы здесь делаете? — спросил Мелис, внимательно взглянув на меня. — Решили прогуляться с кавалером?

— Мне порой не хватает острых ощущений.

— Неужели настолько?

— Жизнь в Лунне так скучна, — я шагнула вперёд, совершенно нечаянно запнулась о чьи-то ноги и чуть не упала. Едва успела выставить вперёд руку, и с её помощью удержалась на ногах, но рукой заехала-таки в лужу крови на полу. — О, чёрт... — я с отвращением смотрела на перепачканные пальцы. — Инспектор, здесь есть вода и мыло?

— Конечно, а ещё шампуни, гели и флакон кельнской воды... — съязвил Мелис. — Тут место преступления, мадам! Вымойте свои руки в луже на улице!

— Стой! — Терренс полез за платком. — Вытри! Мы продадим этот платок на аукционе в «Замке вампиров». Настоящая кровь убитого! Пойдёт на ура!

Бросив ошалелый взгляд на шёлковый, обшитый кружавчиками лоскуток, Мелис открыл рот и заорал:

— Билли!

Тут же на пороге дальней комнаты возник огромный чернокожий парень в военной форме, обтягивающей неестественно мускулистые торс и руки.

— Проводи даму на кухню, пусть вымоет руки с мылом и больше ничего не трогает! — распорядился Мелис и, злобно глядя мне в глаза, повторил: — Больше ничего!

Вообще-то он неплохой парень. Не понимаю, за что он меня так не любит? Я прошла к задней двери и, проходя мимо инспектора Билли Джо, невзначай подняла голову. Оскаленная маска Вуду была симпатичной детской мордашкой в сравнении с этим лицом.

— Ой! — совершенно искренне пискнула я и прошмыгнула мимо этого страшилища.

Миновав полутёмную комнату, где упокоилось ещё несколько душ, я добралась до маленькой захламлённой кухни. Я уже убедилась, что девушки среди убитых нет, да и картина как-то не попадалась на глаза. Можно было предположить, что картину могли прихватить те, кто выжил после побоища, либо гости Зака Дидье, либо напавшие на них Сыны Астарота. Но куда могла деться девушка?

Я поняла это, едва вошла в кухню. Небольшое окошко под потолком было распахнуто и в него залетали капли дождя. Вряд ли оно стояло бы открытым в такую погоду, особенно

если учесть, что кухня не отапливалась. Прикинув, я подумала, что картина вполне пролезла бы, если её вытаскивать, развернув по диагонали окна.

Пока я мыла руки возле жестяного рукомойника, висевшего над старым тазом, мой взгляд обшарил все углы. Собственно обшаривать тут было нечего: стол, пара колченогих табуреток и покосившийся буфет, набитый всяким хламом, в углу — холодная печурка с трубой, выведенной в окно. Ничего интересного, если не считать синей тряпки, лежавшей на полу, возле табуретки. Вымыв руки, я потянулась к грязному полотенцу возле рукомойника.

— Ничего не трогать! — загудел Билли Джо, свирепо вращая глазами.

— Мне надо вытереть руки! — истеричным тоном заявила я и стряхнула капли ему на форму. При этом мои покрашенные длинные ногти хищно сверкнули возле его лица. — Дай мне какую-нибудь тряпку!

Он злобно осмотрелся по сторонам и, выудив из-за табуретки ту самую, синюю, швырнул мне. Я оторвала от неё длинную узкую полосу и бросила тряпку обратно. Вытирая руки оставшейся полоской, я развернулась и пошла назад. Проходя через тёмную комнату, я быстро засунула лоскут в рукав куртки.

Терренс тем временем заканчивал свой спектакль. Он, похоже, сделал всё, чтоб вывести Мелиса из себя своим чрезмерным любопытством и дурацкими вопросами. Поэтому, стоило мне войти, как инспектор заявил:

— А теперь убирайтесь! Посторонним нечего делать на месте преступления!

— Какой вы нудный, инспектор... — обиженно протянул Терренс и направился к выходу.

Я тоже не заставила себя упрашивать. Под дождём мы вернулись к машинам.

— Похоже, она выбралась через окно во двор и прихватила с собой картину, — произнесла я, вытаскивая из рукава синий лоскут. — Это обрывок от её синей косынки. Она валялась на полу в кухне.

Макс взял его в руки.

— Да, шёлк... Вряд ли такими тряпками Зак Дидье мыл пол.

— Дайте, — Тиза забрала у него клочок синей ткани и понюхала. — Чем меньше вы будете его трепать, тем меньше на нём будет посторонних запахов.

— Вы сможете взять след?

Она вопросительно посмотрела на Ульнара. Тот нагнулся и, не прикасаясь к лоскуту, понюхал его. Потом принялся ко мне.

— Да, я выделил её запах. Нам нужно найти место, где мог остаться её след.

— Это нелегко... — произнёс Макс. — Мы не знаем всех задворков, и нам не удастся быстро найти окно, из которого она вылезла.

— Это и не нужно, — возразила Тиза. — Эйк весь расчерчен пересекающимися улицами. Значит, для начала нам нужно обойти квартал, и если по периметру мы не найдём след, то значит, она всё ещё внутри квартала.

Мы направились по Рио-Гранде. Впереди шли масунты, следом мы втроём, позади ехали машины, управляемые автопилотами. Дождь лил всё сильнее, и мне казалось, что эти потоки напрочь смывают все следы Малышки Твигги. К тому же дождь вымывал из всех щелей грязь и мусор, и из-за этого отвратительный запах, всегда присутствующий на улицах Эйка, и вовсе превратился в нестерпимую вонь. Тем не менее, Ульнар и Тиза не торопясь, но вполне уверенно шли вперёд. Мы свернули на другую улицу, параллельную Дармон-стрит. Её названия я не знала, а табличек на домах не было. Впрочем, внешне она ничуть не

отличалась от других. Дойдя до очередного перекрёстка, мы снова свернули и пошли в сторону Дармон-стрит.

— Похоже, она где-то поблизости... — пробормотал Терренс, втягивая голову в плечи.

Струи дождя наверно уже текли по его спине, как и у меня.

— Может, они пропустили след? — предположила я.

— Такое случается... — проговорил Макс, хотя в его голосе звучало недоговоренное уточнение: «крайне редко».

В этот момент Ульнар остановился и посмотрел куда-то в сторону. Мы поспешно догнали их и увидели, что он заглядывает в узкую щель между домами.

— След чёткий, — сообщил он и посмотрел на противоположную сторону улицы, —

Она пошла туда, вон в ту подворотню. Она была сильно испугана. Я чувствую запах страха...

— Веди, — кивнул Макс, и Ульнар опустив руки и нагнувшись, превратился в огромного зверя, похожего на крупного льва, только в его тёмно-синей гриве блестела диадема, на груди висела цепь с крупным фигурным медальоном, а на лапах поблескивали чеканные браслеты.

Космический оборотень на мгновение замер, выделяя из тысяч запахов только один, нужный ему, и бросился вперёд, в темноту подворотни. Уже совсем стемнело и мне пришлось надеть преобразовательные линзы, чтоб не налететь в темноте на какую-нибудь преграду и не свалиться в яму или канаву, которые были здесь на каждом шагу. Ульнар бежал впереди, легко перемахивая через кучи мусора и покосившиеся заборы. Мы успевали за ним только потому, что ему куда сложнее было протискиваться в узкие промежутки между стоящими впритык лачугами и подползать под нависшими, готовыми обрушиться стенами каких-то сараев и просто руин. Этот безумный бег по грязным задворкам Эйка, которые я видела в размытом сероватом цвете, уже начал мне надоедать. Наконец мы перебрались через какую-то ограду и оказались в длинном узком переулке, заваленном горами мусора и большими почерневшими ящиками, в которых, возможно, кто-то жил.

Ульнар на бегу поднялся на задние лапы и снова превратился в человека.

— Она совсем рядом, — крикнул он. С завистью я заметила, что он почти не запыхался.

Неожиданно он остановился, посмотрел на ближайший ящик и отшвырнул в сторону его переднюю прогнившую стенку. Испуганный крик пробился сквозь шум дождя, и мы увидели маленькую худенькую девушку, почти девочку, в безнадежно изорванном дорогом плаще из блестящей чёрной ткани, в длинных сапогах со свернутыми каблуками и с перемазанным лицом. Она отчаянно плакала, прикрываясь руками.

— Успокойся, тебе ничто больше не угрожает, — негромко, но чётко произнесла я, присаживаясь рядом на корточки. — Тебе совершенно нечего бояться. Мы не причиним тебе зла.

Она слегка опустила руки, и посмотрела на меня полными безумного ужаса глазами.

— Сейчас весь твой кошмар закончится, — продолжала я. — Тебе нужно только успокоиться, и всё пройдёт. Скоро ты будешь в тепле и безопасности. Ты веришь мне?

Она всхлипнула и испуганно кивнула.

— Скажи мне, где картина, которую ты несла?

Её глаза округлились, а рот открылся, и я поняла, что сейчас она снова закричит.

— Ничего не надо бояться, — повторила я. — Эта картина принесла много горя и будет лучше, если ты навсегда избавишься от неё. Она не стоит ничьих жизней. Куда ты её дела? Ты её бросила?

— Отдала... — выдохнула она.

— Кому ты её отдала, Динара?

— Ему... — она мотнула головой куда-то вбок. — Он в сером плаще... Она такая тяжёлая была... Слишком тяжёлая для моих рук... Он так сказал...

Она снова всхлипнула.

— Ты отдала картину мужчине в сером плаще? — спросила я. Она поспешно кивнула. — Какой он? Молодой, старый, высокий, низкий, может, толстый?

Она непонимающе смотрела на меня.

— В сером плаще... Тихий голос... назвал меня девочкой и сказал, что она слишком тяжёлая для моих рук. Она, и правда, тяжёлая. Я не могла с ней бежать. Я отдала ему картину и убежала, — она нервно хихикнула. — И он не догнал. Я спряталась... здесь.

— Он гнался за тобой?

Она нахмурилась, пытаясь сообразить, о чём я её спрашиваю, потом пожала плечами. Только тут до меня дошло, что весь этот путь через трущобы Эйка девочке было бы не проделать, если б она тащила на себе картину.

— А где ты его встретила? — осторожно спросила я.

Она снова неопределённо мотнула головой.

— Там, на улице...

Я встала и обернулась к Максиму. Он кивнул.

— Скорее всего, он подкараулил её у той самой щели, где Ульнар взял след, — он обернулся к масунтам. — Позаботьтесь о ней, — после чего медленно направился к выходу из переулка.

Мы втроем стояли в полутьме под дождём и молча ждали, когда к нам подъедет машина, вызванная Максимом по коммуникатору. Судя по попискиванию маяка, она была уже совсем рядом.

— Он ждал её там, он знал, что она несёт, и ему нужна была именно картина, — произнёс Терренс.

— Предположения, — возразил Макс. — Это мог быть обычный гопстопник, который увидел девчонку, тащившую что-то тайком. Подумал, что это воровка, и решил перехватить добычу.

— Может быть. А если всё же предположить, что он был в курсе, что забирает из её рук?

— И что?

На перекрёстке показался свет фар. Чёрный мерседес Макса уверенно взрезал дождь и ночь, приближаясь к нам.

— По сути, у нас только два претендента на картину: Сыны Астарота и неизвестный, предложивший за нее два миллиона, — произнёс Терренс, — Только они проявляли к ней интерес и готовы были на всё, лишь бы её заполучить. Никто больше ею не интересуется, ни одна живая душа. Согласен? Так давай исходить из того, что больше она никому не нужна, и никто не пойдёт бы в Эйк за тем, чтоб забрать её. Версию о случайном гопстопнике оставим на потом. Сейчас нужно разрабатывать более перспективные направления поисков.

— Ну и?.. — Макс задумчиво смотрел на остановившуюся перед ним машину.

— Надеюсь, ты не будешь настаивать, что этот парень в сером плаще из Сыновей Астарота?

— А почему он не может быть из них?

— Потому что, во-первых, они не разговаривают, а сразу пускают в ход ножи. А во-вторых, мы с Лорой видели, как они одеты. Чёрные брюки и чёрные куртки с капюшонами. Все, как детишки из приюта. Этот был в сером плаще и вёл себя довольно мирно. Скорее, он похож на того, кто хотел купить картину.

— Парень, способный выложить два миллиона кредов за картину, не попрётся ночью в Эйк.

— Почему ты так думаешь? Мы же ничего о нём не знаем. Мы даже не знаем, кто на самом деле придумал всю эту хитроумную операцию с похищением картины. Помнишь, как Эдди удивился, услышав, что это сделал Бруно Дэви? И Эдди прав, потому что парень, придумавший столь хитроумную и эффективную афёру, не стал бы ошиваться в шестёрках у Смита Сароу. Скорее Бруно был лишь исполнителем. За ним стоит его заказчик.

— И как этот заказчик узнал, где нужно искать картину?

— Почём я знаю... Можно только предполагать. Откуда девчонка узнала адрес Зака Дидье? Никакой вывески на его лавке нет. Почему он усадил её в кухне пить чай? Скорее всего, он был знаком с Бруно, и ей о нём рассказал брат, возможно, именно в контексте с картиной. Не исключено, что именно у Зака Бруно собирался встретиться с заказчиком и отдать ему картину. Тот, не зная о его смерти, пришёл по указанному адресу, увидел там полицию, свернул за угол и наткнулся на Твигги, тащившую картину. Для такого умного малого не сложно было предположить, что она тащит именно то, за что он заплатил.

— Бездоказательно, но логично. И где нам его искать? Кто он такой?

Терренс пожал плечами.

— Понятия не имею. Одна надежда, что девчонка очухается и вспомнит что-нибудь ещё.

— Ты её хорошо разглядел?

— Что? — Терренс с недоумением взглянул на Макса.

— Ты заметил, что у неё сильно выраженное косоглазие?

— Серьёзно? Я вообще не разглядел её лица.

— Вот именно, — кивнул Макс. — Ты своим тренированным глазом, в преобразовательных линзах не смог разглядеть толком её лица. А она, перепуганная до смерти, с обычными человеческими глазами должна была в дождь рассмотреть в темноте парня в сером плаще.

— Пожалуй, ты прав... — сдался Терренс. — Значит, тупик. Полчаса назад этот парень увёл у нас из-под носа картину, и мы можем её больше никогда не увидеть. Он запрет её в чулане или повесит над кроватью в спальне, никуда не повезёт, не будет продавать. Мы не можем обыскать все дома в городе.

— Дома — нет, — я решила вклиниться в их разговор. — Может, сядем в машину, а то на мне уже ни одной сухой нитки не осталось.

— Извини, — Макс поспешно распахнул заднюю дверцу, и стоило мне забраться на сидение, спросил: — Что ты имела в виду? Дома мы не можем обыскать, а что можем?

— Не мы, а ты. Банковские счета. Ты заметил, что сказал Берри? Распоряжения с переводе денежных средств за услуги, которые Дэви заказывал в связи со своей афёрой, были отправлены с терминала в Общественном центре ГИКСа. Это значит, деньги переводились на счета фирм с какого-то другого счёта. Кроме того, девушка пыталась продать картину за сто кредов. Стала бы она это делать, будь у неё деньги, которые были у её брата? Все его

деньги на счёт, и потому она не могла их снять. А на счёт они были, скорее всего, переведены с другого счёта. В этом городе, где половина сделок совершается нелегально, и у полиции нет практически никаких шансов получить разрешение на отслеживание банковских операций, наш заказчик мог безбоязненно переводить деньги на счёт Бруно со своего собственного личного именного счёта.

— И даже если он переводил через резервные счета, я его выслежу... — уверенно заявил Макс и нажал какую-то кнопку на приборном щитке машины. Тут же на ветровом стекле появились три стандартных экрана, перед ним развернулась клавиатура, а по бокам выскочили две дополнительных. Макс стукнул пальцем по одной из клавиш и произнёс: — Кинг, дай мне канал ГИКСа и приготовься, будешь прикрывать меня от сторожевых программ.

Я представляла, что это будет как-то более впечатляюще, но Макс почти ничего не делал, он только следил за быстро мелькающими на экранах схемами и группами символов и изредка набирал короткие комбинации на средней и правой клавиатурах. Терренс, сидя рядом, с интересом следил за экранами, один раз даже ткнул пальцем в какой-то значок, выскочивший посреди пустого поля. Макс деловито кивнул.

Всё это не заняло у них и десяти минут. Наконец Макс снял пальцы с клавиш и выжидательно взглянул на средний экран. На нём постепенно, строчка за строчкой проявилась какая-то таблица. Макс замер, поражённо глядя на неё, а Терренс придушенно пробормотал:

— Бог ты мой...

Полчаса спустя Макс позвонил в высокую дубовую дверь трехэтажного узкого дома, втиснутого между такими же мрачноватыми добротными домами. Ждать пришлось недолго. Дверь беззвучно распахнулась, и мы вошли в небольшую прихожую, едва освещённую блёклым светом небольшого фонарика, стилизованного под старинные уличные фонари. Хозяин молча смотрел на нас, ожидая объяснений. Он был в сером тёплом свитере и тёмных брюках. На тонкой прядке, выбившейся на лоб из гладко зачёсанных мокрых волос, висела капля. Прямо здесь в полутёмной прихожей, на самом виду висел насквозь пропитанный дождём серый плащ.

— Где она, МакЛарен? — спросил Макс, держа руку в кармане, где лежал бластер. — Я знаю, что это вы заплатили два миллиона кредов за похищенную картину. И я знаю, что она у вас. Вам придётся её вернуть.

МакЛарен, не торопясь, взял с этажерки пачку сигарет, зажигалку и прикурил, глядя на Макса тем холодным оценивающим взглядом, каким смотрел на меня в «Чёрной розе».

— Будьте благоразумны, доктор, — проговорил Терренс. — Вы же прекрасно понимаете, что эта картина небезвредна. И она должна быть изолирована от мира.

МакЛарен вынул изо рта сигарету и покачал головой.

— Нет, Лесли, она опасна и должна быть уничтожена.

После этого спокойно развернулся и прошёл в комнату. Мы последовали за ним. В этой большой, обставленной солидной викторианской мебелью гостиной было темно, лишь из камина вырывался свет огня. Именно к камину он и подошёл.

— Как в пекле... — тихо, словно припоминая что-то, проговорил он.

Проследив за его взглядом, я увидела в камине большую тёмную доску, объятую пламенем.

— Вы с ума сошли! — крикнул Макс и бросился к камину.

Но МакЛарен вдруг резко повернулся и взмахнул рукой. Я готова была поклясться, что он не прикасался к Макс, но тот отлетел назад через всю комнату и, ударившись о стену, упал на пол. Терренс тут же выхватил бластер. Но МакЛарен спокойно поднял руки, показывая, что они пусты, и словно демонстрируя, что сдаётся. Однако при этом чуть повернул голову и пристально взглянул на картину, которая тут же вспыхнула ярче и взорвалась изнутри, рассыпавшись мелкими горящими щепками.

— Вот и всё... — он слабо улыбнулся. — Как ваша спина, Делман?

— Нормально, — проворчал тот, поднимаясь и присаживаясь на стоящий рядом диван. Потом пошевелил плечами. — Да, всё в порядке. Какого чёрта, МакЛарен? Что вам взбрело в голову делать это? И что это за фокусы?

— Это всё звенья одной цепи, — пожал плечами он, глядя, как Терренс убирает бластер. — Я просто должен был уничтожить эту доску.

— Что в ней такого? — поинтересовался Терренс, спрятав оружие. — Ключ к концу света?

— Нет, просто в ней присутствовало активное Зло. Это всего лишь одна из мрачных игрушек Дьявола.

— И что вам с того?

— У меня с ним личные счёты...

Он какое-то время задумчиво смотрел на меня, потом вздохнул. Именно тогда и прозвучали эти слова, которые повергли в шок Макса и Терренса, но не меня.

— Наверно, не имеет смысла скрывать... Рано или поздно вы всё равно узнаете. Я алхимик. Я продал душу Сатане в 1523 году и обрёл бессмертие. И при этом навеки потерял покой... Два года назад я, благодаря заступничеству нескольких чистых душ, получил прощение и свободу, но не успокоение. Проклятие всё ещё висит над моей головой, и вряд ли я когда-нибудь избавлюсь от него. Долгие века я провёл в заточении, где каждый час казался вечностью. И за это время моя душа насквозь пропиталась самой лютой, жгучей и безумной ненавистью к моему тюремщику. Даже после того, как я вырвался от него, он сыграл со мной злую шутку, которая лишь подогрела мою ненависть. Хоть сделка между нами была расторгнута, он не забрал то, что было получено мною по этому пакту, и потому Небеса навсегда закрыты для меня. Вы живёте в другие времена, но тот, кто родился в мою эпоху, понял бы, что этого вполне довольно, чтоб объявить ему войну. Это всё... Я сказал вам то, что мог. Теперь делайте, что сочтёте нужным, но учтите: убить меня вам не удастся. Я испробовал разные способы. Они приносят только боль.

Он выпрямился и, скрестив руки на груди, выжидательно взглянул на Терренса. Тот с трудом приходил в себя после такого откровения. Макс метнул на меня быстрый взгляд, и, видимо, выражение моего лица подсказало ему, что всё это не розыгрыш, и мне эта история давно и доподлинно известна.

— Но где вы, чёрт вас возьми, взяли два миллиона? — спросил он, взглянув на МакЛарена.

— Это всё, что я заработал за эти два года, — усмехнулся МакЛарен. — Каюсь, лечить я начал ещё до получения лицензии, но ведь мне нужно было на что-то жить. На Эрнане я лечил алкорского посла и его престарелую мать, на Рокнаре — нескольких миллионеров, да и здесь есть люди, понимающие, что экономить на здоровье глупо... Например, вы, Делман.

— Как говорит Джонни, у него есть деньги, пусть платит... — пробормотал Терренс.

— Мы вернём вам ваши деньги, вернее то, что от них осталось, — проговорил Макс, поднимаясь с дивана. — За вычетом десяти тысяч, в которые была оценена владельцем картина.

— Очень благородно... — чуть поклонился ему МакЛарен.

— Но помните, мы за вами наблюдаем...

— Кто б сомневался... — равнодушно проговорил он, и повернулся к камину, всем своим видом давая понять, что утратил к нам интерес.

Макс задумчиво взглянул на меня и вышел в прихожую, за ним отправился Терренс, но я не могла уйти так просто. Я подошла к нему и встала рядом, глядя в камин, где догорали кусочки дьявольской картины.

— Что в ней было? — спросила я.

— Ты видела то же, что и я... — не повернув головы, ответил МакЛарен.

— Эта собачонка, которая выползает из-под кровати? По свидетельству многих авторов тех времен, дьявол любил принимать обличие чёрной собаки. К тому же печать Соломона... Это всё-таки подсказка, как вызвать дьявола?

— Это приманка для дураков, которые хотят это сделать и готовы ради этого губить чужие жизни... Ему на радость.

— Как тот маньяк, что убил трёх девушек? Кто свернул ему шею?

— Наверно, тот, кому это было на руку...

Я рассердилась.

— Ты знал обо всём этом с самого начала, пытался заполучить картину и морочил мне голову?

Он, наконец, взглянул на меня и раздражённо произнёс:

— Я надеялся, что ты сама уничтожишь её. Именно потому я и дал тебе необходимые подсказки. Но ты попала под обаяние его мастерства... Неужели не понятно, что он никогда не открывает своего лица полностью? Изысканность его творений — это лишь соблазн, искушение... которому ты поддалась.

— И ты разочаровался во мне? — поинтересовалась я. — И всё же остановил меня у края пропасти?

— Опять смеёшься, злой ангел, — он невольно улыбнулся, глядя мне в глаза. — Тебе простительно поддаться обаянию таланта, пусть даже тёмного... Ты помнишь небеса и ищешь их отголосок во всём, что кажется тебе совершенным. Но будь осторожна, он очень хитёр, а ты, чиста и доверчива, как всякий, кто привык действовать мечом, а не кинжалом.

— А мне казалось, что я мудра и опытна.

— Дай Бог, чтоб так и было... — шепнул он.

— Как себя чувствует та девочка, что упала с лестницы? — спросила я.

Он кивнул.

— Спасибо, ей гораздо лучше. Она пойдёт на поправку, хотя вряд ли сможет стать балериной, но вполне — вырасти, стать милой девушкой, выйти замуж и произвести на свет кучу ребятишек. Прости, что я бросил тебя одну в тот вечер.

— Это было жестоко, но у тебя есть оправдание... в виде возможного появления на свет кучи ребятишек. И потому я, пожалуй, дам тебе шанс искупить вину.

Он вздёрнул бровь, его глаза озорно блеснули. Та прядка, на которой недавно висела капля дождя, теперь завилась в изысканное колечко. Может, он и прав, я ищу отблеск потерянного рая во всём, что кажется мне совершенным?

— Я заеду за тобой завтра в восемь... — предложил он.

— Ладно, — кивнула я. — До встречи.

Следующее утро было бледным и унылым. Я сидела в своей гостиной на диване и, развернувшись к окну, задумчиво созерцала серое неподвижное небо, нависшее над городом. Раздался деликатный стук в дверь, и она чуть приоткрылась, ровно настолько, чтоб в комнату просунулась рыжая голова Терренса.

— Доброе утро... Я принёс почту.

— Входи, — улыбнулась я, махнув ему рукой.

Он вошёл, свежий, пахнувший цветущим садом, в голубых брюках и белой рубашке с широким отложным воротником. Усевшись на диван, он протянул мне конверт.

— Я знал, что МакЛарен занятный парень, — произнёс он, — но не настолько же... Это всё правда?

— Правда, — кивнула я, решив, что Терренсу незачем знать, что это далеко не вся правда.

— И он действительно заключил пакт с дьяволом?

— Это было так давно, что об этом можно не вспоминать.

— Потому что он был прощён?

— Такое случается, хоть и не часто.

Рыжик недоверчиво смотрел на меня.

— Это похоже на странный сон... Сколько ему сейчас лет? Семьсот? Больше?

— Двадцать девять. Остальные не в счёт, — я усмехнулась. — Не задумывайся об этом.

Голова заболит.

— И ты всё это знала с самого начала? И не сказала, — он с упрёком взглянул на меня.

— Потому что он заслужил ещё один шанс, так пусть воспользуется им.

— Он спалил нашу картину.

— Я помню. Может, он прав? Может, только так и нужно поступать с такими вещами, но не у каждого хватит на это духу.

— Наверно, — Терренс пожал плечами. — Знаешь, я чувствую себя спокойнее с тех пор, как её не стало. И Макс тоже. Он рад, что ему не нужно больше думать как обойти завещание старика дель Соля. Вот только решится ли он снова доверить МакЛарену заботу с своей спиной?

Я пожалала плечами. Такие вещи каждый решает сам. Взглянув на конверт, я увидела штемпель межпланетного отдела Санкт-Петербургского почтамта. Распечатав, я достала голубой лист почтовой бумаги с именным логотипом академика Преображенского. Текст письма был напечатан на компьютере шрифтом, имитировавшим изысканный почерк.

«Дорогая Дашенька, извини, что пишу коротко, но у меня как всегда забот полон рот. Лечу на раскопки в Арктику и когда выберусь из вечных льдов, один Бог знает. Так вот, о вашей картине. Я показал её коллегам, и она произвела на них как раз такое впечатление, какое я ожидал.

Тщательно изучив репродукцию, Ван-Меер пришёл в замешательство. Он восемьдесят три года занимается Северным Возрождением и в особенности творчеством братьев Губерта и Яна Ван Эйков, и теперь готов поклясться, что по манере письма, по композиции — это — Ян Ван Эйк, но по сюжету — это произведение совершенно для него невозможное.

Артуа, который давно слышит у нас мрачным мистиком, обратил внимание на

отражение в зеркале, изображённом на картине. Он извлёк из запасников Лувра какую-то латинскую рукопись и, ссылаясь на неё, настаивает, что картина написана дьяволом. Схожесть со стилем Ван Эйка он объясняет тем, что дьявол, являясь тёмной сущностью, не имеющей искры божьей, не может самостоятельно создавать талантливые произведения и потому вынужден занимать талант у смертных или просто копировать их почерк.

Рамирес припомнил, что Родриго де Логроно писал в своих мемуарах со ссылкой на инквизитора Алонсо Салазара де Фриаса о некой картине, привезённой в Наварру из Фландрии. С помощью этой картины мелкий торговец по имени Мигель Торрос произвёл магический обряд, во время которого убил при соучастии служанки свою жену. Дьявол явился к нему в виде чёрной собаки и заключил с ним пакт, в результате которого торговец получил горшок с золотом. Но той же ночью сторож застал его при попытке зарыть в саду покойную супругу, о чём донёс властям. Торрос какое-то время отказывался говорить правду, но картина неожиданно изменилась, как зеркало отобразив сцену убийства, после чего потрясённый Торрос и его соучастница во всём сознались. В горшке оказалась пыль. Чем закончилась эта история, наш почтенный сеньор не помнит, но полагает, что, скорее всего, банальным аутодафе. Судьба картины неизвестна.

Джениро ничего интересного не сообщил, но просил известить тебя, что Нью-Йоркская картинная галерея согласна приобрести картину и просит прислать её для экспертизы. В желании увидеть эту доску в натуре, пожалуй, единодушны все мои коллеги, так что, если это возможно, замолви словечко.

И напоследок, мой личный вклад, вернее, моего весьма способного ученика. Мой аспирант Коля Васин тщательно изучил копию картины и пришёл к выводу, что страницы открытой книги на столе, вероятно, написаны позже, поскольку оттенок краски не соответствует фламандской школе этого периода, а буквы слишком выпуклые, и шрифтом напоминают печатные издания на древнееврейском, которые получили хождение лишь в шестнадцатом веке. По-видимому, оригинальный текст находится под верхним слоем краски, но это можно определить достоверно только при исследовании подлинника картины.

Ну вот, мы заходим на посадку. За иллюминатором — белым-бело. Пора прощаться. Напиши, если узнаешь что-то новое о картине.

Твой А. Ф.»

Я свернула письмо с чувством, что закрываю последнюю страницу жуткой повести. Тайна картины, скрытая под слоем краски и запечатанная для верности печатью Соломона, навсегда исчезла в огне. И как знать, только ли пламя камина стало причиной её гибели, или она сгорела, не выдержав жара от пылающего сердца возродившегося из бездны алхимика. Ему оставили жизнь, и он взял в руки меч, чтоб начать свою битву. Что ж, он не одинок на своём ристалище... Мне хотелось, чтоб он это знал. Я взглянула на часы и улыбнулась. До нашей встречи оставалось меньше десяти часов.

Часть 2

Рыцарь

Вампир уходил от погони с завидной ловкостью, той самой, что демонстрируют обычно эти дети Тьмы с наступлением ночи. Он нёсся по узким улицам Эйка, почти не касаясь ногами грязной, мокрой от дождя брусчатки, внезапно скрываясь от своего преследователя за углом или в тёмном провале подворотни. Было ясно, что его гонит по сумрачным закоулкам города страх, вернее, даже ужас. Он не пытался защищаться, он просто бежал,

пытаясь спрятаться в мрачном лабиринте среди нагромождения одинаковых серых домов с тёмными заколоченными окнами, наглухо запертыми дверями и заваленными мусором и хламом душными дворами-колодцами. Он знал этот район как свои пять пальцев. Тем более ужасающим было то, что его преследователь отставал от него не более чем на десять метров.

Охотник шёл за ним уверенно и спокойно. Двигаясь также быстро, легко и бесшумно, он, тем не менее, сохранял полное самообладание и точно просчитывал каждый шаг перепуганной жертвы. Это позволяло ему внезапно срезать угол и предугадать направление, куда свернул на мгновение скрывшийся из виду противник. С каждым таким удачным ходом он всё больше сокращал дистанцию, отделявшую его от вампира. Тот несколько раз пытался навести его на ловушку, то вдруг перелетая через широкую яму, куда неминуемо свалился бы любой другой, или вдруг перемахивая через забор, верх которого был утыкан острыми кусками покорёженного металла, способного распороть любую коснувшуюся его плоть. Но охотник чувствовал эти ловушки, словно внезапная вспышка интуиции подсказывала ему прыгнуть дальше или выше, и он, не снижая скорости, продолжал преследование.

Вампир тем временем окончательно потерял самообладание, от чего запутался в сплетении похожих одна на другую улиц и, внезапно метнувшись в сторону, почувствовал, что впереди его ждёт тупик из стен трёх сдвинутых вместе домов. Мгновенно изменив направление, он, тем не менее, потерял драгоценные доли секунды и явственно услышал за спиной плеск, когда охотник на бегу ступил в глубокую зловонную лужу. В отчаянной попытке оторваться, вампир нырнул в узкую подворотню, пролетел через тёмный квадратный двор и, подскочив, ухватился руками за нижнюю перекладину проржавевшей пожарной лестницы, ведущей на крышу. Уже карабкаясь на уровне третьего этажа, он почувствовал, как дрогнула и натужено заскрипела лестница под весом ещё одного тела. Охотник не отставал.

Взобравшись на крышу, вампир, умело балансируя на самом краю, добрался до соседней крыши, находившейся этажом ниже, и прыгнул. Не задержавшись ни на миг, он поднялся по осыпающейся черепице и, уже съезжая вниз по противоположному скату, услышал шум, с которым его преследователь приземлился на ту же крышу. Скатившись вниз, он намеренно соскользнул с её края и, уцепившись за карниз, повис на руках, чтоб осмотреться. Он ошибся совсем чуть-чуть. Пожарная лестница была в паре метров слева, но раздумывать было некогда, наверху уже слышался треск черепицы. И вампир прыгнул.

Ему едва удалось зацепиться рукой за железный поручень. В плече что-то хрустнуло, и по телу промчалась молнией мгновенно проходящая боль. Держась за поручни, он скользнул вниз. Лестница снова задрожала и, подняв голову, он увидел чёрную тень, катящуюся на него. Оттолкнувшись, он обрушился вниз, упал на кучу мусора, развернулся, и в тот же миг прогремел выстрел. Вцепившись в прошитое пулей плечо, он покатился вниз, уже понимая, что это заговорённое серебро, и рана не затянется так быстро, как после свинца или чугуна.

Он упал на спину, и увидел над собой огромную фигуру охотника, который изящным и сильным движением выхватил что-то из висящих на поясе ножен. И в следующее мгновение вампир взвыл, пытаясь прикрыть сердце ладонями, потому что в руке у охотника был не кинжал, а искусно выточенный осиновый кол.

Именно эту сцену я и увидела, влетев в подворотню. Предыдущую часть погони мне посчастливилось лицезреть на экранах наблюдения из салона мчащейся по улицам Эйка машины. МАРНЫ1 зацепились за эту сладкую парочку ещё минут сорок назад и давали весьма неплохую картинку. Следовать за ними приходилось по улицам, где могла проехать

машина, и я всерьёз опасалась, что эта погоня бесславно закончится для нашего приятеля где-нибудь в узком переулке или на крыше. К счастью, мы успели и, влетев в узкую подворотню, я увидела лежащего в грязи и визжащего от страха вампира и возвышающегося над ним охотника с занесённым для удара осиновым колом.

Замах был мощным и решительным, кричать было бесполезно: оглушительный визг заглушил бы мой крик. Поэтому я помчалась к нему, за пару метров взвилась в воздух, на лету вцепилась в руку с колом и повисла на ней. Охотник издал свирепое рычание и обернулся ко мне, оскалив два ряда белоснежных ровных зубов, блеснувших в свете фонарей, и, как всякий хорошо выдрессированный бульдог, увидев рядом с собой даму, мгновенно успокоился и опустил руку с колом. В следующее мгновение он увидел обступивших нас масунтов и как-то сразу оценил, на чьей мы все стороне, поэтому не стал возмущаться и не полез в драку.

— Это вампир, — только и произнёс он.

— Я знаю, — кивнула я и обернулась к его жертве, которая, наконец, замолчала. — Ты как?

— Как? — взревел тот, мгновенно вскакивая на ноги, гневно скаля клыки и сверкая красными зрачками. — Он чуть не убил меня! Он стрелял серебром, освещённым в церкви! Хорошо ещё, что пуля прошла на вылет! У него осиновый кол! Где, дьявол его раздери, он взял осину на Киоте!

— Ты почему один? — негромко спросила я. — С каких пор ты шляешься по Эйку без охраны? У тебя больше нет врагов?

Он порывисто вздохнул и передёрнул плечами.

— Почему я должен брать с собой охрану, когда иду навестить больного старика, который в течение двенадцати лет был моим духовником? К тому же я не думал, что в Луарвиге есть кто-то, кого мне следует опасаться.

— Теперь знаешь... — тихо произнёс охотник.

Я резко повернулась к нему, он взглянул на меня и обворожительно улыбнулся. Чёрт возьми, а он очень даже ничего... Однако, не подав виду, я жёстко заявила:

— Ставлю вас в известность, сударь, что у нас здесь хоть и не рай, но существует определённый порядок. И отлов взбесившихся вампиров — это епархия сеньора Луиса Монтеги, — я указала на вампира.

— Взбесившихся? — не без иронии уточнил охотник. — Епархия?

Я любезно улыбнулась ему и пояснила:

— Луарвиг хоть и считается городом людей на этой планете, является домом для многих существ, которые живут здесь в относительном мире и согласии. Сеньор Монтега стоит во главе наших вампиров. Я думаю, вы, как профессионал, знаете, что они являются жертвами генетического заболевания, нарушающего обмен веществ. Однако они такие же живые люди, как и мы, а, следовательно, имеют право на жизнь, естественно, пока не нарушают право на жизнь других существ. Сеньор Монтега и его помощники внимательно следят за тем, чтоб вампиры Луарвига соблюдали правила жизни в обществе людей и в случае нарушения этих правил немедленно принимают меры вплоть до уничтожения нарушителя. Поверьте мне, их контроль вполне эффективен. Кстати, именно семье Монтега мы обязаны тем, что имеем возможность сосуществовать с вампирами, не опасаясь за свою жизнь.

Охотник, прищурившись, смотрел на Луиса.

— Подумать только, какой замечательный город... — наконец произнёс он.

— Это ужасный город, — с улыбкой поправила я, — но, на наше счастье, здесь есть те, кто старается сделать его лучше. Поэтому не трогайте вампиров. Здесь полно другой дичи для вас...

Я обернулась к Луису. Он уже вполне пришёл в себя и снова превратился в красавца-мулата с пронзительными карими глазами, золотистой кожей и густыми чёрными кудрями, которые ещё больше закручивались под морозящим дождём.

— Отправляйся домой, Церус и Дорн тебя отвезут.

Он кивнул и, не сводя хмурого взгляда с охотника, процедил:

— Я тебя запомнил.

— Он тебя тоже, — произнесла я. — Ты уверен, что удастся взять реванш?

— Господь учил прощать врагов, — проговорил Луис, взглянув мне в глаза. — Я, как вам известно, миледи, ревностный католик. А этому посоветуйте заняться Плакальщиком.

И запахнув куртку, он пошёл к выходу на улицу. За ним отправились два масунта.

— Плакальщик? — насторожился охотник. — Кто это?

— Вы ведь недавно в городе? — поинтересовалась я.

Это итак было известно. Едва объявившись, он уже успел наделать шума, пристрелив бешенного волколака и разбив витрину ювелирной лавки мелким сутенёром, обижавшим девушек. Такую колоритную фигуру невозможно было не заметить. Молчаливые масунты осветили фонарями место действия, и я могла рассмотреть нового героя. Он был высок и великолепно сложен. На нём был чёрный ригорский плащ с капюшоном, хорошо пошитый костюм из шкуры скат-лоренского морского змея скаталона, перчатки с раструбами до локтя и высокие сапоги. Под плащом виднелся широкий ремень с ножнами и кобурой, портупея с кожаными футлярами для всякой всячины вроде дымовых пашек, взрывчатки и прочих полезных в путешествии вещей.

Пока я изучала его наряд, он с интересом разглядывал меня. Наконец наши взгляды встретились. У него было приятное лицо, выразительные широко расставленные глаза под широкими бровями и прямой нос, который вкупе с глазами придавал ему сходство с хищной птицей. Тёмные густые волосы были собраны сзади в длинный хвост. На вид ему могло быть и тридцать, и сорок лет, а учитывая современные достижения медицины и чудеса генетики — куда больше. Короче, я имела счастье видеть перед собой достаточно молодого и красивого мужчину с обаятельной улыбкой и замашками истребителя драконов. Или ветряных мельниц. Отличный экземпляр для моей личной коллекции героев.

— Я приехал вчера, — он слегка склонил голову в поклоне. — Мое имя Родольфо Фалько, но друзья зовут меня просто Хок. Вы тоже можете звать меня так, синьорина...

— Лоранс Бентли, но друзья зовут меня Лора. Я не обижусь, если вы будете звать меня именно так.

— Прекрасно, — он улыбнулся и посмотрел вокруг. — Не лучшее место для беседы с прекрасной дамой.

— В этом районе вряд ли есть намного лучше, но мы можем выйти на улицу. Прошу.

Масунты расступились, пропуская нас к арке, ведущей из двора.

— Я прилетел на Киоту по делам, — продолжил он, идя рядом со мной. — Ищу старого знакомого.

— А я думала, приключений на свою голову.

— Не без этого, — признался он. — А вы разве не любите приключения?

— Нет, — без особой уверенности ответила я. — По крайней мере, не настолько, чтоб

их искать. К сожалению, они слишком часто сами меня находят.

— Вы тоже отвечаете здесь за порядок?

В его голосе опять послышалась ирония.

— С чего вы взяли? — невинно уточнила я.

— Вы вовремя явились, чтоб спасти вождя местной вампирской знати, вы подарили мне жизнь. И у вас роскошная свита из молодых, отлично вымуштрованных и абсолютно безмолвных масунтов.

Я вздрогнула и остановилась. Он улыбнулся.

— Я бывал на Эрнане и знаком с их философией. Они убежденные борцы со злом. Как и я.

— Понятно, — кивнула я и пошла дальше.

— Вы сказали, что здесь есть дичь для меня, — мы вышли на улицу и остановились возле двух чёрных автомобилей. Третий увёз Луиса. Хок внимательно смотрел на меня. — Что это за Плакальщик?

— Читайте газеты... — посоветовала я, подходя к машине, и один из масунтов тут же распахнул передо мной дверцу. — Там есть всё, чем мы располагаем.

Уже садясь на сидение, я услышала его голос:

— Где я смогу вас найти?

— Не волнуйтесь, свидимся... — ответила я. — На самом деле это очень маленький город и очень тесный мирок.

Как ни странно, но эта мимолётная встреча произвела на меня впечатление. Этот Хок или, вернее, Родольфо Фалько был слишком незаурядной личностью, чтоб забыть о нём через минуту после расставания, и что-то мне подсказывало, что этот человек появился в городе не зря. Он даже вытеснил из моих мыслей Плакальщика, странного неуловимого убийцу, за которым охотились все загонщики Луарвига. Это его мы искали, когда, на счастье Луиса, засекли погоню.

Именно поэтому, едва очутившись под прочной крышей в кресле у растопленного камина, я достала из сумки ноутбук и послала запрос в базу данных Звёздной инспекции. У меня есть код доступа. Запрос я посылала без особой надежды на ответ, но неожиданно получила его. Родольфо Фалько родился на Земле в Нумеа, Новая Каледония, в 2284 году. Его отец преподает историю в местном колледже, мать — капитан грузового космического флота Солнечной системы. В 2304 году закончил Космическую академию Британского содружества, летал старшим стрелком и старпомом на звездолётах Охранного периметра Земли, потом — Звёздной инспекции. С 2310 года — в Космическом десанте. В 2314 году ушёл в отставку и улетел с Земли. Зафиксированы случаи задержания его органами правопорядка на различных планетах по обвинению в причинении телесных повреждений, хулиганских действиях и оскорблении величия (понятия не имею, что это значит). Дважды подозревался в убийстве. До осуждения дело не дошло ни разу, освобождался за недостаточностью улик, по реабилитирующим основаниям, в благодарность за услуги, оказанные республике (не указано какой), и по личному распоряжению Главы Правительства (не указано какого). Не женат. Благонадёжен. При необходимости может быть привлечён к сотрудничеству.

В общем, брат по крови. Я выключила ноутбук и сунула его в сумку. В камине треснуло полено, и я задумчиво посмотрела на огонь. Судьба этого парня слишком похожа на мою.

Его тоже что-то выпихнуло с надёжной благополучной Земли, предоставляющей, кстати, достаточно возможностей для подвигов и острых ощущений, и понесло по Вселенной в поисках врагов и приключений. А таких людей так просто никуда не заносит, можете мне поверить. Что он там говорил про старого знакомого? Он ушёл в отставку примерно семь лет назад, а до этого вся его жизнь была связана с Землёй. Нет ли у нас, случайно, общих знакомых? Нужно будет поговорить с нашими...

— О чём задумалась?

Голос Джулиана отвлек меня от моих мыслей. Я, наконец, вспомнила, что всего лишь четверть часа назад вышла из машины масунтов возле его дома на Ридженс-стрит и ввалилась в маленькую уютную прихожую усталая, как ездовая лайка, добежавшая до Северного полюса, и мокрая, как упавшая с моста в реку болонка. И конечно была тут же принята, обласкана, укутана в плед и усажена у камина. На голове у меня мягко шевелилось заботливое термополотенце, а мой мокрый плащ уже общался в шкафу с местными роботами, отвечающими за состояние изысканного гардероба хозяина.

Хозяин этого уютного викторианского особняка в атласной домашней куртке и отутюженных брюках присел в кресло напротив и поставил на журнальный столик большой поднос, сервированный для пятичасового чаепития. Я бросила взгляд на камин, где красовались бронзовые часы с пастушкой, раскинувшейся над циферблатом, из-под смятой юбки которой вытягивались стройные ножки в чулках с подвязками и изящных туфельках. На циферблате была почти полночь.

— Ты куда-то торопишься? — спросил Джулиан, разливая чай.

— Нет, просто посмотрела, сколько времени. Ты сегодня не дежуришь?

— Я сослался на плотный график работы днём и просил освободить меня от ночных дежурств в миссии. Моя просьба была встречена с пониманием. Однако при необходимости меня могут вызвать к больному в любое время. Попробуй мёд. Его привёз дед того мальчика, которого я лечил от церебрального паралича. Увидев, как парень вышагивает по палате, он расчувствовался и поклялся, что будет снабжать меня мёдом до конца своих дней.

— Чудесный мёд, — кивнула я, облизывая ложечку.

Пока я пила чай, Джулиан деликатно молчал, изредка поглядывая на меня. Ему хотелось спросить о Плакальщике. Похоже, этот монстр задел его за живое, но мои мысли всё чаще утекали в сторону Хока.

Полотенце тем временем закончило сушить мои волосы и с довольным урчанием сползло на плечи. Я очень надеялась, что на голове у меня не воронье гнездо.

— Вы опять искали его? — не выдержал Джулиан.

— Естественно... — пробормотала я и поставила на поднос допитую чашку. — Очень хороший чай.

— Да, цейлонский, с Земли. Ты не хочешь об этом говорить?

Его тёмные глаза блестели в сумраке комнаты, и в них плясали отблески пламени. Он был очень хорош в этот момент. Впрочем, он всегда хорош. Это его вторая натура. Я слабо улыбнулась.

— Не о чем говорить, дорогой. У нас нет информации, а в его действиях нет системы. Если так пойдёт дальше, он загрызет половину города, а мы его не найдём.

— Не отчаивайся, — улыбнулся он. — Рано или поздно ты поймешь, чего он хочет.

— Я итак знаю. Он хочет есть. У него проблемы. И целый мегаполис для охоты.

— Логично... — он взял из вазочки печенье с корицей и надкусил его, задумчиво глядя

в огонь. — Знаешь, я тут подумал...

Моё сердце радостно встрепенулось. У него есть идеи насчёт Плакальщика? Иногда его идеи ценнее любой самой точной информации. Но я слышала нечто совсем другое.

— Выходи за меня замуж... — неожиданно произнёс он.

Я изумлённо взглянула на него.

— Ты что, шутишь?

Мы встречались уже месяц, но я совсем не была уверена, что это можно назвать романом. Мы ходили в театр, гуляли по берегу моря, ужинали в ресторанах, а потом он отвозил меня домой и прощался у дверей, целуя мои руки. Лишь неделю назад я, наконец, приняла приглашение поужинать у него дома и с тех пор провожу вечера, сидя у его камина и мурлыкая от удовольствия. А кто б не замурлыкал в тепле и уюте, окружённый едва не материнской заботой? Признаю, что для такого ловкача, прошу прощения, рыцаря и джентльмена, я была лёгкой добычей. Но замуж? Это плохая шутка.

— Вовсе нет, — покачал головой он. — Я серьёзно. Я совершенно уверен, что это именно то, что тебе сейчас нужно. Подумай сама, ты мотаешься по городу в любую погоду и в любое время суток. Ты вымоталась, устала, тебе одиноко. И в глубине души ты понимаешь, что тебе нужен надёжный, преданный и бесконечно любящий тебя мужчина, у которого нет ничего и никого, кроме тебя, который готов в любой момент сорваться с места и устремиться за тобой на другой конец Галактики, который согреет тебя своим сердцем, прикроет в бою твою спину и поддержит твой самый безумный план, который понимает тебя, как никто другой. Я — тот самый мужчина. Разве нет? Так получилось, ангел. Ведь у нас даже душа общая. Часть моей души ты так долго носила в своём сердце, что она стала твоею. И вот теперь она снова соединилась с моей душой, но она по-прежнему твоя. Я знаю, чувствую и люблю тебя. И я хочу быть с тобой.

Я поймала себя на том, что сижу и слушаю его, развесив уши, с дурацкой улыбкой на физиономии.

— Прекрати, Джулиан... — отмахнулась я.

— Я только начал.

— Ты пытаешься меня обольстить?

— Конечно, а почему бы и нет? Надеюсь, ты не сомневаешься в том, что я тебя люблю?

— Нет, но я не собираюсь замуж. Я не так давно пережила сердечную драму. Мужчина, которого я любила тридцать лет, женился на другой. Ты думаешь, мне хочется начинать всё сначала?

— Возможно, нет. Но, поверь, это — лучшее лекарство. Я могу сделать так, что уже наутро ты забудешь обо всех своих драмах.

— Какая уверенность... — фыркнула я.

— Ты же знаешь, что я прав, — он внимательно и серьёзно смотрел на меня.

— Всё всегда кончается, — печально вздохнула я. — Понимаешь? И остается только холод и одиночество...

— Так и будем всю оставшуюся жизнь жить в холоде и одиночестве? — спросил он. — Или, может, попробуем что-нибудь изменить. Я ж не прошу у тебя вечной любви. Просто позволь мне быть рядом, пока это возможно. Дай мне шанс исправить мою давнюю ошибку. Иначе моя душа никогда не найдёт покоя.

— Мне хорошо с тобой, — сдалась я, — но я пока не готова на столь кардинальное решение. Брак — это слишком серьёзно.

— Понимаю, — кивнул он. — И потому не настаиваю, а только предлагаю.

— Я приму к сведению, — пообещала я и вдруг подумала, что рано или поздно он меня всё-таки уговорит.

Поднявшись из-за стола, я подошла к камину и остановилась возле него, глядя, как оранжевые языки пламени лижут чёрные поленья, сложенные шатром, как дрожит внутри этого шатра жаркое марево. Не оборачиваясь, я слышала, как он подошёл ко мне и встал сбоку и чуть позади, так что я плечом ощущала его присутствие. Именно в этот миг я вдруг впервые поняла, что именно это ощущение стало для меня в последнее время самым приятным и комфортным.

— Странно, — проговорила я и коснулась пальцами каменного бордюра, окаймляющего арку камина. — Я ведь знаю тебя всего месяц, да ещё пару дней на Новой Луизиане...

— Зато я знаю тебя целую вечность, — произнёс он, коснувшись камня в нескольких сантиметрах от меня.

— Наверно... — пробормотала я. — Потому что мне тоже кажется, что я знаю тебя тысячу лет. Но я всё равно боюсь ошибиться.

— Не надо ничего бояться, — его пальцы скользнули по бордюру и коснулись моих. — В этом нет ничего фатального. Просто прислушайся к своему сердцу и поверь ему.

— А если оно скажет «нет»?

— Я попробую это пережить.

Я обернулась и взглянула на него. Его глаза были чуть выше моих и он серьёзно и немного печально смотрел на меня. Потом улыбка едва коснулась его губ.

— Я совершенно уверен в том, что сделаю всё для того, чтоб ты была счастлива. Даже без меня.

— Послушай, — шепнула я, положив ладонь ему на грудь, там, где было сердце. — Давай не будем с этим торопиться.

— Давай, — чуть шевельнулись его губы, и он склонился ко мне.

«Только этого не хватало...» — подумала я и потянулась ему навстречу. «Не надо», — предостерегающе звякнуло где-то в голове, и в этот момент, как нельзя кстати, зазвонил телефон.

— Извини, — вздохнул он и отправился к аппарату.

Я с трудом перевела дух. Мне с ним, конечно, неплохо, но слишком часто у меня возникает подозрение, что я чётким строевым шагом топаю в силки, умело расставленные для моей наивной души. И мне совсем не хочется сворачивать. Хотя, честно говоря, не хочется и торопиться.

Джулиан тем временем снял трубку и спустя мгновение тоскливо закатил свои красивые глаза к потолку.

— Да, мадам Фуше, я слушаю вас внимательно. Нет-нет... Я не спал, — и он с безнадёжным видом упал в кресло.

По всему было видно, что разговор затянется. Я окинула взглядом гостиную в поисках занятия, но ничего интересного не увидела. Самым интересным был сам Джулиан. Но потом мой взгляд упал на дубовую лестницу, ведущую на второй этаж. Я уже знала, что там располагались две спальни и большой кабинет, он же библиотека. А ещё выше — предмет моего давнего интереса — лаборатория, куда мне было категорически запрещено подниматься в одиночку. Между прочим, в экскурсиях мне тоже было отказано вежливо, но твёрдо.

— Мадам Фуше, — голос Джулиана прозвучал резко. — Я уже неоднократно говорил вам, что принимать этот препарат во время курса лечения нельзя. Он сведёт на нет все наши усилия... Я понимаю, что больно, но я же рекомендовал вам прикладывать лёд к лодыжкам. Это должно было помочь...

В пылу разговора он отвернулся в другую сторону. Я тут же рванула к лестнице и, уже поднимаясь по ступеням, услышала:

— Доктор Меер — хороший врач, но наши методы лечения несовместимы. Определите, чего вы хотите, и следуйте рекомендациям лечащего врача, а не... Лора, не ходи туда! Это я не вам.

Я взбежала на второй этаж и тут же направилась на третий. Снизу слышался голос Джулиана, который увещевал какую-то неуравновешенную бабульку. Поднимаясь по лестнице в полной темноте, я шарила по стене, надеясь нащупать выключатель. Тщетно, стена была совершенно гладкая, а ступеньки закончились, и теперь я стояла в темноте, пытаюсь разглядеть хоть что-нибудь вокруг. Голос Джулиана внизу смолк, и я услышала его быстрые шаги по лестнице. Спустя несколько секунд вспыхнул свет, десятков свечей на круглой деревянной люстре и два канделябра на большом длинном столе, как и положено столу алхимика, заставленном странными приборами, подозрительными сосудами и стопками тёмных, растрёпанных и засаленных книг. Связки трав источали свои ароматы, пахло свечным воском и ещё чем-то, похожим на серу. Черепов, сушёного крокодила и руки повешенного, к моей радости, не наблюдалось.

Джулиан стоял рядом со мной и задумчиво смотрел вокруг, потом перевёл взгляд на меня.

— И что ты надеялась тут увидеть?

— Именно это... — кивнула я и подошла к столу. Передо мной лежал потемневший от времени пергаментный свиток, а рядом — ступка с пестиком, в которой что-то серебрилось. — Что это за фокус со свечами?

— Это не фокус, — проворчал он, подходя. — Это физика и химия.

Я двинулась дальше. Моё внимание привлекло странное сооружение из колб, реторт и изогнутых стеклянных трубок. Потом я увидела небольшой столик, заставленный глиняной и медной посудой, возле которого на стене чернело пятно, словно здесь что-то взорвалось. На полке рядом в стеклянной банке плавала какая-то маленькая рептилия.

— Она живая?

— Шутишь?

Я поморщилась.

— А ты думаешь, что я здесь прячу что-то секретное? — уточнил он. — Алхимия, по нынешним временам, не слишком приятное занятие, в смысле используемых ингредиентов. Я просто щажу твои чувства.

— Крылышки летучих мышей, лягушачьи лапки, сушёные пауки?

— Это самое невинное. Показать?

Я вздрогнула и обернулась к нему. Достаточно было одного взгляда на его ледяные глаза и напряжённые скулы, чтоб понять, что он покажет.

— Не надо, — возразила я. — Не будем портить чудный вечер. Я уже ухожу.

Я с независимым видом двинулась к лестнице и вдруг замерла. Мой взгляд упал на плоский деревянный ящик, стоявший на верхней полке. На нём красовался-таки оскаленный череп.

— Это тот самый ящик? — уточнила я. С Новой Луизианы он улетал со спортивной сумкой, в которую ящик поместиться не мог. Тем не менее...

— Нет, нет, нет! — запротестовал он, увидев, что я вознамерилась стащить ящик вниз. — Лора, не надо!

— Это он, да?

Джулиан вздохнул и обречённо кивнул.

— Да.

— Сними его, я хочу посмотреть.

— Ты уже видела.

— Хочу ещё раз! Мои карты тоже там?

— Это мои карты.

— Ничего подобного! — возмущённо взвизгнула я и набрала побольше воздуха, чтоб выдать град аргументов на одном дыхании, не дав ему шанса перебить меня.

— Тихо, — попросил он. — Не надо шума, уже снимаю.

— Какой послушный! — похвалила я и направилась к лестнице. — Принеси вниз, там и посмотрим.

Через минуту мы уже сидели в креслах возле камина, а перед нами на столике стоял небольшой плоский деревянный ящик. Джулиан осторожно открыл его, и я увидела знакомую картину: небольшие ячейки, разделённые перегородками, а в них: нож с чёрной ручкой, на которой мерцали древние руны, две игральные кости и колода чистых чуть желтоватых пергаментных карт. Ячейка с бархатной подушечкой и щелью для кольца была по-прежнему пуста. Перстень с выточенным из опала грифоном маслянисто поблескивал на безымянном пальце левой руки Джулиана.

Я вытащила карты. Джулиан с мрачным видом наблюдал за мной. В прошлый раз карты показали весьма интересный расклад, предсказавший ход некоторых событий и отчасти сыгравший в них свою роль. Я с любопытством смотрела на чистый верхний лист, вспоминая, как на нём проступил необычный рисунок, который, впрочем, затем исчез, видимо, за ненадобностью.

В часах на камине что-то щёлкнуло, и по гостинной поплыл мелодичный звон серебряных колокольчиков. А на верхней карте вдруг появился силуэт человека в красном костюме с натянутым луком. На его маленькой шляпе средневекового фасона темнело пёстрое перо.

Я быстро положила карту на стол и взглянула на другую. На карте проступил ещё один рисунок. Это был волк, здоровый такой волчара, но без признаков чего-то сверхъестественного. Я положила эту карту рядом с первой, и на третьей карте появился уже знакомый рисунок: оборотень. Получеловек, полузверь.

Четвёртая карта осталась чистой. Я положила колоду обратно в ящик и посмотрела на выложенные передо мной три карты.

— Что это значит? — спросила я.

— Я вижу то же, что и ты, — ответил он. Магия — это единственная область, куда не распространяется его галантность. И на это у него есть причины.

— Охотник? — я ткнула пальцем в человека на первой карте, и перед глазами тут же встал образ высокого человека в ригорском плаще. — Почему в красном? Палач?

— Возможно.

— А это те, на кого он охотится? — я указала на волка и оборотня.

— Не исключено.

— В городе нет волков, а оборотень в прошлый раз олицетворял масунта.

— Карты могут иметь различное значение в разных раскладах. Правила этой игры нам пока неизвестны.

— И что?

Он с недоумением взглянул на меня.

— Ничего, — собрал карты, сунул их в ящик и закрыл крышку. — Переночуешь у меня? В спальне для гостей.

Я нерешительно смотрела на крышку ящика.

— Я встретила сегодня такого охотника. Или палача.

Джулиан тревожно взглянул на меня, и я рассказала ему о Хоке, умолчав, правда, об информации из базы данных Звёздной инспекции. Он слушал внимательно, не перебивая, и, когда я закончила, задумчиво кивнул.

— Похоже, что это он. Карты указывают на участников событий и ситуацию, но очень смутно. «Фалько» — это «ястреб» по-итальянски.

— Так же как «хок» — по-английски, — добавила я. — Он действительно мчался за Луисом, как ястреб на бреющем полёте, а в конце спикировал и едва не вцепился когтями. Он рождён быть охотником. Такие люди встречаются, но очень редко.

— Я знаю, — снова помрачнев, кивнул Джулиан. — Однако меня интересует, на кого он здесь собирается охотиться? И кто этот старый знакомый, которого он ищет?

Я пожала плечами.

— Думаю, что всё разъяснится. Я переночую у тебя, а утром, по дороге в госпиталь ты отвезёшь меня домой.

— Это не совсем по дороге, — всё ещё пребывая в задумчивости, проговорил он, но тут же очнулся, и на его губах заиграла виноватая, обезоруживающая улыбка. — Конечно, отвезу, но перед этим я подам тебе завтрак в постель. У меня есть настоящий бразильский кофе...

Моя светская жизнь была ключом. Следующий вечер я провела в уютном кабинете в одном из самых роскошных ночных клубов Луарвига «Чёрная роза» в компании двух ослепительных брюнетов, которые считались самыми завидными холостяками города. Последнее время, по слухам, оба они начали вызывать жгучее раздражение прекрасной половины высшего общества. Эдди Грандер, который был похож на прекрасного арабского принца из сказок «Тысяча и одной ночи», собирался в ближайшее время обвенчаться с единственной дочерью мэра. А Макс Делман, представлявший собой прочнейший сплав маршала Мюрата, лорда Байрона и Ричарда Чемберлена, вообще не интересовался слабым полом, предпочитая общество своего давнего друга, голубоглазого, рыжеволосого и изысканного, как лиса на манто миллиардерши, Терренса Лесли. Последний, кстати, тоже присутствовал на ужине и демонстративно скучал, развалившись в кресле возле камина.

— Итак, что мы имеем, — деловито произнёс Макс, освобождая перед собой место для блокнота.

— Ни черта... — вяло откликнулся Терренс.

Эдди бросил взгляд на часы.

— Ты куда-то спешишь? — нахмурился Макс.

— Не задавай глупых вопросов, — огрызнулся Эдди. Он всегда спешит, у него большой

бизнес, политические амбиции и масса дел на ниве благотворительности.

— Ближе к делу, — гавкнула я.

Между прочим, я тоже спешила. Вчерашний урок мне впрок не пошёл. Ещё утром я дала себе слово держать Джулиана на дистанции... хотя бы вытянутой руки. А теперь посматривала на часы, потому что вот-вот у него закончится дежурство в клинике миссии Ордена госпитальеров, и он приедет, чтоб забрать меня и увезти к себе.

— Можно подумать, это нужно мне, — попытался обидеться Макс, но в данной аудитории фокус не прошёл.

— Это нужно всем, — возразил Эдди раздражённо. Наверно, он единственный член Городского Совета, который всерьёз заботится о городе и его обитателях. — Но не забывай, что Плакальщиком занимается городская полиция, его ищут охотники за вознаграждением, его отслеживают уличные банды. Ваши группы масунтов — это капля в море развернувшейся тотальной охоты. И это ничего не даёт. Каждый день он убивает от трёх до пяти человек в разных районах города. Общественность кипит и давит на мэра. Он трясёт комиссара полиции и вечерами плачется мне в жилетку, прекрасно зная, что у меня есть выходы на уличные банды. Хулст использует ситуацию, чтоб обвинить власти города в неспособности защитить население, а Келх распространяет слухи, что за Плакальщиком стоит Хулст, которому выгодна дестабилизация положения в городе за полгода до выборов мэра.

— Не лишено смысла... — заметил из своего кресла Терренс.

— Лишено, — не согласился Эдди. — Просто два кита-убийцы снова сцепились, пытаюсь переделить сферы влияния. На них мне наплевать, но я не хочу, чтоб в моём городе действовал этот кровопийца.

— Мне кажется, в нём есть что-то сверхъестественное, — заметил Терренс.

Эдди свирепо взглянул на него.

— Неужели? — изумилась я. — Кто б мог подумать! Существо, которое шляется по городу в плаще с капюшоном, оставляя следы пары волчьих лап, чьи надрывные рыдания переходят в волчий вой, которое перегрызает людям горло и высасывает через рану их кровь... И вдруг сверхъестественное!

— Я это к тому, — проговорил рыжик, — что обычными методами его не взять. Нужен колдун или экзорцист. Это существо не берет пули, оно перемещается из одного конца города в другой за полчаса...

— А, может, их несколько? — предположил Макс.

— Прекрати, — взмолился Эдди, схватившись за сердце.

— Минимум полчаса между убийствами всё же есть, — напомнила я. — И этот временной промежуток тем больше, чем дальше происходит следующее убийство. Мы проверяли.

— Можно продолжить? — поинтересовался Терренс. — Я хочу вам втолковать, что обычными методами его ловят полиция и прочие профессионалы. А мы здесь работаем с другими целями, и нам доступны другие методы. Магию можно уничтожить с помощью магии. Вот чем нам нужно заниматься, а не бегать по городу с пушками. Таких бегунов и без нас хватает.

— Что ты предлагаешь, конкретно? — спросил Макс.

— Это существо имеет земное происхождение...

— Не факт, — перебила я.

— Но направить на Землю запрос мы можем?

— Направляли. Безрезультатно. Нам сообщили то, что мы уже знаем. В волков превращаются волколаки, они же вервольфы, они же оборотни. Кровь пьют исключительно вампиры, которые тоже иногда превращаются в волков, но при этом не носят плащи. И те, и другие известны из мифов и литературных произведений. Реальные случаи оборотничества и вампиризма, зафиксированные документально, при ближайшем рассмотрении оказывались мистификацией. А гибриды, вроде нашего Плакальщика, вообще науке не известны. Всё.

— Чёрт... — пробормотал Терренс.

— Есть что-нибудь, что знаем мы и не знают остальные? Какая-нибудь зацепка? — Эдди взглянул на Макса.

Тот покачал головой.

— Мы имеем в своём распоряжении все полицейские материалы и то, что появлялось в газетах. Наша аналитическая группа работает над ними, но мы ничего не можем выцедить. Он охотится в разных районах города, выпивает в день до сотни литров крови. Жертвы — одинокие прохожие обоих полов и из разных социальных групп, возрастом до сорока лет, все практически здоровы. Несколько раз он останавливал машины и вытаскивал из них водителей, дважды проникал в отдельно стоящие дома. Четыре раза его жертвами становились дети до четырнадцати лет, но, похоже, он предпочитает тех, в ком больше крови.

— И охотится он только ночью... — добавил Терренс. — А что он делает днём? Где прячется?

— Очень хороший вопрос... — устало согласился Эдди и снова взглянул на часы. — Придётся смириться с тем, что пока у нас явно недостаточно информации. И постараемся её добыть. А пока...

Его прервал звонок моего коммуникатора. Я достала его.

— Я уже еду, — прозвучал в трубке голос Джулиана. — Буду через четверть часа.

— Жду, — мурлыкнула я.

Все трое смотрели на меня.

— Доктор МакЛарен не теряет времени даром... — усмехнулся Эдди.

— Она сегодня не ночевала дома, — наябедничал Терренс.

Эдди вскинул бровь.

— Мне кажется, что это не ваше дело, — заявила я и встала. — Спасибо за прекрасный ужин.

— Пожалуйста, — кивнул Эдди. — Заходи ещё.

— Ладно, нам тоже пора, — вздохнул Макс. — А ужин, действительно, выше всех похвал.

Вышли мы вместе. Макс и Терренс собирались ехать домой в Чесстауэр, а Эдди вызвался охранять меня, пока не приедет Джулиан, поскольку я заявила, что буду ждать его на улице. Это было излишне. На центральной улице Старого Луарвига, где полно киберполицейских и живых агентов в штатском, мне ничего не угрожало. Но я чувствовала, что Эдди хочет поболтать со мной наедине, поделиться своими секретами на любовном фронте и выведать мои.

Для начала мы решили проводить наших друзей до машины, припаркованной на стоянке за ночным клубом. Мы уже подходили к ней, когда я вдруг замерла, прислушавшись. Мой тренированный слух сразу выделил из городского шума этот далекий звук: отчаянные

рыдания, переходящие в волчий вой. Мои спутники замерли, вытянувшись в струнку.

— Там! — крикнул Макс и рванулся в сторону.

Старый Луарвиг — это деловой и уважаемый район города. Только здесь вы найдёте широкие, ярко освещённые автомагистрали и сияющие небоскрёбы. Здесь днём и ночью кипит жизнь, но и тут есть небольшие тихие улочки между домами, тоже освещённые, но куда менее людные, чем центральные. Именно по одной из таких улочек и помчался Макс, выхватывая на бегу бластер из чёрной замшевой кобуры, упрятанной в складках модного плаща на шёлковой подкладке. Он опасался, что из машины не услышит вой оборотня, да и, судя по звуку, тот находился лишь в паре кварталов от нас.

Для светского льва Макс бежит довольно быстро. Так быстро, что, слегка замешкавшись в самом начале, мы уже не могли его догнать, и бежали следом, отстав метров на двадцать. Единственным оправданием для меня было вечернее платье и высокие каблуки. Уже на бегу я обратила внимание на некоторую странность: улица была совершенно пуста. Для Старого Луарвига это необычно. А затем я вспомнила, что одним из талантов Плакальщика было умение выбирать пустынные улицы.

Макс неожиданно свернул налево и пропал из виду. Тут же совсем близко раздался волчий вой, переходящий в рычание. Мы свернули за угол и увидели Макса, на которого сверху обрушилось что-то тёмное. Эдди и Терренс тут же навели на него бластеры.

— Не стреляйте! — крикнула я, максимально ускоряя бег. — Вы заденете Макса!

До тёмного плаща, накрывшего нашего друга, оставалось несколько метров, как вдруг он поднялся и одним прыжком взлетел на крышу подъезда ближайшего из домов, прихватив с собой Макса, обвисшего, как тряпичная кукла. Эдди и Терренс открыли стрельбу, монстр зарычал. Я видела плащ и капюшон, но под капюшоном не было ничего, и лазерные лучи не производили на него никакого впечатления.

И тут я увидела, как неизвестно откуда появился высокий человек в ригорском плаще. Взглянув вверх, он подбежал к стене слева от подъезда и мгновенно вскарабкался по ней, цепляясь за малейшие выступы. Такому способу скалолазания обучают в земном космодесанте.

В несколько секунд забравшись на крышу, он прыгнул на спину призрака. Тот яростно зарычал, дёрнулся, бросив Макса, перескочил на соседний балкон с витыми перилами, и начал карабкаться вверх, слишком быстро, чтоб его можно было догнать.

Макс рухнул с крыши подъезда на мостовую и застонал. Хок стоял на крыше и смотрел вверх, туда, где за карнизом только что скрылся Плакальщик. А оттуда послышались быстро удаляющиеся надрывные рыдания.

Мы бросились к Макссу.

— Нужно вызвать «скорую»...

— Я в порядке... — стиснув зубы от боли, простонал Макс.

Хок спрыгнул с крыши и легко приземлился, присев на корточки, потом подбежал к нам. Едва посмотрев на Макса, он бросил быстрый взгляд на меня.

— Нужен врач...

Я выхватила коммуникатор и нажала кнопку.

— Джулиан, где ты?

— Подъезжаю к «Чёрной розе», — отозвался он. — Что-то случилось?

— От стоянки за клубом направо и до первого поворота. Макс ранен.

Я выключила коммуникатор и присела рядом с Максом. Тот был бледен и сжимал

немеющими пальцами правой руки левое плечо. С его шеи, на которой темнели глубокие царапины, стекала кровь.

Эдди тоже убрал коммуникатор.

— Я вызвал полицию. Сейчас они будут здесь.

— Зачем? — нахмурился Терренс.

— Это покушение, совершённое разыскиваемым преступником. И Макс первый, кто вырвался живым из его когтей. Вашими заботами... — он внимательно посмотрел на Хока.

Тот кивнул и снова встревожено взглянул на Макса.

Небольшой полицейский автомобиль выскочил из-за поворота в тот момент, когда с другой стороны показался серебристый «Шевроле-ирбис» МакЛарена. Лихо взвизгнув шинами, шевроле остановился в нескольких метрах от нас. Джулиан выскочил из салона и, в два шага подскочив к Максусу, опустился рядом с ним на колени.

— Что здесь произошло? — раздалось с другой стороны. Из полицейской машины выбрался инспектор Мелис.

С противоположной стороны с кряхтением вылезал его напарник Билли Джо.

— А что вы здесь делаете? — нахмурилась я. — Или вас теперь отправляют патрулировать улицы?

— Мы расследуем дело Плакальщика, — сообщил Мелис, глядя на Макса и склонившегося над ним Джулиана. — Если вы читаете газеты, то вам должно быть это известно. Час назад в паре кварталов отсюда этот зверь загрыз девушку. Мы были там, когда нам сообщили, что он и тут что-то натворил.

— Час назад? — переспросил Эдди. — Он что проторчал целый час в этом районе?

— Видимо пытался попасть в ваш клуб, советник, — съязвил инспектор. — Узнал, что у вас нужно заказывать столик за месяц, и решил поужинать обычным способом. Кто жертва?

Он шагнул к Максусу. Тот застонал.

— Не подходить! — Джулиан поднялся и направился к машине. — Сначала я сделаю всё, что нужно, а потом посмотрим.

— Делман? — глаза полицейского округлились. — И он жив?

— Да, заботами этого джентльмена, — произнёс Эдди, переключая внимание полиции на Хока.

Пока Терренс и Эдди рассказывали инспектору, как было дело, а тот проверял документы Хока, я подошла к Джулиану, который уже вернулся к Максусу со своим чемоданчиком.

— Как он? — спросила я.

— Лучше, чем я думал, — ответил он, ловко бинтуя шею Макса. — Перелом левой ключицы и двух рёбер, небольшая компрессионная травма левого легкого и две глубокие царапины на шее. Можно даже обойтись без госпитализации.

— Может, всё-таки сделать рентген?

— Ты недооцениваешь мои способности, — вздохнул он и, приставив к запястью Макса инъекционный пистолет, нажал кнопку. Макс, который до этого лежал, как мёртвый, шевельнулся и открыл глаза. — Желаете поговорить с полицией, Делман, или я попрошу их не беспокоить вас до завтра? — спросил Джулиан.

Макс внимательно взглянул на него и глубоко вздохнул. Тут же на его лице появилась гримаса боли.

— Лёгкие и рёбра, Делман, — отчетливо повторил Джулиан. — Так что от глубоких

вздохов пока воздержитесь.

— Я поеду домой, — прошептал Макс.

— Хорошо, но я поеду с вами, наложу тугую повязку, сделаю необходимые инъекции и прослежу, чтоб вы немедленно легли в постель. Неделю придётся полежать... — Макс измученно застонал, — Ладно, уговорили. Если всё пойдёт нормально, то пару дней... — смягчился Джулиан.

Мелис тем временем подошёл к нам и присел рядом на корточки.

— Вы можете говорить, Делман?

— Я ввёл ему обезболивающее, — произнёс МакЛарен, — оно имеет слабый снотворный эффект. Вряд ли вы добьётесь от него вразумительных ответов. Приезжайте завтра утром, и он всё вам расскажет.

— В больницу?

— Нет, в Чесстауэр. Травмы средней тяжести и при соответствующем уходе мистер Делман вполне может отлежаться дома.

— Я приеду завтра, — сообщил мне Мелис. Он никак не мог понять, почему я до сих пор живу в одном доме с Максом, и его живо интересовало, что же нас связывает. — Господа, я прошу всех, кто присутствовал при нападении на мистера Делмана, быть завтра в десять утра в Чесстауэре. Мы оформим ваши показания должным образом.

Он поднялся и взглянул на Билли Джо, топтавшегося рядом.

— Проводи, мистера Фалько в машину, он поедет с нами. Его показания мы оформим...

Мелис замер, настороженно глядя на Хока. Я обернулась и увидела, что тот стоит, буквально впившись горящим взглядом в лицо Джулиана. Тот мрачно и неотрывно смотрел на него исподлобья. Я не успела подумать, что это может значить, как вдруг Хок сорвался с места и с рычанием бросился к Джулиану. Первым среагировал Билли Джо, выскочив ему навстречу. Охотник угодил в железные объятия чернокожего исполина, но рванулся так, что, казалось, вырвется в следующий момент. Тут же подскочил Терренс и навалился ему на плечи. Эдди, стоявший чуть в стороне от них, шагнул вперёд и, быстро наклонившись, вырвал из руки Хока кинжал с широким длинным лезвием.

— Зверь... — хрипел Хок, с бешеной злобой глядя на МакЛарена. — Ты думал, я тебя не узнаю?.. Я всё равно уничтожу тебя! Я раскрою твой череп и вырву твоё чёрное сердце! Ты заплатишься за всё, что сделал!.. Пустите!..

Я взглянула на Джулиана. Тот стоял совершенно спокойно и, слегка прищурившись, смотрел на незнакомца, вырывающегося из рук двух далеко не слабых мужчин.

— Это и есть твой охотник? — негромко, не отрывая взгляда от лица Хока, спросил он.

— Вы знаете его, доктор? — спросил Мелис.

— Впервые вижу, — ледяным тоном ответил Джулиан.

— А он вас, похоже, знает...

Джулиан перевёл взгляд на инспектора.

— Должно быть, он принял меня за кого-то другого.

Мелис внимательно посмотрел ему в глаза и кивнул.

— Очень может быть... — потом отстегнул от пояса наручники и направился к Хоку. — Мистер Фалько, в нашем городе угроза убийства является уголовно наказуемым преступлением. Вы арестованы по обвинению в том, что угрожали убить доктора МакЛарена. Если он поддержит обвинение, вы предстанете перед судом. Сейчас я зачитаю вам права...

— Не стоит... — хрипло выдохнул Хок. — Можете больше меня не держать. Я его не трону... В этот раз.

— Не усугубляйте своё положение, — произнёс Мелис и кивнул. Билли Джо и Терренс отпустили Хока, и тот, всё ещё тяжело дыша, протянул руки. Инспектор защёлкнул на его запястьях допотопные металлические браслеты. — Пойдёмте, мистер Фалько. Заодно расскажите нам, как вам удалось прогнать Плакальщика. И как вы вообще здесь оказались.

Инспектор протянул руку Эдди, который до сих пор держал в руках кинжал, но Хок вдруг произнёс:

— Отдайте кинжал леди... — и обернулся ко мне. — Сохраните его для меня.

Я кивнула. Эдди передал кинжал мне. Мелис сумрачно наблюдал за этой сценой.

— Это улика, — без особой надежды проговорил он.

— Нет, инспектор, — улыбнулся Грандер. — К тому же это не ваше дело. Занимайтесь Плакальщиком...

Его голос прозвучал спокойно, даже ласково, но при этом в нём слышалась некая угроза. Мелис вздохнул и направился к машине, куда Билли Джо уже подвёл Хока.

Терренс вызвал со стоянки машину Макса, и мы осторожно усадили его на заднее сидение. Рядом сел Эдди, а Терренс устроился за пультом.

— Мы едем следом, — проговорил Джулиан и пошёл к своей машине.

Я села в шевроле рядом с ним. Он завёл двигатель и поехал за чёрным мерседесом Макса.

Я включила в салоне свет и сидела, рассматривая кинжал. Это была старинная дага, широкий и крепкий клинок, оба лезвия и остриё которого были заточены. Удобная рукоятка из красного дерева легко ложилась в ладонь, и крепко удерживалась, поскольку с одной стороны движение ограничивала раздвоенная головка, а с другой — почти повторяющий её форму гард. Дерево рукоятки было украшено широкими полосами стали, хранящими на себе остатки стёршейся позолоты. На широком отполированном лезвии, с одной стороны были искусно выгравированы лев и медведь, а с другой была видна чуть отличающаяся по цвету надпись на латыни, протянувшаяся от гарда до самого острия.

— Серебряная насечка, — пробормотала я, пытаюсь прочесть написанное на клинке изречение.

— «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною», — подсказал наблюдавший за моими действиями Джулиан. — Двадцать второй псалом Давида «Господь — Пастырь мой».

— Не совсем обычно для швейцарской даги конца шестнадцатого века, — пробормотала я.

Он усмехнулся.

— Ты так хорошо разбираешься в оружии?

— Мой второй муж был экспертом по этой части, — пояснила я. — Ну и мне было интересно. Видишь, лев и медведь — символы Швейцарии. Это обычный боевой кинжал швейцарского пехотинца. Только надпись...

— Возможно, он был сделан на заказ, а может надпись выгравировали позже... Чтоб увеличить убойную силу оружия.

— Оружия против кого? — нахмурилась я.

— Видимо, против того, кто боится серебра и молитвы.

Я раскрыла сумку и задумчиво заглянула в неё. Такой острый клинок при малейшем движении разрежет и подкладку, и кожу, да и не влезет кинжал в сумку. Джулиан молча открыл бардачок и вынул оттуда толстый медицинский журнал. Я вложила кинжал лезвием между страниц. Положив его на заднее сидение, я снова взглянула на Джулиана.

— Ты знаешь этого человека?

Он пожал плечами.

— Я же сказал, что впервые его вижу.

— Это ответ на другой вопрос, — покачала головой я. — Я спросила, знаешь ли ты этого человека?

— Я с ним не знаком.

Он покосился на меня. Я пристально смотрела на него.

— Не крути и отвечай на тот вопрос, который я задала.

— Я никогда с ним не встречался.

— Ты нет, а... демон?

Он нахмурился.

— Ты сам вынуждаешь меня вытягивать из тебя это. Хочешь, чтоб я поставила вопрос более конкретно?

— Не надо, — мрачно отозвался он, глядя перед собой на мчащуюся под колёса автомобиля дорогу. — Трижды он пытался убить демона Кратегуса, и все три раза был побеждён. В 1597 году в Лиссабоне он, будучи французским рыцарем, погиб под стенами обрушившейся на него часовни. В 1873 году в Лондоне он был растерзан на куски, как английский моряк, его сердце было пожрано демоном. В 2008 году в Чикаго он был сожжён до состояния пепла. Кажется, в тот раз он являлся новозеландским каскадёром...

— Ты шутишь? — изумленно воскликнула я.

— Нет.

— Но как это может быть?

Джулиан посмотрел на меня и пожал плечами.

— Честно говоря, никогда не интересовался.

Я откинулась на спинку сидения, тупо наблюдая, как мимо проносятся городские улицы. Время от времени я поглядывала на Джулиана. Нет, он, скорее всего, говорит правду, но если так, то... Это всё равно невероятно.

Тем временем мы доехали до Чесстауэра. Джулиан проследил, чтоб Макса выгрузили из машины со всеми предосторожностями, потом проводил его до спальни и наложил ему тугую повязку. Однако неутомимый Макс уже пришёл в себя и потребовал собрать военный совет прямо в своей опочивальне, в которой, правда, без труда могла разместиться Палата Лордов в полном составе.

— Я хочу знать, что вы видели, — сурово сообщил он, окинув собравшихся огненным взглядом.

Терренс вопросительно взглянул на МакЛарена, присевшего на край огромной кровати, застеленной чёрным бельём.

— Состояние мистера Делмана не вызывает у меня серьёзных опасений, так что разговоры ему вряд ли могут повредить, — ответил тот.

— Ладно, — вздохнул Терренс. — Я видел, как на тебя упала большая, чёрная тряпка, потом она взлетела на этот чёртов козырёк, прихватив тебя с собой. Под тряпкой я ничего не видел. Стрелял в упор и точно попал, но это не помогло. А потом появился этот парень,

взобрался на козырёк и схватил эту тварь. Она взвыла и убралась. Всё.

Макс перевёл взгляд на Эдди.

— Я видел то же самое, — кивнул тот. — Плащ с опущенным на лицо капюшоном, который явно был на ком-то, но, как я ни вглядывался, того, кто в нём, я не увидел, — он на мгновение задумался. — Только мне показалось, что это существо не ожидало нападения и испугалось, когда Хок набросился на него.

— Испугалось? — переспросил Джулиан, нахмурившись. — Это точно?

— Судя по тому, как он расправился с Максом, он без труда мог справиться и с двумя, — проговорила я, припоминая то, что произошло меньше часа назад. — Мне даже показалось, что сначала он разозлился, оттого, что ему помешали. Он бы запросто перегрыз Максу горло у нас на глазах. Он был в ярости, попытался сопротивляться, но потом вдруг вырвался и удрал... Да, возможно, он испугался.

— А вы что помните? — Джулиан обернулся к Максусу.

— Боюсь, что ничего. Я бежал на крик, потом услышал над собой рычание, и меня накрыла какая-то чёрная тряпка. И всё. Я очнулся уже на мостовой с ощущением, что по мне проехал танк.

— Значит, он каким-то образом приводит жертву в бессознательное состояние.

— Постойте, — остановил его Эдди. — Что же получается, пули и лазер Плакальщика не берут, но он удирает, когда его хватают буквально голыми руками?

— Да, это странно, — согласился Джулиан. — Но прошу вас при случае не пытаться повторить этот фокус. Результат может быть совсем другим.

— Что вы имеете в виду?

— Сам не знаю, — он поднялся и взглянул на Макса. — Не вставайте. Завтра после утреннего приёма я вас навещу.

— МакЛарен, — Макс нерешительно взглянул на него, — у меня к вам просьба...

— Какая?

— Не поддерживайте обвинение против этого человека. Он спас мне жизнь.

— Но он собирается меня убить, — чуть усмехнувшись, напомнил Джулиан.

— Он просто перепутал вас с кем-то в темноте. Это ошибка, которая скоро разъяснится.

— Не думаю, — покачал головой Эдди. — Он был настроен вполне решительно. Учитывая, что доктору приходится мотаться по городу в одиночку, а этот человек, скорее всего, профессиональный охотник. Могу предположить, что оставлять его на свободе небезопасно.

— Вряд ли он решится напасть после открытых угроз, — возразил Терренс. — Если с МакЛареном что-то случится, подозрение сразу же падёт на него.

— Сомневаюсь, что последствия имеют для него какое-то значение, — заметила я.

Джулиан задумчиво взглянул на меня, потом на Макса. Тот умоляюще смотрел на него:

— Я в меньшинстве, но я прошу вас, МакЛарен. Если вы выполните мою просьбу, то обещаю, что сделаю всё, чтоб оградить вас от этой опасности.

— Вы человек чести, Делман, — негромко проговорил Джулиан. — Он, скорее всего, тоже. Вряд ли он попытается напасть со спины, а встретившись с ним лицом к лицу, я попытаюсь разъяснить ему его ошибку. Я не стану поддерживать обвинение.

Макс благодарно улыбнулся и закрыл глаза.

— Ему нужно поспать, — произнёс Джулиан. — Будет лучше, если он проспит до утра. Действия обезболивающего должно хватить.

Мы вышли из спальни Макса. Эдди подошёл к МакЛарену.

— Вы очень неосторожны, доктор, — проговорил он. — Мне показалось, что этот человек очень хорошо рассмотрел вас, и именно вы являетесь предметом его ненависти. Вряд ли его можно смягчить словами.

— Может быть, вы и правы, — дипломатично улыбнулся тот. — Но я подумал о том, что пока он единственный, кто смог напугать Плакальщика. На свободе от него будет больше пользы, чем в тюрьме. Подумайте над этим. А о себе я сам позабочусь, — он чуть склонил голову в поклоне и обернулся ко мне. — Сегодня тебе лучше остаться дома. Увидимся завтра.

Он улыбнулся и ушёл. Терренс растерянно смотрел ему вслед.

— Он знает этого парня или нет?

— Главное, что этот парень знает его... — хмуро ответил Эдди.

Мелис приехал на следующий день ровно в десять. Для представителя одной из коренных рас Киоты он слишком сильно напоминал землянина, чем вызывал мой живой интерес. Я всегда с любопытством наблюдала за ним и, честно говоря, он был мне довольно симпатичен, хоть сам выносил меня с трудом, как впрочем, всех членов нашего загадочного аристократического кружка. Его раздражало то, что чаще всего мы почему-то попадаемся ему на глаза на местах самых кровавых преступлений. И он уже начал подозревать, что дело не в том, что мы пресытились своей богемной жизнью, и нас потянуло на острые ощущения.

Вот и теперь он дотошно выпрашивал у нас, включив свою видеокамеру, как мы оказались на той пустынной улочке. На сей раз, у нас не было никаких причин изворачиваться, и он узнал об ужине в «Чёрной розе», моей договорённости с Джулианом о встрече, намерении Эдди скрасить моё одиночество и, наконец, о том, что мы слышали те самые звуки, что и побудило нас броситься на поиски существа, их издававшего.

— Вы всерьёз намеревались поймать его? — поинтересовался Мелис, выключая камеру и убирая видеокристалл в исцарапанный прозрачный футляр.

— Или убить, — невозмутимо ответил Макс, удобно расположившийся в своей огромной постели в окружении шёлковых подушек. По настоянию хозяина дома, опрос свидетелей производился в его спальне.

Мелис хмыкнул. Эдди, стоявший с чашкой кофе у камина, усмехнулся:

— Мы всецело доверяем нашей доблестной полиции, инспектор, и всё же в душе каждого обывателя сейчас зреет подозрение, что вы не можете поймать этого монстра, потому что делаете что-то не так. Вот мы и решили попробовать сами.

— Да, — кивнул Мелис, — и у вас почти получилось.

— В самом деле? — нахмурился Терренс.

Инспектор задумчиво взглянул на него.

— Мы допросили мистера Фалько. Его показания сходятся с вашими. Затем мы выяснили, что на улице, где всё произошло, имеются камеры видеонаблюдения. Сегодня утром эксперт проанализировал запись и пришёл к выводу, что Плакальщик, после того, как мистер Фалько схватил его, внезапно впал в панику, вырвался и убежал. Значит, Плакальщика можно застать расплох и схватить. И он всё-таки чего-то боится.

— Вы действительно верите, что Фалько мог удержать его? — скептически поинтересовался Эдди.

— А вы как думаете, мистер Лесли? — Мелис обернулся к Терренсу, — Ведь это вы

держали его вчера.

Тот пожал плечами.

— Может, и мог бы... Мне показалось, что этот парень сделан из тиртанской стали, и внутри у него двигательная система боевого андроида.

— Не думала, что боевого андроида можно удержать вдвоём, — заметила я с вежливой улыбкой.

— Если б это продолжалось немного дольше, мы бы его не удержали.

— Самое интересное, — проговорил Мелис, — что он примерно то же сказал про Плакальщика. Когда он его схватил, ему показалось, что под плащом скрывается андроид, сделанный из металла, холодного и твёрдого. Как, по-вашему, мистер Делман, это может быть робот?

— Который собирает в свои резервуары человеческую кровь? — усмехнулся Макс. — Не думаю. Твёрдым может быть не только металл, но и плотные мускулы. Вам известно, что этот феномен встречается у многих рас, населяющих наш район Галактики: у ригорцев, ормийцев и у землян, особенно у тех, что имеют специальную подготовку для работы в космосе. Как правило, эти люди отличаются огромной физической силой. А низкая температура тела, по некоторым сведениям, часто вызывается нарушением обмена веществ в организме, и является одним из симптомов врождённого вампиризма, что, кстати, вполне соответствует потребности пить чужую кровь.

— Пожалуй, вы правы, — задумчиво кивнул Мелис. — Но мы всё-таки проверим эту версию. А теперь позвольте мне снять с вашей шеи повязку, чтоб сфотографировать раны. Это необходимо для следствия.

Макс поморщился и посмотрел на часы.

— Если вы подождёте ещё четверть часа, то приедет доктор МакЛарен. Он сделает перевязку, и вы заодно произведёте все эти процедуры.

— Хорошо, — сразу же согласился Мелис. — Кстати, — он с задумчивым видом прошёлся по толстому чёрному ковру и остановился у окна, — доктор не говорил кому-нибудь из вас, что он думает о поведении мистера Фалько?

— Доктор вообще ничего никогда и никому не говорит просто так, — усмехнулся Эдди. — Он загадочная личность и ревностно хранит свои секреты. Возможно, это одна из граней хорошо продуманного имиджа. А что сказал сам мистер Фалько?

— Ничего, — Мелис повернулся к нам. — Он сказал, что это личное дело. Увещевания и уговоры ни к чему не привели. Пока не подтверждено обвинение, допрашивать его по этому поводу мы не вправе. А доктор ещё ночью сообщил, что отказывается от поддержания обвинения, и у нас не было причин задерживать мистера Фалько дольше.

— Вы отпустили его ещё ночью? — насторожился Эдди. — Вы уверены, что он не отправился прямо на Ридженс-стрит, в гости к доктору?

— Он отправился спать, — усмехнулся Мелис. — Я вынужден был доложить об инциденте комиссару, и тот приказал установить за ним слежку. Доктор МакЛарен слишком заметная личность в городе, у него много высокопоставленных пациентов, в том числе и тесть начальника полиции. Нам не простят его убийства.

— Мудро, — кивнула я. — Только боюсь, что следить вы за ним сможете только, пока он на это согласен.

— У нас прекрасные специалисты, — слегка обиделся Мелис.

— А что за человек этот Родольфо Фалько? — спросил Эдди. — И как он оказался в том

месте в то самое время?

— А он живёт неподалёку, — как ни в чём не бывало ответил Мелис. — В отеле «Плаза».

— В отеле «Плаза»? — изумлённо переспросил Терренс. — Вы не ошиблись?

— Нет, он снимает там номер, не апартаменты, но вполне приличный. Платит с платиновой карты «ГалактБанка». Кстати, и спать он отправился именно в свой номер.

— Занятно, — усмехнулся Терренс. — Уж не имеем ли мы дело с принцем крови, путешествующим инкогнито? Хотя на вид не скажешь.

— Да нет, — задумчиво проговорил Эдди, — вчера я хорошо его разглядел. Это человек бывалый, но явно предпочитающий комфорт. И костюм его, хоть и функционален, но сшит на заказ из очень хороших натуральных материалов. Вы ведь тоже заметили это, не так ли, инспектор? Этим объясняется ваше осторожное и неизменно почтительное «мистер» перед его именем? В вашем исполнении это просто режет слух.

— Если б не его платиновая карта, он бы уже в первый день пребывания в городе оказался за решёткой, — сокрушённо признался Мелис. — Но постояльцев отеля «Плаза» трогать руками весьма рискованно. Даже опасно... для карьеры.

— Вы знаете, кто он? — спросил Макс.

— Командор третьего класса Объединённого космического флота Земли в отставке.

— Это многое объясняет... — пробормотал Эдди, — И платиновую карту, и костюм, и хорошую физическую форму. Только не объясняет, что он тут делает.

— Путешествует, — с готовностью ответил инспектор.

По его тону можно было понять, что его такое объяснение не устраивает. Не устроило оно и Эдди.

— Но при чём здесь МакЛарен? Он никогда не был на Земле.

— А где, кстати, он был? — поинтересовался Мелис. — Я, например, не имею сведений о его жизни далее чем за два года до прибытия сюда.

— Я тоже, — кивнул Эдди. — Но я знаю, что на Земле он не бывал.

— Может, какие-нибудь незаконные эксперименты над разумными существами, заказное убийство или некорректное поведение во время эпидемии... свидетелем чего мог стать мистер Фалько.

Эдди пристально посмотрел в глаза инспектору, но тот остался совершенно невозмутим.

— Доктор МакЛарен, — доложил Кинг.

Через полчаса, закончив необходимые следственные процедуры с шеей Макса, Мелис, наконец, убрался. Джулиан осмотрел раны и снова наложил повязку.

— Инспектор что-нибудь рассказал? — поинтересовался он между делом.

— Кое-что, — кивнул Эдди. — Но он так и не смог выяснить, почему мистер Фалько пытался вас убить.

— Зовите его Хоком, — чуть заметно улыбнулся Джулиан.

— Почему?

— Его всегда так звали.

— Значит, вы с ним знакомы?

— Нет... Готово, Делман. Ещё день покоя и вы сможете встать, — он поднялся и обернулся ко мне. — У меня есть час свободного времени. Может, пообедаем в городе? Заодно расскажешь мне, что выболтал этот бешеный ферг.

— Звучит, как «гигантская чихуа-хуа», — рассмеялась я. — Поедем в ту маленькую пиццерию в конце авеню Пари.

— «Маргарита», кажется... — улыбнулся Джулиан. — Поехали.

— Минутку, Лора, — задержал меня Макс. — Командор третьего класса — это высокое звание на Земле?

— Да, — кивнула я. — Старший офицерский состав. Обычно это звание имеют командир среднего звездолета или старший помощник командира на большом или очень большом звездолете, а что?

— Я просто думаю, — озабоченно признался Макс, — насколько уместно будет пригласить его в Чесстауэр.

— О, не сомневайся, Макси, — усмехнулся Эдди. — Мистер Родольфо Фалько, без сомнения, человек нашего круга.

Я заметила, как Джулиан метнул на него холодный острый взгляд, и мы вышли из спальни.

Через день Максу разрешено было встать с постели, с условием, что он проведёт остаток недели дома. Это не слишком огорчило его, поскольку он тут же решил устроить вечеринку в довольно узком кругу и разослал по ГИКСу изысканные приглашения трём десяткам представителей высшего общества. Я, кстати, тоже получила такое, сидя за компьютером. Учитывая, что я в этот момент находилась в своём кабинете в Чесстауэре, это послание слегка меня развеселило.

Впрочем, подчёркнутый снобизм Макса уже давно перестал меня забавлять, поскольку поводов для раздражения было больше. В полдень задумав устроить вечером светский раут, Макс способен к восьми часам создать такую обстановку, что появиться за пределами своих комнат не в вечернем платье и без безукоризненной укладки на голове было просто невозможно. Хотя, если честно, меня иногда подмывало надеть драные джинсы, растрепать волосы и вылететь в гостиную верхом на метле. Самое противное, что эффекта не будет. Вернее, он проявится на следующий день в сплетнях и светской хронике, а также в холодном презрении со стороны Макса. Между прочим, ещё неизвестно, в чём будет больше яда.

Короче, к восьми часам я скопировала причёску, изображённую на обложке последнего номера журнала мод, который мне доставляли из Парижа за бешеные деньги, надела облегающее платье из шёлка расцветки «а-ля снежный барс» с серебристым поясом, застегнула на шею алмазное кольцо — один из последних подарков Эдди, и сунула ноги в серебристые лодочки на высоком тонком каблуке из прозрачного пластика, имитирующего радужный хрусталь. Теперь, по крайней мере, я могла выйти из комнаты.

На минуту задумавшись над выбором духов, я спросила:

— Кинг, доктор МакЛарен приглашён?

— Конечно, — откликнулся вездесущий дворецкий. — Я проследил, чтоб он лично получил приглашение.

— Старый сводник... — проворчала я, останавливая свой выбор на «Королеве льда».

Кинг вежливо хихикнул. Он почему-то считает Джулиана более достойным моего внимания, чем Эдди Грандера, видимо, догадывается о его аристократическом происхождении. А может, как многие старики, относится с почтением к докторам.

Естественно, когда я вышла из своих апартаментов, всё вокруг сверкало, в мраморных вазонах благоухали розы, между прочим, искусственные, но жутко дорогие. Каминны были

затоплены, свечи зажжены, на столиках и подставках громоздились изысканные низкокалорийные закуски из натуральных продуктов и бокалы с коллекционными винами. Музыка Моцарта неслась по сияющим залам. «Да, — подумала я, — за два дня наш Макси, похоже, наскучался до одурения».

Получив наследство и не собираясь заводить потомство, он не видел смысла экономить. Терренс, кстати, тоже вносил свою лепту, пуская на ветер наследство любимой тетушки Мирры.

Постукивая каблуками по мраморным чёрным и белым плитам, я шла по широкой галерее мимо белоснежных колонн, когда увидела впереди высокого человека с идеально прямой осанкой и гордо вскинутой головой. Он был без ригорского плаща, и офицерская выправка выдавала его. Даже если б я видела его впервые, я сразу бы признала в нём кадрового звездолётчика Земли.

Подойдя ближе, я увидела, что его длинный волнистый хвост на затылке исчез. Теперь у него была модная стрижка, подчеркивающая идеальную форму головы. На нём был короткий матово-чёрный сюртук с серебряным галуном, белая рубашка со стоячим воротничком, кончики которого были загнуты, белый атласный галстук и чёрные брюки, заправленные в короткие сапожки с отворотами.

Мои каблуки стучали, как козьи копытца, поэтому не заметить меня он не мог. Оторвавшись от изучения статуи, изображавшей играющего на свирели фавна, он обернулся и тут же, словно фокусник, выхватил из-за спины белоснежную лилию с нежными лепестками и длинным тонким стеблем.

Склонившись ровно настолько, насколько требует этикет, который преподают в высших учебных заведениях Земли, он с улыбкой протянул мне цветок.

— Бесконечно счастлив видеть вас, прекрасная Лора. Ради этого стоило пролететь сотни световых лет.

— Благодарю, — кивнула я и взяла лилию. — Я тоже рада видеть вас, Хок. К тому же я должна вернуть вам ваше ужасное оружие.

— С этим можно не торопиться. Мне всё равно пока некуда его положить, а ходить с кинжалом в руках не совсем уместно в данной обстановке.

Обмениваясь подобными, ничего не значащими фразами, мы прошли в гостиную, где уже появились первые гости. Я сразу же заметила, какое неизгладимое впечатление Хок производил на собравшихся, особенно на дам. Да уж, Эдди не ошибся, причислив его к людям нашего круга.

Мы остановились у камина, и тут же рядом оказался Эдди с двумя бокалами шампанского в руках. Вручив бокалы нам, он снял ещё один с ближайшего подноса.

— Прекрасный вечер, дорогая, — произнёс он, словно я имела к этому безобразию какое-то отношение. — Позвольте поздравить вас, Хок, о вашем героическом и совершенно невероятном поступке знает весь город. Вы произвели впечатление.

— О чём вы говорите? — нахмурился тот.

— О том, как вы спасли от смерти Макса Делмана.

— Об этом уже знает весь город?

— Новости распространяются здесь быстро, как круги по воде. Вы недавно с Земли? — спросил Эдди, глядя на Хока с вежливым любопытством.

— С чего вы взяли?

— Ваш костюм. Сюртуки, стоячие воротнички и белые галстуки — это тенденция моды

текущего сезона, не так ли? Земля не считается у нас законодательницей мод, но мы следим за тем, что там носят.

Чуть кивнув, он улыбнулся и отошёл. Хок проводил его слегка озадаченным взглядом.

— Маленькая планета, мало развлечений, — прошептала я. — Наши джентльмены развлекаются, как могут.

— В том числе, отлавливая монстров?

— Но ведь это и ваш любимый вид спорта.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Вы очень напоминаете мне одну женщину из моего детства. Я всегда восхищался ею... Она была, также как вы, красива, отважна и... недостижима.

— Я кажусь вам такой недостижимой? — удивилась я, и у меня в голове вдруг возник дурацкий вопрос, а взяла бы я его к себе старпомом?

— Да, — подтвердил он. — Вы холодны и опасны, как Снежная Королева из старой сказки. Но я бы рискнул...

— Рискнули что?..

— Привлечь ваше внимание.

— Уже привлекли.

— Завоевать ваши симпатии.

— Считайте, что у вас это уже получилось.

— И занять место в вашем сердце.

— Ого... — вырвалось у меня, и я решила, что не взяла бы. — А если это место уже занято? Вы не думали об этом?

— Думал. И даже знаю кем. Но поверьте, он задержится возле вас ненадолго. Именно для этого я здесь.

Я покачала головой. Ну и парень... Истребительная эскадрилья «Буря и натиск». Смерть девкам! Узнаю Земной космофлот... Видимо, это и отразилось на моей физиономии.

— Итак, — усмехнулась я, — ваш старый знакомый — это доктор МакЛарен. Вы решили спровоцировать его и заодно приударить за мной?

— Верно, — согласился Хок. — Я здесь из-за него и мои намерения в отношении него не связаны с вами. Но к вам я испытываю искренние чувства. Увидев вас впервые в том тёмном дворе, я понял: эта женщина — воплощение моей юношеской мечты. И я дал себе слово, что найду вас, чего бы мне это не стоило.

— Отлично. А если я люблю его? И любое несчастье, которое может с ним случиться, разобьёт мне сердце?

— Вы не любите его, — возразил Хок. — Потому что его нельзя любить. Он может очаровать, заморочить, обмануть... Но это всё несерьёзно. Неужели вы не чувствуете, как он опасен?

— Чувствую, но всё же прошу вас отказаться от вашей затеи.

Он печально улыбнулся и покачал головой.

— Простите, не могу. Даже если это навсегда лишит меня надежды на вашу благосклонность.

— Как хотите, — вздохнула я. — Но будьте осторожны. Мне будет жаль, если какое-нибудь несчастье случится с вами... А вот и он.

Джулиан действительно появился в зале и направлялся к нам. Подойдя, он поцеловал меня в щёку.

— Прекрасно выглядишь, ангел. И эта лилия очень идёт к твоему платью, — случайно или нет, но он бросил в этот момент насмешливый взгляд на Хока. Тот прищурился.

— Как твои дела? — спросила я, заметив, что у него усталый вид.

— Как всегда, — ответил он. — И даже хуже. Сегодня какой-то обвал. Десятки простуженных, страдающих от зимней депрессии и ломоты в суставах пациентов. Они идут к нам, и им нужно не столько лечение, сколь участие и сострадание. Ужасное время... И хорошо, что Макс вытащил меня сюда, иначе я бы точно остался на ночное дежурство и к утру сам был бы похож на простывшего суслика.

— Ты не похож на суслика, — возразила я.

— Нет? — улыбнулся он. — Это обнадёживает. Пойду выпью чего-нибудь и не буду вам мешать.

Он снова ехидно взглянул на Хока и отошёл. Тот пристально смотрел ему вслед.

— Он очень уверен в себе.

— А, может, это не ваш знакомый? — предположила я.

— Он, — уверенно заявил Хок. — Я узнаю его в любом обличье.

— Может, расскажете мне, чем он заслужил вашу ненависть?

— Расскажу, — пообещал он. — Но не сегодня.

— Хок! — раздался у меня за спиной голос Терренса. Он налетел голубым смерчем и тут же обнял моего собеседника за плечи. — Идёмте, идёмте! Я представлю вас гостям. Мэр желает познакомиться с вами!

Подмигнув мне, рыжик увлёк охотника за нечистью за собой. Я усмехнулась и пошла искать Джулиана. Тот сидел в небольшой гостиной у камина и пил глинтвейн. Не думаю, что этот напиток предлагали гостям. Наверняка, Кинг расстарался для своего любимчика.

— Ну, как Хок? — спросил он. — Обаяшка, правда?

— На ходу подмётки рвёт, — кивнула я, присаживаясь рядом. — Уже почти объяснился мне в любви.

— У него хороший вкус.

— Ты серьёзно?

— Если он тебе нравится, то я не против. Хороший парень, вполне надёжный спутник жизни, — он посмотрел на меня и пожал плечами. — Для меня главное, чтоб ты была счастлива.

— Понятно, — пробормотала я, хотя ничего не поняла. — Между прочим, одной из причин его стремительной эскапады было намерение спровоцировать тебя.

— И он честно тебе в этом признался. Очень на него похоже...

— Ещё вчера ты утверждал, что не знаком с ним.

— Я порылся в памяти и нашёл. Он превосходный противник. Но не мой...

— Что это значит?

Он улыбнулся:

— Извини, я сегодня несу всякую чушь. Устал, как собака. Из-за резкого похолодания и порывистого ветра увеличилось количество пациентов. Госпиталь миссии переполнен. В основном старики и дети... У меня просто нет сил что-то выдумывать, а говорить правду я не хочу. Так что постарайся не мучить меня сегодня. Ладно?

В его тёмных глазах появилось жалобное выражение.

— Если хочешь, пойдём ко мне, — шепнула я. — Пошлём всех к чёрту и проведём вечер вдвоём. Но для разнообразия, у моего камина.

— Заманчиво... — с сожалением вздохнул он. — Но я не могу упустить такой случай.

Хок под одной крышей со мной... Нам всё равно придётся расставить все точки над «i».

— Ты объяснишь ему всё?

— Он не поверит. Он готов ко всему, кроме правды. Возможно, мне даже придётся с ним драться.

— Но ты не убьёшь его?

— Надеюсь, что нет.

— Джулиан... — умоляюще протянула я.

Он устало посмотрел на меня.

— А он, действительно, тебе понравился.

Уже за полночь гости начали расходиться, но в Хока Макс вцепился мёртвой хваткой. Ему совершенно необходимо было знать все подробности своего спасения, а также максимум информации о спасителе. Иногда такое случается, не чаще раза в столетие, но бывает. Хок, впрочем, тоже не торопился покинуть наш гостеприимный кров, время от времени поглядывая на меня. Джулиан держался от него в стороне, но постоянно где-то поблизости.

Наконец, в небольшом уютном зале, где в застеклённых витринах красовались изумительные комплекты золотых шахмат, осталось всего несколько человек: Макс, Терренс, Эдди Грандер, Хок и я. У окна стоял Джулиан с чрезвычайно утомлённым видом. Я решила, что сегодня оставлю его ночевать в одной из своих пустующих белых спален.

— Что вы думаете о Плакальщике? — поинтересовался Макс, предлагая Хоку сигару.

Тот вежливо отказался. Забота о здоровье у этих ребят в крови.

— Мне трудно сказать. Всё было слишком быстро, — ответил он. — Я только почувствовал под тканью что-то твёрдое и холодное.

— Это мог быть робот?

— Не думаю. Я чувствовал что-то, что позволяет сказать, что это было существо, а не вещество.

— Живое?

Он покачал головой.

— Не совсем... От него исходила какая-то энергия, от которой пощипывало пальцы.

Я обернулась и посмотрела на Джулиана. Тот кивнул.

— На что это было похоже? — спросила я. — Вы когда-нибудь сталкивались с подобным ощущением?

— Давно, — задумчиво проговорил он, — Я тогда служил в космодесанте и попал на небольшую планету, которая называлась Олдена. Там живут переселенцы с Земли, уже несколько поколений. Живут бедно, не знаю, что их держит там. Мы привезли тогда попутный гуманитарный груз с Земли. В селении, которое находилось рядом с взлётно-посадочным полем, происходило что-то страшное. Люди боялись выходить из домов даже днём. Мы с моим товарищем расспросили хозяина таверны, и он рассказал, что по городу ходит убийца. Его все боятся, потому что он убивает прикосновением руки. Мы пошли искать его и нашли. Грязный такой старик, косматый и злобный. Он успел коснуться моего друга и тот упал, а мне как-то удалось повалить его на землю и связать. Вот когда я к нему прикасался, у меня было такое же чувство... Что-то тёмное и страшное.

— А чем кончилась история? — поинтересовался от окна Джулиан.

Хок посмотрел на него.

— Мой друг очнулся через пару часов, а старика я передал местному старосте. Но ночью его кто-то зарезал прямо в темнице.

— Жестокие нравы... — сокрушённо вздохнул Джулиан. — Итак, вы столкнулись с колдуном? Тёмным магом? И в этот раз вы почувствовали то же самое?

— Это исчадьё Тьмы, — не отводя от него глаз, заявил Хок.

Джулиан опустил голову и взглянул на него исподлобья со странной улыбкой.

— У вас ведь особое чутьё на исчадьё Тьмы? Поэтому вы и покинули Землю? Там для вас нет работы?

— Возможно.

— Так кто же это может быть? — спросил Эдди. — У вас есть какие-то догадки, Хок?

— Нет.

— Тем не менее, он вас испугался. Именно вас.

— У меня нет этому объяснения.

— Змеи гремучей страшно жало, но нет спасенья от кинжала, — прозвучало от окна.

— О чём вы, доктор? — нахмурился Эдди.

Джулиан какое-то время молчал, потом пожал плечами.

— Пока не знаю, — наконец вздохнул он. — Скажу одно: пути Господни неисповедимы. И никто не может знать всего.

— Вы слишком заняты, доктор, — усмехнулся Терренс, — даже не читаете газет. А ведь в городе появилась прорицательница, которая утверждает, что знает всё.

— Кто такая?

— Очень красивая и экзотичная женщина неопределённого возраста в шёлковой чалме с пером и изумрудной брошкой. Знаменитая прорицательница Азми аль-Саах. У неё нет отбоя в клиентах мужского пола от восемнадцати до восьмидесяти лет. Эдди видел её, ходил к ней вместе с Элис.

— Это правда? — я взглянула на Грандера.

— Это была дурацкая затея, — ответил он, — но Элис меня уговорила. Эта хвалёная ворожея ничего толком не сказала и без конца пялилась на меня, а потом заявила, что нам угрожает опасность, но она может помочь.

— За дополнительную плату?

— Бесплатно, но, поскольку угроза исходит из моего прошлого, именно со мной необходимо работать. Долго, часто и без свидетелей.

— Она в тебя влюбилась, братец! — рассмеялся Терренс.

— Немного радости от такой любви, — отмахнулся тот и передёрнул плечами. — Знаю я таких. Их эликсир молодости течёт в жилах молодых любовников.

— А вы были бы прекрасной парой, — не унимался Терренс. — Живая иллюстрация к стихам Саади.

— Я помолвлен, если ты помнишь, — усмехнулся Эдди. — И заткнись, наконец.

— Ладно, уж и пошутить нельзя. Ещё скажи, что обидишься и не пригласишь меня на маскарад.

— Приходи, одним паяцем больше.

— Что за маскарад? — оживился Хок.

— Ежегодный маскарад по поводу Вальпургиевой ночи, — пояснил Эдди. — Не удивляйтесь. Здесь празднуют все праздники подряд, чем чуднее, тем лучше. Местной

публике явно не хватает развлечений. А мне что, если они оставят пару тысяч в моих клубках?

— Не прибедняйся! — воскликнул Терренс. — Опять, небось, готовишь что-то исключительное! Пригласи Хока, ему будет интересно.

— Действительно, — Эдди обернулся к Хоку. — Я надеюсь, вы будете на моём маскараде. Я пришлю вам приглашение. Единственное, о чём вам следует позаботиться, так это о маскарадном костюме... Я приглашаю всех, и вас, доктор. А в особенности тебя, дорогая, — он наклонился и поцеловал мою руку.

— Будьте любезны, Грандер, — неожиданно проговорил Джулиан, — пригласите эту прорицательницу Азми аль-Саах. Я слышал о ней от нескольких пациентов. Она действительно знает удивительные вещи.

— Уже пригласил, — проворчал Эдди. — Куда я мог деться? Она, как и вы, хит сезона. А у меня всегда всё лучшее. К тому же её деньги ничем не отличаются от других. Это вы пользуетесь привилегиями моих гостей. А остальные платят, — он посмотрел на часы. — Вы как хотите, а я поехал. Мне в пять вставать. Волка ноги кормят. Спокойной ночи.

И он ушёл. Хок проводил его взглядом и обернулся ко мне.

— А вы пойдёте туда?

— Конечно... и не одна, — я посмотрела на Джулиана.

— Не люблю маскарады, — неожиданно сообщил он. — К лицу лицо, лица не увидеть... Маски, маски, маски... А что за ними?

— Тайна... — усмехнулась я.

— Конечно, — улыбнулся он. — Прекрасное личико или звериный оскал.

— Да. Это лотерея, — согласилась я. — А ты не слишком азартный человек. А вы Хок?

— Я тоже предпочитаю встречать людей с открытым забралом.

— У вас есть что-то общее... — заметил Макс.

— Нет. Просто один из нас лжёт, — возразил Хок и, поднявшись, подошёл к Джулиану. — Странно, что ты заговорил о масках. Но эта, как и другие, не может меня обмануть. Я узнал тебя, и я намерен предъявить счёт. Ты готов его оплатить?

Джулиан какое-то время молча смотрел на него, а потом улыбнулся.

— Я не понимаю о чём вы, Хок.

— О том, что я здесь не ради Плакальщика.

Внезапно Джулиан изменился в лице и пробормотал:

— Конечно... Может, дело именно в этом?

— О чём вы, МакЛарен? — обернулся Макс, и вдруг ахнул, схватившись за левый бок.

— Ещё одно резкое движение, и я месяц продержу вас в постели, Делман! — крикнул Джулиан. Мне показалось, что он просто воспользовался неосторожностью Макса, чтоб переключить на него внимание. — Отправляйтесь спать! — приказал он. — Вы не настолько здоровы, чтоб проводить ночь на ногах. Проводите его, Лесли. Спокойной ночи, Хок.

Я вскочила.

— Будет лучше, если ты останешься ночевать здесь. Кинг приготовил комнату.

— Не сегодня, — улыбнулся Джулиан. — А комната... пригодится Хоку. Не тащиться же ему ночью через весь город.

Улыбнувшись мне, он стремительно вышел. Я почувствовала, что дико злюсь на него, и кинулась следом. Я догнала его на площадке лестницы и вцепилась в руку.

— Что это значит? — возмутилась я. — А если я в него влюблюсь?

— Нет, — шепнул он. — Потому что ты уже влюблена. В меня.

И чмокнув меня в щёку, он легко сбежал по ступеням. Я вернулась в гостиную. Хок с задумчивым видом стоял у камина.

— Мне тоже пора, — произнёс он, обернувшись мне навстречу. — Могу я попросить вас вернуть мне мой кинжал?

— Ума не приложу, куда я его сунула, — пробормотала я с глупым видом и зевнула. — Но к утру обещаю вспомнить. Кинг укажет вам вашу комнату. Следуйте за белым кроликом.

И развернувшись, я зацокала каблуками в свою комнату. Уже входя в неё, я услышала из-под журнального столика обиженный скрип Кинга:

— Как, по-вашему, я покажу ему кролика?

Не знаю, что мне взбрело в голову оставлять Хока на ночь в Чесстауэре. Наверно, меня заинтриговали слова Джулиана о том, что он трижды бился с Кратегусом и был убит. Разве не интересно, как это он умудрился пережить три смерти и объявиться тут во всём блеске боевой славы? Хотя, вполне вероятно, что мне было спокойнее, когда охотник за нечистью был подальше от Джулиана, особенно учитывая его намерения. При этом совершенно не исключено, что я сделала это в отместку Джулиану за его поступок. Этот мужчина без конца клянётся мне в вечной любви и безграничной преданности, что не мешает ему вести свою игру, умело задевая в ней меня без моего на то ведома. По правде говоря, это мне начало надоедать ещё в самом начале нашего общения, а теперь просто бесило. И кроме всего прочего, Хок нравился мне. Не только благодаря своей внешности, но и ещё чем-то, от чего он казался мне ближе моих самых близких друзей здесь. На меня вдруг повеяло чем-то родным, в голове закружились ностальгические воспоминания о лихой космофлотовской юности, когда всё было так ясно, так интересно и так здорово!

Скорее всего, все эти причины, а, может, и ещё какие-то, засевшие в моём подсознании, заставили меня оставить этого человека в моих беломраморных покоях. К моей радости, с утра Макс не пригласил меня к завтраку в свои апартаменты. При этом мне было немного стыдно за эту радость, поскольку это значило только одно: Максиму пришлось остаться утром в постели, а, значит, его самочувствие после вчерашнего раута несколько ухудшилось.

Так или иначе, я могла пригласить своего гостя к завтраку в белый зал с высокими колоннами, где журчали струи фонтанов и в листве апельсиновых кустов щебетали пёстрые пенелопские колибри, которые всю жизнь живут на одном дереве и любят подпевать звукам гитары.

Кинг расстарался и накрыл стол возле небольшого овального бассейна, в котором плавали радужные китайские вуалехвосты, подаренные мне неделю назад четой Торранс. Пахло весной и морем. Благодаря подсветке, установленной на окнах, и световым панелям, казалось, что зал заливают лучи утреннего солнца, хотя на улице опять было хмуро и ветрено.

Хок явился по приглашению точно в указанный час, ни минутой раньше или позже. Он не стал завязывать галстук и застегивать на все пуговицы сюртук, но и без того выглядел вполне импозантно. Естественно, на него не произвели впечатления все эти чудеса искусственного микроклимата. С какой стати, если на Земле такими штуками теперь оснащаются все звездолёты, предназначенные для полетов длительностью свыше трёх дней? Беззвучно ступая по мозаичному полу, он подошёл к столу и окинул взглядом сервировку.

— Сразу видно, что вы выросли на Земле, Лора, — произнёс он, с улыбкой глядя на меня. — Слегка подсушенные тосты, свежий овечий сыр, мёд и тропические фрукты.

Сбалансированная диета для деловых и энергичных... А кофе, конечно, арабика и без кофеина.

— С кофеином, — усмехнулась я, — потому что я уже не на Земле.

Он сел напротив и, пожелав мне приятного аппетита, принялся за завтрак. Спустя несколько минут, с любопытством взглянув на меня, он поинтересовался:

— Почему вы улетели с Земли?

— Мне стало там скучно, — пожалала плечами я. — А вы?

— Скучно? — с некоторым недоумением переспросил он. — А что вы там делали?

— Сперва ответьте на мой вопрос, — проговорила я.

Он слегка задумался, потом нерешительно покачал головой.

— Не могу. Вы просто не поверите.

— А вы попробуйте.

Он взглянул мне в глаза, с минуту поразмышлял и снова покачал головой.

— Может, в следующий раз. Это очень сложно. Я сам ещё не до конца понял, как это случилось. К тому же, вы меня смущаете.

— Неужели? — изумилась я. — Я снова похожа на Снежную Королеву?

— Нет, — улыбнулся он. — Но сегодня вы ещё больше похожи на ту женщину. Помните, я говорил вам вчера? Её называли Богиней, и я не уверен, что это была шутка... Она и была богиней, прекрасной, гордой, неприступной, проносившейся по небу в огненной колеснице. Её портреты не сходили со страниц газет и журналов, её показывали по телевидению, и у меня в комнате висел плакат с её голографией на фоне серебряного корабля и надписью «Навстречу звёздам!» Я был безумно влюблён в неё и даже ездил в Москву в Высшую академию космоплавания и космонавигации, где она читала лекции по теории пилотажа, чтоб только увидеть её издалека.

— Видели?

Он кивнул.

— Издалека. Вы похожи на неё, Лора.

— А, может, я и есть она?

Он наклонил голову, внимательно глядя мне в лицо, потом со смущённой усмешкой, но куда более решительно, чем раньше, покачал головой.

— Нет. Что ей делать здесь? Она умчалась к звёздам. Туда, к ядру Галактики, чтоб светить ещё ярче.

— Вы романтик, — заметила я, наливая в чашки кофе. — У вашей богини, наверняка, были обычные человеческие желания и проблемы.

— Я не думал об этом, — проговорил он. — Она для меня остаётся богиней... А вы живая, такая же красивая, гордая и загадочная. Но живая... Скажите, что связывает вас с ним? Это очень странно.

— Вы про Джулиана МакЛарена? — переспросила я. — Это давняя история.

— Расскажите?

— Нет, вы не поверите.

— А, может, попробуете?

— Это не только моя история. Я не вправе раскрывать его секреты.

Он вдруг напрягся и его глаза гневно блеснули.

— Я знаю эти секреты. Он бьёт на жалость, да? Стонет от тоски и одиночества? Что ему нужно от вас? Какую игру он ведёт?

— Оставьте его в покое, Хок, — совершенно неожиданно для себя устало попросила я. — Оставьте его мне. Каждому однажды надоедает одинокий полёт по небу на огненной колеснице. И с Олимпа можно незаметно для себя низвергнуться в ад. Но и в аду может найтись кто-то, кто готов отдать за тебя жизнь. Такими вещами не разбрасываются.

— Вот оно что, — кивнул он. — Всё ясно. Он спас вас один или два, может, несколько раз, и вы возомнили, что он готов отдать за вас жизнь? — он неожиданно рассмеялся холодным сухим смехом. — Он не может её отдать, даже если захочет!

— Главное, чтоб он хотел.

Хок вздохнул и печально взглянул на меня.

— Ради Звёзд, не обольщайтесь. Он лжёт. Он не способен любить. У него нет сердца... Послушайте, так или иначе, я встречу с ним один на один, и на этот раз у меня получится, я знаю. Потому что я стал сильнее. За моей спиной стоит такая мощь... Мне трудно это объяснить. Но потом... Лора, вернёмся на Землю вместе. Пожалуйста.

Он с мольбой взглянул на меня. Я покачала головой.

— Мы говорим на разных языках, Хок. Вы ничего не знаете обо мне, как, впрочем, и о нём. Мне бы не хотелось, чтоб вы рисковали жизнью, но если вы так решили... Надеюсь, вам повезёт. А потом возвращайтесь домой. Не дайте этой звёздной карусели закружить вас, потому что чем дальше, тем сложнее возвращаться, тем сильнее хочется вернуться и тем больше вероятность, что возвращаться будет уже некуда. И оставим эту тему.

— Я люблю вас, — неожиданно выпалил он.

— Нет, — усмехнулась я. — Вы любите плакат на стене своей детской комнаты, а не меня. Я не богиня. Я вредная и капризная. Я разбиваю сердца мужчин... И моё сердце разбито. Как раз сейчас я занимаюсь тем, что пытаюсь склеить его. Чтоб выносить меня, нужно иметь либо ангельский характер, либо дьявольское терпение.

— Я готов рискнуть, — азартно кивнул он.

— Отлично, — согласилась я. — Сразу после завтрака и начнём. У меня в городе полно дел. Будете меня сопровождать?

Он прищурился.

— Думаете, что удержав меня при себе, помешаете мне встретиться с ним?

— Нет. Думаю, что мне не хочется мотаться по городу в такую погоду одной. Я ещё и эгоистка.

— А он не будет против?

— С какой стати? Мы не женаты, не помолвлены. По-моему, нас даже нельзя назвать друзьями, в привычном для меня смысле этого слова.

— Так что же вас всё-таки связывает? — воскликнул Хок.

Я на мгновение задумалась.

— Просто он всегда рядом.

Дел у меня действительно было много и сопровождение высокого сильного мужчины в этих делах было не лишним. Обычно я брала с собой для охраны пару масунтов, но теперь вполне можно было обойтись без них.

Ещё утром мы заехали в отель «Плаза» и Хок сменил свой роскошный сюртук на кожаную куртку, которая справа недвусмысленно топорщилась от кобуры, и чёрные джинсы. Кинжал он сунул в лёгкие ножны, пришитые к подкладке куртки. Лучшего телохранителя трудно было представить. Я уже начала пересматривать своё мнение о его участии в моём

гипотетическом экипаже в качестве старпома. Спокойный, решительный, немногословный и на редкость дисциплинированный старпом из него получился бы. Ни глазом ни моргнув и ни слова не сказав, он сопровождал меня при моих визитах в ночной клуб для лиц нетрадиционной сексуальной ориентации, в тёмный погребок, где ошивались подозрительные типы с мрачными физиономиями, в подпольное казино, где проигрывали всё, вплоть до себя, и, наконец, в мрачный храм инопланетного божества с девятью щупальцами, где я долго шепталась с усталым фиолетовым осьминогом в балахоне, расшитом потёртой парчовой лентой.

Когда я вышла из купола откровений, переговорив со жрецом Донвом, Хок стоял возле статуи Великого Девятинога и с интересом изучал расписные мисочки с подношениями.

— На сегодня всё, — проговорила я. — Можем ехать домой.

— Что-нибудь выяснили? — спросил он.

— Ноль, зеро. Никто ничего не знает. Эта тварь появилась ниоткуда и остаётся надеяться, что она уйдёт в своё никуда.

— Вряд ли.

— И я так думаю.

Выйдя из Храма Девятинога, мы спустились по скользкому пандусу и пошли по узкой улочке к маленькой площади, где была припаркована моя машина. На улице начало темнеть. Холодный ветер налетал из сумерек и заставлял ёжиться от холода. Низкие тучи ползли над самыми крышами серых домов.

— Мерзкая будет ночь, — пробормотала я, поднимая воротник куртки. — Как раз для Плакальщика.

— А вы всерьёз занимаетесь им, — заметил он.

— Это моя работа, — проворчала я. — Кто-то должен заниматься этим.

— Странно, — проговорил он, идя рядом со мной. — Ещё вчера я думал, что наша встреча в грязном дворе — случайность. Ваши богемные друзья не похожи на непримиримых борцов со Злом.

— Это они глаза отводят. Маскируются.

— Понятно. Действительно, трудно представить Делмана с лучемётом.

Я покосилась на него и пробормотала:

— Вы были бы удивлены.

— И как успехи?

— Победоносной нашу войну не назовёшь. Скорее, это затяжные бои местного значения. Но кое-что нам удалось. Самое главное, что мы консолидировали все силы, которые могут вести эту битву на нашей стороне.

— Это те, с кем вы сегодня встречались?

— Да. Не очень похожи на героев, верно? Но они помогают, и для многих из них это шанс что-то изменить в жизни. К тому же все они знают, что у нас не принято бросать своих в беде. Может, это самое главное наше достижение.

— И как в это вписывается ваш доктор?

— Он спасает людские жизни, — не останавливаясь, ответила я, — лечит раны, снимает боль, поднимает на ноги тех, кто отчаялся встать. Он учит ходить парализованных и облегчает жизнь тем, кого уже нельзя вылечить от артрита и ревматизма. Он госпитальер. Миссия появилась здесь всего два года назад, но теперь к ним идут все, кто не нашёл помощи в других местах. И они никому не отказывают в ней. Недавно он сказал, что добился

разрешения не дежурить по ночам. Знаете, где он будет этой ночью? В клинике. А под утро пойдёт в ординаторскую, чтоб рухнуть на диван, предупредив сиделку о том, что его нужно разбудить через два часа. Похоже на вашего старого знакомого?

Хок промолчал, сосредоточенно глядя в темноту. Я и сама знала, что не похоже. Честно говоря, я злилась на него, хотя он ни в чём не был виноват. На его месте я бы так же упрямо молчала, предпочитая отбросить то, что не укладывается в имеющуюся схему. Но я была на своём месте. На ходу я достала коммуникатор и нажала кнопку, на которой был закодирован номер Джулиана. Эдди всегда отвечал сразу. Он жил с коммуникатором в руках. Джулиан мог не ответить вовсе, если его руки в это время были заняты.

— Нет, нет, Женя, не давайте ему синтетических антибиотиков, — раздался в трубке усталый голос. — У него аллергия на них. МакЛарен слушает.

— Это я. Извини, что отрываю. Очень занят?

— Боюсь, что да. Этого в шестую палату! И капельницу!

— Значит, сегодня не приедешь?

— Разве Хок тебя плохо развлекает?

Я бы обиделась, если б его голос не звучал так хрипло.

— Ты стервец, Джулиан. Ты знаешь об этом? — только и проговорила я.

Он тихо рассмеялся в трубку.

— Конечно, ангел. Мне ли этого не знать. Я люблю тебя. Извини, но мне нужно в приёмный покой. Я позвоню, когда освобожусь. Может, завтра к вечеру.

Он отключился от связи.

— Бросить всё и мчаться за мной на край вселенной, — пробормотала я, пряча коммуникатор.

Ещё пять минут назад мне казалось, что я занимаюсь чем-то важным и нужным, а теперь брела, терзаясь от собственной никчёмности. Дурак ты, Хок, кой чёрт нёс тебя с Земли? На Земле я и знать не знала, что такое никчёмность.

Что произошло дальше, я не помнила, потому что на меня вдруг кто-то сбросил сверху тёмную грязную тряпку, которая накрыла меня с головой.

— Тихо, не шевелитесь, — услышала я сквозь плотный слой ваты, в который была завернута моя голова. — Я уже почти закончил.

Я даже сначала не поняла, чей это голос, и о чём идет речь. Только потом до меня начало доходить, что я лежу в полумраке на чём-то мягком, у меня болит шея и её чуть сдавливает плотная аккуратная повязка, которую умело закрепляют сбоку чьи-то ловкие пальцы.

— Всё, кажется, кровотечение остановилось. Вы уверены, что не нужно вызвать врача?

— Да, — хрипло ответил за меня мой голос.

Я не хотела, чтоб Джулиан мчался сюда через весь город, и не хотела никого другого. По крайней мере, мне уже стали понятны мотивы моего отказа. Теперь бы понять, что произошло. Я открыла глаза и увидела высокий кремовый потолок и Хока, присевшего рядом.

— Как вы?

— Жива... — констатировала я с некоторым недоумением. — А что случилось?

— Он напал на вас. В этот раз совершенно беззвучно. Просто скользнул тенью сверху. Было темно, и я не сразу сориентировался. Прошу извинить меня за это.

— Не извиняйтесь. Вы же спасли меня...

Он как-то странно посмотрел мне в глаза.

— Или нет? — засомневалась я. — Кто меня спас?

— Я не знаю... Никто. Плакальщик подхватил вас и понёсся прямо по стене ближайшего дома, потом замер на плоской крыше на уровне третьего этажа. Я видел, как он склонился над вами, а потом вдруг взвыл и, бросив вас, начал кататься по крыше. Вы упали вниз, и я успел подхватить вас. Руки у меня были заняты, и я только мог смотреть, как он распластался там наверху и конвульсивно вздрагивает. Потом он уполз в темноту.

— Уполз? — поражённо переспросила я.

От изумления от моей слабости не осталось и следа. Я села и увидела, что нахожусь в просторной светлой спальне номера отеля «Плаза». На кровати, где мы разместились, можно было играть в футбол и ещё осталось бы место для зрителей.

— Да, — кивнул Хок. — Уполз. Я думаю, что ему было... не очень хорошо. Словно он отравился.

Я пожалала плечами. Почему нет? Последнее время такое за мной водится. Я просто сочусь ядом.

Я потрогала повязку. Наложена она была профессионально, не слишком туго, но и не слабо, как раз такой толщины как надо. Нет, нужно брать его старпомом. Только пусть выбросит из головы эту дурь с любовью.

— А почему я здесь? — осведомилась я.

— А куда я мог вас отвезти? В больницу вы не желали. Ехать в ваш дворец в Лунне было далеко. Вот я и привёз вас сюда. Раны неглубокие. Может, конечно, что-то в них попало, но я промыл и продезинфицировал. Немного отлежитесь, и я отвезу вас домой.

Я внимательно посмотрела на него и кивнула.

— Я не зря взяла вас с собой. У вас получается.

— Рад, что вам понравилось, — без улыбки произнёс он. — Я думаю, что вы потеряли много крови.

— Да пусть подавится! Чем больше, тем ему же хуже. Но я лучше полежу...

Я опустила обратно на подушку, и Хок укрыл меня мягким тёплым одеялом.

— Спите. А я буду беречь ваш сон. Мне это доставит удовольствие.

— Наслаждайтесь, — пробормотала я и, повернувшись на бок, заснула.

Я проснулась среди ночи от странного томительного и тревожного чувства, которое появлялось у меня, когда поблизости находился вампир. Это сигнальное ощущение было для меня новым приобретением, возникшим лишь недавно, и я ещё не научилась относиться к нему спокойно. Открыв глаза, я снова увидела спальню в номере отеля «Плаза», едва освещённую синеватым светом ночной лампы, и Хока, который на сей раз стоял у окна, глядя на улицу. В тот самый миг, когда я взглянула на него, он обернулся в сторону двери, опустил руку на кобуру и достал оттуда бластер. После этого мягко развернулся, беззвучно, с грацией пантеры приблизился к двери и положил другую руку на изящно изогнутую позолоченную ручку. В тишине раздался негромкий, но настойчивый стук. Кто-то без стука вошёл в номер, но постучался в дверь спальни. Редкая деликатность.

Хок взглянул на меня. Я жестом показала, что уже проснулась, и он может открыть. Он кивнул и, продолжая сжимать в правой руке рукоятку бластера, левой повернул ручку двери. Она открылась, и из темноты проёма сверкнули красные глаза.

— Свет, — произнесла я, и в спальне зажглись основные световые панели.

На пороге стоял Луис Монтега и с мрачным вызовом смотрел на наведённый на него бластер. Хок вздохнул и убрал оружие в кобуру. Луис быстро осмотрел комнату и увидел меня.

— Я ищу вас, — произнёс он и вошёл. — Мне сказали в казино, что вы спрашивали меня. К сожалению, я был занят.

— Как ты меня нашёл? — спросила я, приподнимаясь.

Хок тут же подошёл и подложил мне под спину пару подушек, после чего сел рядом. Я хмуро покосилась на него. Такая же привычка была и у Кратегуса, она меня всегда раздражала. К тому же у меня по-прежнему болела шея, хотя я надеялась, что несколько часов вполне довольно, чтоб заживить две царапины.

Луис подхватил от стены стул, поставил его спинкой ко мне и сел на него верхом, уложив руки на спинку.

— Я звонил в Чесстауэр. Кинг сказал, что вы здесь.

Хок вопросительно взглянул на меня.

— Коммуникатор, — пояснила я. — По нему Кинг может отследить местонахождение любого из обитателей замка. Это удобно и с точки зрения обеспечения безопасности.

Он кивнул. Луис терпеливо ждал, когда мы закончим, после этого проговорил:

— У меня есть для вас информация. Кажется, я обнаружил след Плакальщика в других мирах.

— Где именно?

— На Дракуле.

Есть такая планета под названием Рысарыс, которую в просторечии для удобства называют более понятно — Дракула. Там живут вампиры, пакостный народец, питающийся кровью животных, но иногда и себе подобных. Не брезгают и инопланетянами. В составе Звёздной инспекции уже давно создано подразделение, которое занимается выслеживанием и отловом рысарысских кровопийц, путешествующих по Вселенной в поисках обильных пастбищ.

— Откуда эта информация? — спросил Хок.

— От моего предка Ринальдо Оливареса. Он живёт там.

— Ну как же... — усмехнулся Хок. — Очаровательный и романтичный Ринальдо. Так ты его родственник?

— Прямой потомок по мужской линии, — с гордостью сообщил Луис. — Говорят, я очень похож на него.

Он вытащил из внутреннего кармана пиджака круглый медальон на цепочке и бросил мне. Открыв медальон, я увидела старинную миниатюру, изображающую красивого юношу с густыми чёрными кудрями и огненными глазами. Его портила только излишняя бледность. Луис мог выглядеть так лет в семнадцать.

Хок посмотрел на портрет и кивнул.

— Да, это он. Мне как-то пришлось доходчиво объяснить ему, что с его замашками нечего делать на планетах Объединения Галактики. Мне показалось, что он достаточно умён, чтоб принять мои аргументы.

— Он и ещё несколько аристократов живут на Дракуле и пользуются там почётом, — сообщил Луис таким тоном, словно сетовал, что население Луарвига не так хорошо воспитано, как маленькие кровопийцы Рысарыса. — Их считают богами. Они живут в замках на вершинах гор в окружении придворных, в том числе и людей, которые с радостью

предоставляют им свою кровь для питания.

— Звучит ужасно, — поморщилась я.

Луис пожал плечами, словно говоря: «Вам не понять...», и перешёл к делу.

— Меня беспокоило появление Плакальщика, прежде всего потому, что он пьёт кровь. Это могло бросить тень на нашу общину. К счастью, скоро стало ясно, что это не обычный вампир, а нечто магическое. Я связался с нашими соплеменниками в разных мирах, но никто из них ничего не знает. Про Ринальдо я даже не вспомнил, но мой кузен Мигель посоветовал мне обратиться к нему. Ринальдо слишком долго живёт на свете, и это не может не сказываться на мозгах, — в его голосе прозвучало раздражение. — Он, и правда, возомнил себя богом и ему нужно сделать над собой невероятное усилие, чтоб снизойти до нормального общения. К тому же я слишком дальний потомок. Он почему-то считает, что моё место в пелёнках. Только когда до него дошёл смысл вопроса, который я задал, он, наконец, перестал выпендриваться. Вот что он рассказал.

Несколько лет назад один из его приятелей, такой же придурок с манией величия, привёз откуда-то в качестве то ли реликвии, то ли сувенира каменный гроб, в котором был якобы похоронен некий вампир, живший в Аравии. Ринальдо и прочих его дружков аравийский вампир не заинтересовал, у них свой сплочённый кружок выходцев из Европы. Они даже на американских и австралийских собратьев смотрят как на плебеев. Короче, этот коллекционер спрятал свое неудачное приобретение в подвал и забыл о нём. А через некоторое время объявился Плакальщик, вернее, они прозвали его Чёрным Монахом и объявили на него охоту. То ли это ему не понравилось, то ли его не устроило качество еды, но вскоре он исчез с Дракулы. И только годом позже тот коллекционер обнаружил, что каменный гроб в его подвале взломан изнутри и пуст. Поскольку никаких аравийских вампиров в той местности не светилось, они сделали вывод, что в гробу находился Чёрный Монах. Вот и вся история.

Он задумчиво смотрел на меня своими тёмными глазами, в которых изредка пробегали красноватые отблески.

— Что это был за гроб? — спросила я.

— Выточенная из песчаника продолговатая коробка, закрытая сверху плитой. Щели между крышкой и стенками гроба были замазаны каким-то составом, похожим на цемент, но с примесью человеческой крови, как потом выяснилось. На крышке были искусно вырезаны два четверостишья на арабском языке. Старик снизошёл до того, что сбросил мне голографический снимок крышки и даже перевод, сделанный одним из его подданных, знающим арабский.

Он достал кожаное портмоне и вынул оттуда небольшую карточку. Хок взял её и подал мне. На лицевой стороне было объёмное изображение каменного рельефа арабской вязи, хорошо видимое благодаря голографии. На обороте чётким почерком были написаны восемь строк:

Пока за кругом спит гончар,
Пока в походе янычар,
Разбей кувшин и пей вино —
Источник юности и чар.

Так пьянствуй годы и века,

Покуда правая рука
Не нанесёт тебе удар
Звездой алмазною клинка.

Мы с Хоком переглянулись, он вздёрнул левую бровь и пожал плечами.

— Я не специалист в восточной поэзии.

— Я тоже, — призналась я и посмотрела на Луиса. — В гробу что-нибудь осталось?

Он покачал головой.

— Его осмотрели очень внимательно. Больше ничего. Совершенно пустой ящик с гладкими, слегка выщербленными временем стенками.

— Но хотя бы какого периода был этот ящик, они выяснили? — нахмурился Хок.

— Зачем? — пожал плечами Луис. — От них эта тварь убралась, и она их больше не интересовала. К тому же не думаю, что Ринальдо что-нибудь слышал о радиоуглеродном анализе и прочих премудростях...

— Ну, в ракетных двигателях он разбирается очень даже неплохо, — проворчал Хок. — Можно получить образцы этого песчаника?

— Нет. Они разбили гроб и выбросили его осколки в море. В знак презрения к его владельцу. Один из дурацких обычаев предков.

Я кивнула.

— Спасибо, Луис.

Он задумчиво смотрел на меня, потом прищурился.

— Что у вас с шеей? Вас тоже укусила эта тварь?

Я пожалала плечами.

— Я на какое-то мгновение потеряла бдительность, но всё обошлось.

— И опять рядом был этот джентльмен? — он мотнул головой в сторону Хока.

— На сей раз, я не при чём, — возразил тот. — Скажи, можно отравиться чьей-нибудь кровью?

— Трудно сказать, — неуверенно произнёс Луис после некоторого размышления. — Теоретически, если жертва только что приняла большую дозу сильного яда, или больна настолько, что в крови имеется значительное количество продуктов распада, которые токсичны. Но я не знаю таких случаев. У нас сильный иммунитет и крепкое пищеварение. Правда, я слышал от бабушки одну легенду. Среди вампиров существует поверье, что насмерть можно отравиться только кровью ангела.

Он встал и поставил стул на место.

— Мне пора, если ещё что-то узнаю, то сразу сообщу.

— Ты знал, чей это номер? — неожиданно спросил Хок.

— Конечно, — кивнул тот.

— И решился прийти?

— Я не сделал ничего плохого, — ответил Луис. — А ты, при всех своих недостатках, производишь впечатление неглупого человека. До свидания, мисс Бентли.

Поклонившись мне и кивнув Хоку, он ушёл. Хок вышел следом, и я услышала, как лязгнул замок, после чего он сразу же вернулся и присел на кровать у меня в ногах.

— По сути, этот рассказ почти ничего нам не даёт, — заметил он. — Чёрный Монах и Плакальщик совершенно необязательно одно и то же существо. Даже если это он, то этот гроб ничего не объясняет. Его могли запереть в этом ящике на Аравийском полуострове, но

это не значит, что он сам родом из тех мест. Думаю, что эта тварь могла путешествовать по свету. Причем надпись на арабском — это ещё не гарантия того, что этот гроб действительно из Аравии. И как он попал в руки этого вампира-коллекционера? Может, он вообще был сделан на одной из планет Ближнего Космоса не так давно?

— А стихи?

— Вы ничего странного в них не заметили? — спросил он.

— Перевод имеет не тот размер, какой обычно имеют такие стихи, но при переводе размер не всегда соблюдается. А по-арабски я читать не умею.

— Я не об этом. Меня немного смущает второе четверостишие. Как там? «Покуда правая рука не нанесёт тебе удар...» и что-то там дальше. Может, тут скрыт какой-то намёк? Подсказка, как его можно убить. Но, с другой стороны, любой человек, если он не левша, нанесёт удар правой рукой. И бьют обычно колющими и режущими предметами, среди которых самыми подходящими являются именно клинки.

— «Звездой алмазною клинка», — повторила я. — Вам это ни о чём не напоминает?

— Острая звезда-алмаз
глубину небес пронзая,
вылетела птицей света
из неволи мирозданья.

— Лорка21, - кивнула я. — Похоже. А ещё что-нибудь?

— Не знаю. Может, имеется в виду какое-то конкретное оружие, какой-нибудь меч с именем «Алмазная звезда». Но я о таком не слышал.

— Я тоже.

Какое-то время прошло в молчании, потом Хок поднялся.

— Вам лучше ещё немного поспать. Если что, я буду в соседней комнате.

— Хорошо, — кивнула я и закрыла глаза.

— Выключить свет, — негромко скомандовал он, и комната погрузилась в темноту.

Через несколько минут я заснула.

Я проснулась рано утром от сильной головной боли. Шея тоже болела и неприятно пульсировала. Выбравшись из постели, я вышла в соседнюю комнату. Хок, сидевший в кресле возле двери, тут же открыл глаза и поднял голову. Вид у него был заспанный.

— Доброе утро, — проговорил он и потянулся. — Заказать завтрак?

— Я лучше поеду домой, — проговорила я и села на диван.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Извините за откровенность, но вид у вас неважный. Может, вызвать врача?

— Я вызову. Из дома.

Он хмуро кивнул.

— Его?

— Кого же ещё... И вообще, Хок, не лезьте в мою личную жизнь. Я же не лезу в вашу.

— Как хотите, — пробормотал он.

Я была совсем не в настроении выслушивать его предостережения. И вообще, с какой стати, он решил, что может вмешиваться в мои отношения с мужчиной, пусть даже таким как Джулиан? Я сердито смотрела на него. Он поднял руки, в знак того, что сдаётся.

Домой я вернулась достаточно рано. Макс и Терренс ещё нежились в постелях. Я тихонько заползла в свою нору, вяло огрызаясь на приветствие и вопросы Кинга, разделась и забралась под одеяло. Шея болела, и это повергло меня в панику. Моему организму две небольшие царапины не могли нанести вред, с которым он бы не мог справиться сам. Но я вынуждена была констатировать, что чувствую себя хуже, чем ночью. У меня явно поднялась температура, меня мутило и началось недомогание — самое отвратительное болезненное состояние из всех болезненных состояний.

Именно поэтому я и решилась-таки позвонить Джулиану, хотя отрывать его от работы или от краткого сна мне не хотелось. Он отозвался почти сразу — минуты через три. Когда я кратко рассказывала ему о том, что произошло, мой голос звучал до отвращения жалобно, и язык ни с того ни с сего начал заплетаться. Прервав меня на полуслове, он произнёс: «Буду через четверть часа», и отключил связь. Откинувшись на подушки, я размышляла, как он успеет доехать за пятнадцать минут, если я нахожусь в Лунне, а он на границе Эйка со Старым Луарвигом, и ему нужно пересечь весь Старый Луарвиг и половину Лунна.. Должно быть, размышляя, я на какое-то время впала в забытьё, потому что, очнувшись, увидела рядом Джулиана. Он как раз снимал куртку.

Подсев рядом на постель, он нагнулся и осторожно снял повязку, осмотрел раны и проворчал:

— Ничего себе... У Макса такого не было.

— Что такое? — слабым голосом спросила я.

— Царапины действительно небольшие, но сильное воспаление.

— У меня что, иммунитет слабее, чем у Макса?

— Просто у Хока пока нет навыка обработки таких ран, — он поднялся и подошёл к столику, на котором стоял его чемоданчик.

Открыв его, он достал оттуда склянку из тёмного стекла, перевязочный материал, потом пучок травы и какой-то амулет на длинной цепочке. Вернувшись, он разложил всё это на поставленном рядом подносе, и потёр ладони.

— Давай сначала почистим ткани от дурного влияния... — пробормотал он.

— Это научный термин? — спросила я.

Он не ответил, положив ладони мне на шею. Приятная прохлада растеклась по моему телу от одного прикосновения. Боль утихала, пульсация становилась всё меньше. Неприятные ощущения уходили, концентрируясь под его руками. Время от времени он снимал ладони и стряхивал их в сторону, потом снова, едва касаясь, подносил руки к моей шее. Минут через десять головная боль и тошнота прошли, а недомогание ослабло.

— Так, хорошо, — кивнул он и промыв раны тягучей жидкостью из склянки, стал накладывать повязку. Я внимательно смотрела на него. Я тоже умела вытягивать чужую дурную энергию, но после этого неизменно чувствовала себя несчастной и разбитой. Он же оставался так же свеж и деловит, как в начале. Когда я сказала ему об этом, он только пожал плечами. — В этом и состоит разница между дилетантом и профессионалом.

— Что это за трава? — спросила я, заметив, как он вкладывает клочки сушёной зелени в повязку.

— Волчья, — пояснил он. — Называется аконит.

— Она же ядовитая!

— Я что, заставляю тебя её жевать? — уточнил он. — Это лучшее лекарство, если такое вообще существует, от лекантропии.

— Если она вообще существует, — вставила я.

— Если есть лекарство, должна быть и болезнь.

— Свежая мысль.

После этого он накинул мне на шею цепочку и опустил на грудь круглую пластинку из белого металла с выгравированными на ней значками.

— Носи, пока не поправишься. Потом вернёшь мне. Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — улыбнулась я. — Или почти хорошо. И даже хочу есть. Составишь мне компанию за завтраком?

— Я договорился, что меня подменят на час, — вздохнул он.

— А у меня есть новые сведения о Плакальщике, — таинственным тоном произнесла я.

— И стол на две персоны уже накрыт в соседней гостиной, — в тон мне добавил из шкафа Кинг.

— Ладно, уговорили, — усмехнулся Джулиан.

За завтраком я рассказала ему подробнее о моём печальном приключении и передала историю, рассказанную Луисом. По тому, как жадно он ел, я поняла, что его рацион в последнее время состоял из бутербродов, сунутых ему в руку сердобольными сиделками. Я не слишком надеялась, что он вообще слушает меня.

— Я тоже слышал это поверье насчёт крови ангела, — неожиданно кивнул он, — некоторые вампиры всерьёз считают, что ею можно отравиться. Наверно, это правда, хотя Плакальщик и не совсем вампир... Покажи голографию этой плиты.

Я подала ему карточку, он внимательно посмотрел на неё. Мне показалось, что он пробежал глазами все строчки надписи, потом перевернул и прочёл перевод.

— Занятно.

— Что ты об этом думаешь?

— Это не Хайам.

— Я догадалась, — мрачно заметила я, поняв, что он начинает темнить. — Ты знаешь арабский язык?

— Нет, а что?

— Думаешь, перевод соответствует?

— Возможно, в общем и целом, насколько вообще может соответствовать перевод.

— И что значат эти стихи?

— Только то, что однажды тот, кому они адресованы, будет убит клинком.

— В правой руке. Это я поняла. А чья рука это будет?

Он пожал плечами.

— Думаю, рыцаря с сердцем чистым, как горный снег, как вода родника, как небесный свет.

— Очень интересно. И где мы найдём такое чудо природы?

Он рассмеялся.

— Просто я вспомнил мадригал, посвящённый некоему паладину, жившему в Средние века. А искать никого не надо, — он вернул мне карточку. — Эта надпись свидетельствует о том, что всё предопределено. Против всякой болезни найдётся своя травка, говаривал Авиценна. И существует мнение, что против каждого злодея жизнь однажды выставит своего героя. Нам остаётся только ждать.

— Пока жизнь приведёт сюда этого героя, Плакальщик сожрёт половину города.

— Сегодня он никого не убил.

Я замерла с открытым ртом. Джулиан пожал плечами.

— Видимо, отлёживается после пищевого отравления.

— Ага, — кивнула я. — А если нам сделать так. Мы его изловим, Хок будет его держать, а мы впрыснем ему пинту моей крови. Сработает?

— Нет, — мотнул головой он. — Во-первых, тут сказано, что он умрёт от клинка в правой руке, а не от внутривенного впрыскивания. А, во-вторых, если б я не был так хорошо воспитан, я бы сказал, что ты дура. Но я воспитан именно так, поэтому «во-вторых» оставляю при себе.

— Понятно. Ещё кофе?

Он поколебался секунды три.

— Ещё чашку и я полетел.

Я налила ему кофе и задумчиво взглянула, как он пьёт, смакуя каждый глоток. Кинг, хоть и машина, но кофе умеет заваривать сорока двумя способами, и всё выше всяческих похвал.

— Ты всё ещё меня любишь? — уточнила я, глядя на него.

— Разве я не доказал это, примчавшись сюда?

— А ты бы не помчался на срочный вызов к другому пациенту?

— Пожалуй... — согласился он. — Чувство долга — страшная штука, хотя и не страшной безответной любви. А почему ты спросила?

— Потому что ты так и подталкиваешь меня в объятия Хока. Между прочим, распахнутые. Он в меня влюблён с детства.

— Серьёзно? — Джулиан поставил чашку на блюдце. — Как это может быть?

— Очень просто. Как девочки и мальчики влюбляются в актёров, спортсменов и героев космоса? У него в комнате висел тот же плакат, что и в комнате моих сыновей. «Навстречу звёздам!» Я этот плакат до сих пор с ужасом вспоминаю, потому что я там лохматая от ветра и на лице у меня идиотская улыбка.

— Он тебя узнал?

— Нет, но он был достаточно внимателен, чтоб заметить, что я на себя похожа. И увидел шанс материализовать свою мечту. Уверен, что хлопнет тебя, и зовёт с собой на Землю.

— Это неплохой вариант, — заметил Джулиан, снова беря чашку. — Красивый, умный, будет носить тебя на руках и сдувать пылинки. К тому же звездолётчик, следовательно, вы можете летать вместе. Разве плохо?

Я ошалело смотрела на него и с трудом выдавила:

— А ты?

— А я перебьюсь, — с лёгкостью ответил он.

— Шутишь?

Он снова поставил чашку.

— Я слишком хорошо тебя знаю, — со вздохом проговорил он. — Я могу отдать тебе свою жизнь и свернуть ради тебя горы. Я, может быть, могу сделать для тебя больше, чем может он. Но он может сделать то, чего я не могу. Он может помочь тебе вернуться на Землю. Потому что только там ты можешь быть по-настоящему счастлива и спокойна. Подумай об этом.

Он поднялся. Я округлившимися глазами смотрела на него. Он нагнулся и поцеловал меня в щеку.

— До завтра не увидимся. Вечером я заеду, заберу тебя, и мы поедem на маскарад в «Корону». В миссии я договорился. Меня отпустят на полсутки. Пока.

Он вышел, а я всё так же сидела и смотрела на закрывшуюся за ним дверь. В душе у меня словно кто-то всё перемешал ложкой. Мысли и чувства носились по кругу, и я не могла за ними уследить, и только над всем этим поднималось туманом отчаянное беспокойство и какая-то непонятная тоска.

Дело было в том, что Джулиан прав. Я могу, как угодно злиться и отпираться, но он слишком часто бывает прав. Одна только мысль, что я могу вернуться на Землю рука об руку с бравым красавцем Хоком, у которого дома в шкафу, как и у меня, наверняка висит форменный китель, как чешуей покрытый орденами и медалями. У него, конечно, меньше, но он моложе меня и даже моложе моего старшего сына. Он там свой. Мне ничего не нужно будет объяснять, ни перед кем не придётся оправдываться. Можно будет жить в своём доме, забрать к себе Алика, и даже нашего колли Джейми. Можно работать в одном экипаже. Из него выйдет отличный старпом. Разве это не счастье?

И всё это счастье на одной чаше весов. А на другой — только пылающее сердце любящего меня Алхимика, странного человека, прожившего страшную, удивительно длинную и такую короткую жизнь. Слишком загадочного человека, отягощённого ужасной тайной, от которой ему никогда не будет спасения.

Я вдруг поняла, что этот выбор реально стоит передо мной. Две чаши весов покачивались в пустоте, одна, излучая сияющий свет, вторая, таившая в себе призрачное мерцание неизвестности. Я могла выбрать одно, и могла — второе. Просто по каждому пути нужно идти до конца, навсегда отказавшись от другого. Светлые Звёзды, как же мне хотелось домой! Не только на Землю, обратно в космофлот. Пусть мой старый корабль уже имеет другого командира. Есть другие корабли. И в одном из них, в командном отсеке... Как же всё просто и понятно будет там!

Я вздохнула и посмотрела на чашку, оставленную Джулианом на блюде. Его там не будет. Я буду смотреть в огромные прозрачные окна на мерцающие россыпи звёзд и думать, где он ведёт свою одинокую и непримиримую борьбу со Злом, не имея права отступить и возможности освободиться от своего проклятия и даже от своей бесконечной и одинокой жизни. Всегда один.

Одна из чаш слегка дрогнула и поползла вниз, словно мрак неизвестности был слишком тяжёл по сравнению со светом надежды. Что-то ещё было там, рядом с сердцем Джулиана МакЛарена, что-то очень важное и весомое. Наверно, всё было слишком просто. Джулиана я люблю, а Хока нет. И рядом с сердцем Джулиана, уютно прижавшись к нему, блаженно мурлыкало моё безумное сердечко. И плевать ему было на все красоты Земли, на самые мощные и комфортабельные звездолёты, на дом где можно жить своей семьёй. Впрочем, дом можно построить и здесь, только не в Луарвиге, а за проливом на острове Нью-Скотт, в зоне юрисдикции Земли. Там Алик мог бы ходить в нормальную школу, и я могла бы не беспокоиться, если он поздно задерживается у кого-то из своих друзей...

Я вздохнула. Пустые мечты. Алик не уедет с Земли, он не бросит свой колледж и свою мечту лечить земных животных и восстанавливать вымершие виды. Ему не нужен космос, он влюблён в Землю. А для Джулиана путь туда закрыт навсегда.

Но чаша уже была внизу, и сияние другой померкло. Хоку придётся лететь на Землю в одиночестве.

— Можно убирать со стола, — печально разрешила я, вставая. — И передай Максиму, что

у меня есть новая информация о Плакальщице. Я жажду ею поделиться.

Сделанный выбор ничуть не облегчил мои страдания, и я добросовестно страдала весь день. А потом ещё полдня. Дальше страдать было некогда. Нужно было собираться на бал, а я не Золушка, у меня нет крёстной-феи. Мне всё приходится делать самой. Правда, платье у меня было уже готово, белое, струящееся, из гофрированного газа с широкими рукавами, в виде рубашки перехваченной золотым поясом. На ноги — сандалии из золотых ремешков. А вот с отбеливанием кожи, нанесением прозрачно-сияющего макияжа, усилением золотого оттенка на волосах и приданием им естественной волнистости, причём с мягкими завитками на концах, мне пришлось повозиться. К тому же для надлежащего эффекта они оказались слишком короткими, и мне пришлось прибегнуть к стимулятору роста волос, потом снова красить, на сей раз отросшие корни, и снова всё укладывать. Это был сущий кошмар.

Я чуть не запуталась в сложной сбруе, которую нужно было надеть под платье, потом чуть не опрокинула на платье флакон с краской для волос. В результате я даже не успела взглянуть в зеркало, чтоб оценить плоды своих титанических усилий, когда Кинг сообщил, что приехал доктор МакЛарен. Этот подлец доложил о приходе Джулиана ровно за три секунды до того, как тот открыл дверь и появился на пороге моей маленькой гостиной. А, появившись, естественно, замер, открыв рот. Приветствие застряло где-то у него в горле, и он ошарашено смотрел на меня, потом перевёл дух и произнёс емкое: «Ух, ты!»

Я в упор смотрела на него, демонстративно изучая его серый, мокрый от дождя плащ.

— Только не смей говорить, что ты не успел заехать домой и надеть маскарадный костюм! — свирепым тоном опытной супруги гавкнула я.

— Я в костюме... — прошептал он, подходя ближе и обходя вокруг меня. — На улице дождь, вот я и надел сверху плащ.

— Покажи костюм! — потребовала я, сгорая от любопытства.

— Тебе не понравится, — предупредил он, продолжая свой обход.

— Если ты не покажешь мне свой костюм, я не покажу тебе свой! — заявила я, надув губы.

— Я его итак вижу.

— Ошибаешься, это только часть моего костюма.

— А больше ничего и не надо. Чистая и непорочная дева. Тебе бы единорога...

— А это вовсе не костюм непорочной девы.

Он остановился и взглянул мне в глаза. Наконец в них появилось любопытство, слегка потеснившее восхищение.

— Давай так, — предложил он. — Ты показываешь мне свой костюм, а потом я показываю тебе свой.

— Ладно, — кивнула я и нажала на маленький камушек, вставленный в тонкое колечко, надетое на мизинец.

Ничего не произошло. Вернее, я ничего не заметила, кроме того, как вдруг отступил на шаг и побледнел Джулиан. На его лице появилось такое странное выражение... тревоги и благоговения одновременно. Может, что-то не так? Может, ребята в лаборатории что-то напутали?

Я наконец-то обернулась к зеркалу и точно также отступила назад, с точно таким же выражением лица. Мне даже стало немножко страшно, не знаю почему. Просто это была я и не я, потому что это не могла быть я, хотя это и не мог быть никто другой. Из рамы зеркала

на меня смотрел прекрасный ангел с сияющим радужным нимбом вокруг златокудрой головки и огромными белыми крыльями, такими как у лебедя, которые мягко и естественно колыхались за спиной. Они были именно такими как надо. Искусственные навесные крылья никогда не могли бы создать такой эффект. Я с трепетом положила палец на камушек в перстеньке и чуть повернула его. И крылья упруго поднялись и взмахнули так, что казалось странным не чувствовать движения воздуха от них. Ещё мгновение и я взлечу...

— Ух, ты... — вырвалось у меня.

Джулиан снова двинулся вокруг меня.

— Это уже слишком... — пробормотал он. — Такие потрясения не для моего слабого сердца.

Я строго посмотрела на него и напонила:

— Твоя очередь.

Продолжая смотреть на меня во все глаза, он покачал головой.

— Может, не надо? Я всё только испорчу. Мой костюм вообще, честно говоря, не для тебя.

— Ты обещал.

— Хорошо, — вздохнул он. — Пусть будет по-твоему...

С видом осужденного на казнь расстегнув пуговицы, он жалобно взглянул на меня.

— Только не хватайся за свой огненный меч, ангел, — и скинул с плеч плащ.

Я ахнула и отшатнулась. Ничего особенного в его костюме не было. Довольно скромно для маскарада, хотя и со вкусом. Всё б ничего, если б я не видела этот костюм раньше на другом... Он был в чёрном одеянии, стилизованном под средневековье, с тусклым серым наплечником на правом плече. На его груди поблёскивал круглый медальон из красного металла. На ногах были высокие ботфорты. Не хватало только меча, вставленного до поры в тёмные узорчатые ножны, на которых холодным светом сияли руны. Того самого меча, которым пару лет назад демон Кратегус пронзил мне грудь. Именно на нём и именно тогда был такой же костюм.

Джулиан мрачно, исподлобья смотрел на меня. То ли вошёл в образ, то ли понимал, что испортил мне настроение раньше времени. Он был похож на того демона. Как сынок на папочку. Тот был ростом с Хока и такой же плечистый. И с удивительными зелёными глазами под чёрными стреловидными бровями. Посмотрев теперь на Джулиана, я поняла, что он гораздо красивее Кратегуса, ниже ростом и куда изящнее, но в его ладной фигуре было не меньше упругой силы, отличающей крупных хищников семейства кошачьих.

— А где твой меч? — спросила я.

— Я не воин, — покачал головой он. — Я алхимик.

Я подошла ближе и провела пальцами по серому металлу наплечника.

— Вот эта штука служит для того, чтоб защитить руку, которая обычно держит меч.

— Ты не сердись? — вдруг как-то по-детски спросил он.

— Ну, если ты этой одежкой не меня дразнишь.

— Не тебя.

— Не сержусь, — усмехнулась я и отключила свои голографические крылья и нимб. — При всех недостатках Кратегуса, у него всегда был отличный вкус.

— Это был мой вкус, — шепнул он.

Наши лица были совсем рядом. Я смотрела в его глаза, в которых отражалось мое лицо. И в этот момент его рука мягко обняла меня за талию, а в следующий — мои ладони

скользнули по его бокам, а губы прижались к его губам...

Я открыла глаза спустя столетия пребывания в Nirване. Джулиан встряхнул головой, словно приходя в себя. Из его гладко зачёсанных надо лбом волос выбился тонкий завиток. Он был так ошарашен, так юн и так хорош в этот миг, что я рассмеялась.

— Ты меня поцеловала, — пояснил он. — Впервые.

— Мне захотелось, — улыбнулась я. — Бедный Хок. Ему опять не повезло.

Он сосредоточенно взглянул на меня.

— Ты всё решила? Это точно?

— Я тебя люблю, — кивнула я. Он всё так же напряжённо смотрел на меня. Это меня смутило. — Ты не рад?

— Не знаю, — потеряно пробормотал он. — Я ещё не понял. Я просто хотел, как лучше. Чтоб ты была счастлива.

— Я буду, — пообещала я. — Просто я ещё хочу, чтоб и ты был счастлив. Едем, мой милый. Иначе опоздаем к торжественному выходу.

— Да, уж... — проворчал он, стремительно возвращаясь к действительности. — Эффектную парочку мы с тобой будем представлять. Ангел и демон...

— Дева и алхимик, — поправила я. — Как уже было много-много лет назад.

Ночной клуб «Корона» венчает собой высокий холм, возвышающийся над Лунном и над всем городом. Блистательный огромный дворец, представляющий собой странное, но вполне гармоничное смешение стилей, днём сияющий беломраморными портиками и куполами, а ночью подсвеченный сотнями разноцветных прожекторов, он кажется причудливым хрустальным украшением, парящим между таинственным небом и грешною землей. Не знаю, есть ли на Киоте здание равное «Короне» по роскоши и богатству, но в Луарвиге точно нет. Его потолки расписаны знаменитыми художниками, его позолота из настоящего золота, его мрамор привезён из рудников разных планет, а стены сплошь увешаны шедеврами живописи, среди которых нет копий. Они есть только на улице, где в стенных нишах и в парке красуются точные копии древнегреческих и древнеримских статуй, дополненных статуями Ватикана и Дворцовой галереи Великого Тирана Алкора.

Хотя Эдди вложил в этот клуб бешеные деньги, он окупился через четырнадцать месяцев после открытия, потому что посещение этой «жемчужины» стоит столько же, сколько маленький, комфортабельный звездолёт. Залы его всегда заполнены роскошной публикой, очередь на посещение расписана на три недели вперёд, а для того, чтоб отпраздновать семейное торжество в этом дворце, иные толстосумы готовы пролететь с десяток парсеков. Честно говоря, бывая в «Короне» я всегда поражаюсь, сколько во Вселенной богатых придурков, которым некуда девать деньги. Между прочим, Эдди «Корону» недолюбливает, и называет не иначе, как сараем.

В тот вечер мы миновали пропускной пункт у подножия холма и по широкой, ярко освещённой аллее въехали на вершину, к широкой мраморной лестнице, обрамлённой беломраморными колоннами, ведущей к высоким резным дверям, сегодня гостеприимно распахнутым. Ночное небо было расцвечено радужными вспышками фейерверка, из парка неслись звуки венского вальса, праздничная иллюминация освещала клуб, делая его похожим на дворец сказочного короля, празднующего свадьбу наследника престола.

У подножия лестницы несли караул огромные мавры в роскошных одеждах с устрашающего вида секирами. На ступенях лестницы от самого низа и до широко

распахнутых дверей была постелена златотканая ковровая дорожка метра четыре в ширину, вдоль которой стояли довольно симпатичные янычары, которые изящно и с достоинством склонялись навстречу каждому гостю, и их кривые сабли при этом поблескивали в свете разноцветных огней. Из дверей вырывался золотой свет первой бальной залы и слышался мощный тенор Антонио Берлуччи, звезды оперного театра Луарвига.

Один из мавров галантно распахнул дверцу «шевроле» и я, опираясь на руку Джулиана, вышла из салона, по пути включая свои крылья. Мавр ахнул и отшатнулся с выражением радостного изумления на лице, а я начала подъём по бесконечной дорожке, поглядывая на россыпи цветов, лежащих мне под ноги. Берлуччи пел «O Sole Mio», и аромат рокнарских орхидей наполнял воздух сладостной негой.

В общем, Эдди не поспешил. Думаю, что на этот раз стоимость входного билета была эквивалентна стоимости двух средних комфортабельных звездолётов, но никто не смог бы сказать, что это того не стоит. В первом же зале под звуки большого симфонического оркестра и пение лучшего тенора планеты кружились в танце три десятка пар. Под потолком порхали феи с радужными крыльями экзотических бабочек, между гостями лавировали исключительно красивые и юные эльфы с подносами. В трёх прозрачных цилиндрах, наполненных водой, среди изумрудных водорослей выписывали пируэты серебристые и тоже исключительно красивые и юные русалки обоих полов. На двух балконах, нависших над залом с противоположных сторон, возвышались два седобородых старца, один в синевзвёздном костюме звездочёта, второй в парчовом халате и чалме. Они грациозно водили своими волшебными палочками, и в воздухе вспыхивали зарницы, из которых сыпались в зал лепестки роз, взлетали чудесные радужные птицы и разлетались по залу целые тучи мерцающей звёздной пыли.

Учитывая, что главные сюрпризы бала Эдди обычно прятал в дальних залах, постепенно переходя «от простого к сложному», мне заранее было не по себе от того, что таит в себе «Корона» сегодня.

Хотя здесь не принято было представлять входящих гостей, наше появление не осталось незамеченным. Мы рука об руку прошли в центр зала, провожаемые десятками пар глаз. Судя по всему, мой наряд произвёл впечатление, несмотря на отсутствие драгоценных камней и экзотических перьев, от которых рябило в глазах при взгляде на наряды собравшихся дам.

Эдди, как и положено хозяину дворца, стоял на возвышении. За его спиной пенился и благоухал фонтан, бьющий шампанским. Эдди был одет в роскошный и при этом весьма элегантный королевский наряд в стиле раннего средневековья. В его чёрных волосах поблескивал алмазами далеко не бутафорский венец.

— Похоже, сегодня вы превзошли самого себя, Грандер, — тоном светского льва произнёс Джулиан, слегка склонив голову.

Эдди рассеянно кивнул ему, не сводя с меня пристального взгляда, и пробормотал:

— Если б я знал, что вы привезёте такое чудо, доктор, я б не стал так напрягаться... Ты позволишь поцеловать твою руку, ангел? К тебе просто страшно прикоснуться...

— Не бойся, — улыбнулась я и протянула ему руку. — Кто-то из наших уже здесь?

— Угадай...

Я обернулась и посмотрела вокруг. Все гости были в масках. Моё упущение... Я достала маску, украшенную лебяжьим пухом и жемчужной пылью и надела её. Джулиан мрачновато усмехнулся и надел чёрную маску, идеально повторяющую рельеф лица. Я невольно

задержала на нём взгляд. Можно было ожидать, что в довольно простом тёмном костюме он затеряется среди яркой праздничной толпы, но он, как всегда, всё рассчитал верно. Его изящная чёрная фигура выделялась среди буйства красок и притягивала взгляд. Блестящие чуть раскосые глаза в прорезях маски цепко оглядывали лица людей, словно он выбирал жертву. Я заметила, что и Эдди смотрит на него внимательно и слегка настороженно.

— С чего вам взбрело в голову одеться дьяволом, МакЛарен? — неожиданно спросил он.

Джулиан резко развернулся, и на его губах появилась странная полуулыбка.

— С чего вы взяли, советник? Ведь у меня нет ни рогов, ни копыт.

— Это итак видно, — проворчал Эдди. — На вас уже обращают внимание, причём не меньше, чем на Лору. Хотя, не удивительно. Вы сильно заинтриговали наших дам.

Я тем временем вернулась к разглядыванию гостей, пытаюсь отыскать знакомых. Очень скоро я увидела с другой стороны фонтана колоритную пару: златокудрого Апполона в золотых доспехах и рядом с ним черноволосого человека в изысканном костюме времен Ренессанса, отделанном мехом леопарда.

— Двоих нашла, — пробормотала я, опуская взгляд в зал. — Ещё двое.

Среди гостей выделялись красивый мускулистый блондин в костюме Хи-Мена, в компании с изящной гейшей в разноцветном кимоно и цветами сакуры в высокой причудливой причёске.

— А вот и ещё один, — произнёс Джулиан, и я невольно обернулась, потому что в его голосе прозвучало мрачное удовлетворение.

Внизу, чуть в стороне от фонтана стоял высокий мужчина в красном костюме палача и, гордо вскинув голову, смотрел на нас.

— Вы с ним стоворились? — поинтересовался Эдди, хмуро взглянув на Джулиана.

— Он может сколько угодно возражать, но у нас есть что-то общее, — надменно усмехнулся Джулиан и, взяв с подноса промелькнувшего мимо эльфа бокал шампанского, приподнял его, глядя на Хока в костюме палача.

Бал начался, и вскоре гости рассредоточились по дворцу. Всё новые группы людей и существ в ярких причудливых нарядах вливались в зал с улицы, но места хватало всем. Мы с Джулианом покружились несколько туров вальса по залу, но вскоре мне надоело, что все тарашатся на меня и пытаются ущипнуть за крыло.

— Пойдём поищем более тихое место, — предложила я, и Джулиан, молча улыбнувшись, взял меня под руку.

Мне нужно было догадаться, что его костюм предназначался если не мне, то кому-то другому, у кого могли возникнуть ассоциации с демоном. А значит, наивно было полагать, что мой возлюбленный посвятит этот вечер всецело мне. Нет, если б я потребовала, то возможно, он бы и оставил эту затею, хотя вряд ли. Может, он и не был дьяволом, но и ангелом его не назовёшь.

Мы прошли по шумным залам. Я мельком видела каких-то диковинных зверей, низвергавшийся с потолка звёздный водопад, танцы удивительных существ, похожих на выточенных из сердолика египетских богов. Ещё что-то, что промелькнуло мимо, едва успев слегка удивить. И весь шум и сияние остались позади. Мы шли по анфиладе тихих комнат, куда редко заходили гости. Здесь в сумраке мягких драпировок, под звон маленьких фонтанов можно было присесть и просто поговорить, но Джулиан вёл меня дальше.

Анфилада закруглялась и снова приближалась к шумным залам, где шумел и веселился карнавал. Внезапно распахнув двери одной из боковых комнат, он увлёк меня в полумрак большой гостиной, стены которой были затянуты узорчатым шёлком, а у стен и в центре стояла причудливая мебель в стиле рококо.

Сбоку слегка потрескивал дровами растопленный камин, а на столиках стояли бокалы с шампанским и подносы с закусками. Лучше места для уединения было б не найти, если б в этом месте уже не уединились двое.

— Простите, мы не хотели вам помешать, — воскликнул Джулиан, когда юная Ундина в голубом платье и зелёном венке вспорхнула с колен сказочного короля.

Но Ундина уже распахнула противоположную дверь и со смехом скрылась в водовороте танцующей публики. Король печально посмотрел ей вслед и поднялся со стула.

— Ерунда, не извиняйтесь, — проговорил он. — Моё место среди гостей, а не здесь.

— Кстати, где эта прорицательница? — поинтересовался Джулиан, закрывая дверь, в которую мы вошли, и задергивая портьеры. Самое занятное, что после этого он переставил туда один из стульев, из-за чего дверь стала совсем незаметной.

— Уже здесь, — недовольным тоном сообщил Эдди. — Наверняка охмуряет какого-нибудь старикашку с платиновой кредиткой. Но если увидит меня, то разом примчится.

Он вышел на порог комнаты и посмотрел в зал, потом махнул кому-то рукой и вернулся.

— Зачем она вам, доктор?

Джулиан азартно улыбнулся.

— Хочу проверить её на прочность.

— Тогда я останусь, — проговорил Эдди. — Должен же и у меня быть сегодня праздник.

В зал вошли Хи-Мен и гейша. Гейша, как водится, кинулась меня обнимать и при этом даже не запачкала белой краской, покрывавшей её лицо. Хи-Мен улыбнулся.

— В следующий раз можешь позаимствовать золотой нагрудник у Терренса, — предложил он. — Огненный меч у тебя уже есть.

— Я подумаю над этим, — пообещала я, отходя в сторону.

Наверно, прекрасная Азми аль-Саах не видела меня, потому что, влетев в гостиную и обернувшись, вдруг испуганно отшатнулась. А я подумала: если я сегодня такая красивая, чего от меня все шарахаются?

— Простите, — произнесла она низким загадочным контральто с едва уловимым арабским акцентом. — Мне показалось...

Последовала многозначительная пауза.

— Вам не показалось, — с таинственной улыбкой произнёс Джулиан, делая ей навстречу несколько шагов. Лёгкий наклон головы и пристальный изучающий взгляд. Он что, репетировал перед зеркалом?

Азми Аль-Саах обернулась и замерла, внимательно глядя ему в лицо. Она действительно была очень красивой женщиной неопределенного возраста. Высокая, с тонкой талией, широкими, задрапированными в полупрозрачные звёздчатые шароварчики бедрами и длинными ногами, она стояла прямо, выставив вперёд красиво очерченную грудь и высоко подняв подбородок, чтоб подчеркнуть плавные линии стройной шеи. Её лицо было прекрасным и никаким, как лицо красавицы на рисунке из книжки стихов восточных поэтов. Чёрные глубокие глаза искусно подведены, маленькие, как лепестки розы, губы покрыты карминовой помадой, на высоких скулах лёгкая тень румянца, или скорее перламутровых

румян. Маленькая чалма из белой парчи с высоким пером спереди и две длинные чёрные косы, как змеи, висящие почти до колен.

Она не сводила взгляда с Джулиана, а он с хищной полуулыбкой разглядывал её, чуть прищурился.

— Кто вы? — спросила она своим низким голосом.

— Скажите вы мне... Ведь вам известно всё, — произнёс он.

Она подошла ближе и заглянула ему в глаза с любопытством и ужасом.

— Не может быть... — прошептала она. — Лёд и пламя, свет и тьма в одном сосуде... И века тоски и боли позади...

— А впереди? — спросил он.

— Беда... — выдохнула она.

— Всё ясно, — кивнул он и отошёл.

— Это правда? — поинтересовался у него Джерри Торранс, снимая маску.

— Кто знает, — усмехнулся Джулиан и обернулся к ней. — Как избежать беды и для кого это беда?

— Туманно всё... — она опустила голову и вздохнула. — Я помню много... Жизнь бесконечна, вечность как проклятье... Бессмертие — удел немногих, но для любого он лишь пытка. Блужданье по дорогам, реки крови и одиночества печать... Кому ни служишь, всё едино...

Она обернулась и исподлобья взглянула на меня.

— Я вижу, что дорога ваша не привела вас к счастью. Так какая разница, за что сражаться? Вас тоже мучит жажда... Пусть, иная.

Джулиан тем временем отошёл и выглянул в зал, потом вернулся, приблизился к прорицательнице и, взглянув ей в глаза, произнёс негромко:

— Тумана слишком много...

После чего отошёл к камину. Она напряжённо смотрела ему вслед.

— Я знаю как помочь вам, пилигрим... Доверьтесь мне, и я открою тайну, которая покрыта покрывалом бессчётных лет и тысячи смертей. А вы взамен откроете мне то, что вам известно.

— А, может быть, меня расспросишь ты о тайне? — поинтересовалась я, делая к ней шаг. — Я тоже знаю много, вот увидишь. О бесконечности и о конце я знаю, и о начале, что в конце конца любого.

— Ты знаешь не о том... — проговорила она, отступая. — Есть без начал концы. О них ему известно.

Она снова взглянула на Джулиана.

— Цирк, — раздалось от дверей, и бедненькая Азми Аль-Саах очень непоэтично взвизгнула и отскочила к камину, шарахнувшись от внушительной фигуры в красном.

Слава звёздам, нынче шарахаются не только от меня. А эта поэтесса что-то больно уж пуглива. Хок тем временем снял маску палача и поклонился.

— Извините, что испортил спектакль.

— Испортили, Хок, — вздохнул Эдди. — Что верно, то верно... Ну, да что с вас возьмёшь... Пойду к гостям.

— Не торопитесь, — улыбнулся Джулиан, подходя к Хоку. — Здесь ещё не все спектакли закончились. Не хочешь узнать своё будущее у прорицательницы, Рауль?

Хок вздрогнул от неожиданности, а Джулиан усмехнулся.

— Прошу прощения, я оговорился. Вы мне напомнили другого человека. Так как насчёт будущего, командор?

— Я знаю своё будущее, — ответил тот. — И твоё тоже...

— Ну-ка, ну-ка... — Джулиан прищурился и закусил губу.

— Я вызываю тебя, — негромко произнёс Хок. — Завтра ночью. На рапирах.

— Вызов сделан не по правилам, и я его отклоняю... — спокойно проговорил Джулиан, потом виновато улыбнулся и добавил: — К тому же я не умею драться на рапирах. Из колюще-режущих предметов я владею только скальпелем.

Хок пристально смотрел ему в глаза.

— Что значит твой костюм? — неожиданно спросил он.

— Я прочёл о нём в одной книге.

— В какой книге?

— Старой... Про одного рыцаря, который жил когда-то очень давно. И с ним однажды произошла одна история...

— Я знаю эту историю, — перебил его Хок.

— Неужели?

— Может, расскажете? — поинтересовался Эдди.

— Может быть, — кивнул Хок и посмотрел на меня. — Это очень давняя история. Она произошла с одним французским рыцарем. Однажды он ехал в свой замок и, проезжая лесом, услышал мольбу о помощи. Естественно, он поспешил на зов и, выехав к реке, увидел на мелководье человека, которого придавило камнем. Он откатил камень и вытащил несчастного, он перевязал его раны и пригласил в свой замок. Незнакомец назвался Кратегусом. Есть такое латинское слово, которое переводится как «боярышник». Так вот, он привёз гостя в свой замок, принял его со всем гостеприимством, накормил ужином и уложил спать в комнате для гостей. А утром, — он снова перевёл взгляд на Джулиана, — он обнаружил, что вся его семья, его жена, двое детей, мать, отец и младший брат мертвы. Они умерли от чумы. Вместе с ними умерли слуги и даже собаки на псарне. Жив остался только он. И тот, кого он привёз в свой дом. Незнакомец, назвавшийся Кратегусом, стоял на башне и с усмешкой наблюдал, как мечется по замку убитый горем рыцарь, а потом объяснил, что оставил ему жизнь только в благодарность за его гостеприимство. После этого он превратился в отвратительное исчадие ада с крыльями летучей мыши и улетел. Как тебе эта история?

— Я имел в виду другую, — вежливо покачал головой Джулиан, — хотя, о том же герое. Ту, в которой тот самый рыцарь бежит из берберского плена и, заблудившись в пустыне, вдруг неожиданно попадает на развалины какого-то селения. Спасаясь от жары, он забирается в руины и точно так же, как в твоей истории, слышит мольбу о помощи. Правда, на этот раз он услышал женский голос. Он спускается в подземелье, отодвигает каменную плиту и видит... Конечно, как и положено в сказке, девицу красоты неземной, да к тому же прикованную к стене. Он, естественно, освобождает её, выносит на руках наверх и вливает в её рот последнюю оставшуюся у него воду... Девица оживает и... Вот такая трогательная история припомнилась мне.

— Вы её не закончили, — усмехнулся Джерри. — Что было дальше с рыцарем и девицей?

— Конец слишком неправдоподобен, — обернулся к нему Джулиан. — Девица обернулась белой верблюдицей и умчалась в пески, оставив своего спасителя умирать от

жажды...

— У нас прямо вечер сказок, — покачал головой Эдди. — Тысяча и одна ночь. К чему вот только...

— К чему Хок, не знаю, — пожал плечами Джулиан. — А я к тому, что детские сказки должны оставаться в детстве, опасно тащить их во взрослую жизнь, и для себя, и для окружающих. Ты до сих пор считаешь себя Раулем де Мариньи, Хок?

Хок резко обернулся к нему.

— Откуда тебе известно это имя, если ты...

— Не он? — подсказал Джулиан. — Из книги, как я и говорил, — он достал из кармана маленький потемневший от времени томик и раскрыл его. — «Подлинная и печальная история благородного рыцаря Рауля де Мариньи, по прозвищу Ястреб, рассказанная его сестрой Жюстиной»... Конечно, занятно воображать себя героем. Тем самым, любимцем женщин и командиров, грозой берберов и гугенотов, отважным бретёром, которого прозвали Ястребом за его стремительность и железную хватку. Но, ей-богу, Хок, всему свое время. То, что в юности — романтика, в зрелости, простите, паранойя.

Он подошел к столику и бросил книжицу на стол рядом с хрустальными бокалами.

— Возьмите её, думаю, что вам она нужна больше, чем мне. Я её уже прочёл.

Эдди взял книгу, осмотрел переплет, поднёс к уху и провёл пальцами по страницам, прислушиваясь к их шелесту, потом открыл и погладил пальцами бумагу.

— МакЛарен, это же подлинное французское издание начала семнадцатого века! Вы собираетесь подарить ему целое состояние.

— Подлинное, — кивнул Джулиан. — И единственное, поскольку больше эта книга не переиздавалась, насколько мне известно. В ней слишком много нравоучительных отступлений и детских выдумок, чтоб заинтересовать кого-то всерьёз. За исключением мистера Фалько.

— Ты полагаешь, что я сумасшедший? — мрачно спросил тот.

— Я не эксперт по психическим заболеваниям и не могу поставить диагноз, — раздражённо произнёс Джулиан. — Но могу сказать, что у вас есть проблемы, и вам нужно обратиться к специалисту. Мне очень жаль, что этот разговор состоялся в присутствии посторонних, но ваше поведение вызывает у меня серьёзные опасения.

— Поэтому вы скопировали костюм этого незнакомца по имени Кратегус? — спросил Эдди, глядя в раскрытую книгу. — Про наплечник и медальон тут действительно написано.

— Это была глупая шутка, и я прошу за неё простить. Просто мне надоело выслушивать угрозы в свой адрес, не понимая в чём дело. Теперь я знаю.

Эдди подошёл к Хоку и протянул ему книгу.

— Мне очень жаль, Хок.

Тот взял книгу и посмотрел на меня. Где-то в глубине его глаз полыхало отчаяние.

— Я не сумасшедший... Я ничего не знал о книге.

Я обернулась к Джулиану, чувствуя, как во мне закипает злость.

— Может, объяснишь, как ты увязал эту книгу с Хоком, если это издание, действительно, такая редкость?

— Ты сама навела меня на мысль, — пожал плечами он. — Это ты сказала, что кинжалы швейцарских пехотинцев обычно не украшались подобным образом. В книге написано, что после разговора с некой гадалкой в Лиссабоне, открывшей ему, кто его враг, Ястреб заказал надпись на своём кинжале — строку из 22 псалма. Ту самую строку. Я хотел

проверить свою догадку и, кажется, не ошибся...

— Ты закончил? — поинтересовалась я.

— Извини, — вздохнул он. — Я не хотел превращать этот разговор в фарс. Так получилось, — он посмотрел на Эдди, Джерри и Джиао. — Я надеюсь, что это всё останется между нами.

— Какая забота о моей репутации... — проговорил Хок. — А теперь мне, наверно, лучше убраться с этой планеты, верно, доктор МакЛарен? Ведь вы совершенно случайно разыграли этот спектакль в присутствии зрителей, среди которых... — он бросил быстрый взгляд на меня, — мисс Бентли.

— Вы полагаете, что я сделал это намеренно? Но ради чего? Страх? Ревность?

— Жестокость, МакЛарен. Только она.

— Так, прекратите! — не выдержал Эдди. — МакЛарен, уймитесь для начала вы! Вам уже удалось испортить нам вечер. И вы, Хок, успокойтесь. Ваши проблемы и фантазии никого здесь не интересуют. Разбирайтесь с ними сами. И не в моём доме.

— Простите, Грандер, — проговорил Джулиан и отошёл. Он остановился у окна.

Хок стоял, опустив голову. Эдди раздражённо передёрнул плечами и посмотрел на меня. Он хотел что-то сказать, но в этот момент раздался знакомый зуммер. В следующую секунду коммуникатор уже был возле его уха. Понятия не имею, где он его прячет и как умудряется так стремительно выхватывать.

— Нет, Парсонс, не сейчас! — неожиданно простонал он. — Ладно, хорошо... я обещаю.

С досадой нажав на кнопку, он выключил связь и измученно взглянул на меня.

— Сегодня не мой день, крошка...

— Что случилось?

— Один старый дурак достаёт меня своими требованиями. Сегодня утром он прислал мне серёжку с бриллиантом и требует, чтоб я её продал. За тридцать тысяч кредов. Столько не стоит даже кольцо из бриллиантов!

— Смотря какое, — возразил Джерри. — Что за серёжка?

— «Альдерамин», — недовольно буркнул Эдди и в тот же миг Джулиан резко обернулся.

— Вы сказали «Альдерамин»? — взволнованно переспросил он. — Как она выглядит?

— Обычно... — озадаченно произнёс Эдди и полез в карман. Достав небольшой футляр, он открыл его и протянул Джулиану.

Тот буквально выхватил его из рук и поднёс к самым глазам.

— «Альдерамин»... — прошептал он.

— Ну да, — пожал плечами Эдди. — Якобы старинная мужская серёжка, сделанная где-то на Аравийском полуострове, чёрт знает в каком веке, в виде ладони правой руки, которая держит бриллиант величиной в 0,27 карата...

— Я беру её, — проговорил Джулиан.

— Вы что, не в себе сегодня? Сперва кидаетесь книжными раритетами, потом покупаете за бешеные деньги какую-то побрякушку, которой красная цена пара тысяч...

— Её ценность не в материале, из которого она сделана, — пробормотал Джулиан, проводя пальцами по тому, что лежало в футляре.

— Дайте сюда, — Эдди отобрал у него футляр. — Условие продавца: сначала деньги, потом — товар.

Джулиан, не отрываясь, смотрел, как он прячет футляр в карман. Он был слишком встревожен и даже растерян. Я подошла к нему и положила руку ему на плечо. Он вздрогнул и обернулся. Я с тревогой увидела, как его зрачки расширились.

— Что с тобой? — пробормотала я. — Это же подделка!

— Нет, — прошептал он, отводя взгляд. — Она настоящая...

И в этот миг зазвонил его коммуникатор. Он не сразу смог его найти, сунув руку туда, где носил обычно, и только потом сообразил, что на нём другой костюм. Поднеся его к уху, он произнёс, хриплым голосом:

— МакЛарен... Нет, командор, я не сплю... Это так срочно? Да... Да... Я еду. Уже еду, да... — сунув коммуникатор в карман, он проговорил: — Срочный вызов. Звонил командор Ордена. Я должен ехать...

Его голос был слабым, и он выглядел больным. Я с тревогой вцепилась ему в руку. Он посмотрел на меня, нагнулся, и вдруг его глаза сверкнули.

— Всё будет хорошо, — шепнул он и поцеловал меня в щёку, а в следующий момент его губы скользнули к моему уху. — Всё в порядке, — выдохнул он, — но ради Бога, не мешай. Завтра я целый день буду вымаливать у тебя прощение, стоя на коленях. Клянусь...

И развернувшись, пошёл к дальней двери. Я провожала его мрачным взглядом. На ходу, он бросил Эдди:

— Завтра я приеду за ней с деньгами.

Потом отодвинул стул, отдернул портьеру и, распахнув дверь, вышел в анфиладу комнат. Чёрт возьми! Я знаю, что он никогда не был беленьким и пушистеньким, но его выходки начинают меня сильно доставать!

— Покажите-ка серьгу, Грандер! — проговорил Хок, протянув руку Эдди.

Тот взглянул на него с мрачным подозрением, но снова достал коробочку. Хок какое-то время с интересом разглядывал серьгу. Я подошла. Он повернулся, чтоб мне было удобнее, и поднёс футляр ближе. Ничего особенного в серёжке не было. Правда, камень красивый.

— Симпатичная... — заметил он. — Мне пойдёт?

Я посмотрела на него. Взгляд его был весёлым и злым. Я догадывалась, кому адресовалась его злость. Тому же, кому и моя.

— Если она называется «Альдерамин», то она не старинная, — для очистки совести произнесла я. — И она не стоит тридцать тысяч.

— А сорок? — поинтересовался он, потом посмотрел на Грандера. — Звоните своему старику. Я беру её за сорок тысяч кредов. Деньги будут через час.

Эдди устало посмотрел на меня, потом на Джерри, пожал плечами и вытащил из кармана коммуникатор.

Я была на него зла и не хотела видеть. Вообще. Я призналась ему в любви, а он тут же испортил мне праздник. Он затеял какую-то странную игру и выставил сумасшедшим моего будущего старпома. Я и сама на какой-то момент усомнилась в его вменяемости, так ловко эта бестия уложила карты. В конце концов, мне известно, что космос здорово влияет на психику и не в лучшую сторону. Центр психической реабилитации Земного космического флота всегда забит под завязку героями космоса. Я даже не знаю, почему Хок на самом деле ушёл в отставку.

Но потом я посмотрела на Хока и подумала, что он не менее нормален, чем я. Просто он попался в сети весьма опытного ловчего. Что ж, тебе урок на будущее, не будешь

распускать язык при посторонних.

А вот Джулиан явно заслуживал наказания. Я даже хотела отправить ему сообщение, что явно погорячилась с признанием, но потом просто велела Кингу, если доктор придёт или позвонит, сказать ему, что меня нет. В смысле нет дома, и сегодня не будет. А, может, и завтра... Но он не пришёл и не позвонил. И я подумала, что днём на коленях он после этого точно не отделается.

Но потом мне стало грустно и одиноко... И мне просто захотелось услышать его голос. Я позвонила в миссию, ему домой, во все клиники, где он принимал пациентов. Его нигде не было. Его коммуникатор не отвечал. Чувствуя смутную тревогу, я позвонила в отель «Плаза», но мне сказали, что мистер Фалько ушёл вскоре после того, как к нему приходил посетитель, и больше не возвращался. Я спросила, как выглядел этот посетитель, и портье очень точно нарисовал мне портрет Джулиана.

Положив трубку, я посмотрела на часы. Близилась полночь...

МакЛарен пришёл в отель «Плаза» около шести. Поднявшись на нужный этаж, он подошёл к двери номера и постучал. Хок открыл почти сразу и, с улыбкой взглянув на мрачного посетителя, посторонился, впуская его в гостиную.

МакЛарен вошёл и осмотрелся по сторонам, потом обернулся к Хоку, наблюдавшему за ним с усмешкой.

— Чему обязан, доктор? — поинтересовался тот и прошёлся по ковру до окна, за которым уже серел пасмурный вечер.

— Где «Альдерамин»? — резко спросил МакЛарен. — Эта вещь принадлежит мне, и ты её отдашь.

— С какой стати? — обернулся к нему Хок. — Я её купил, и она моя.

МакЛарен странно улыбнулся и покачал головой.

— Ты не понимаешь. Это необычная вещь. Она может быть опасна в руках несведущего человека. Тебе лучше вернуть её...

— Иначе что?

— Иначе... — МакЛарен вздохнул и бросил долгий взгляд в сторону окна. — Большой город... Много людей, дети, старики, женщины, мужчины... Далеко не все они, подобно тебе, обладают врождённым иммунитетом. Ты не слышал, что случилось несколько лет назад, когда среди местных фергов началась странная эпидемия? Остров блокировали. Никого не выпускали и не впускали. Никто не торопился на помощь... Все с интересом наблюдали, как здесь гибнут живые существа... А их здесь много... — он с улыбкой взглянул на Хока. — Если б ты видел, какая скученность в трущебах Эйка. Полная антисанитария... Только брось спичку и этот город загорится, как куча хлама. Ты понимаешь, о чём я?

— Ты всегда получаешь то, чего хочешь, верно? — прищурился Хок. — Ладно. Я отдам тебе эту серьгу, но не здесь. Скажи мне, как сделать вызов по правилам?

МакЛарен усмехнулся.

— Похоже, я, действительно, всегда получаю то, что хочу. Вызов должен содержать имя вызывающего, имя вызываемого, время и место. Выбор оружия за мной.

— Хорошо, я, Родольфо Фалько, вызываю тебя, демон Кратегус, на поединок. Сегодня в полночь во дворе заброшенного дома на Левен Роуд, 17.

— Кинжалы, — негромко произнёс МакЛарен. — Так тебе будет удобнее. Но будь осторожен и очень внимателен. Я не всегда соблюдаю правила игры.

Развернувшись, он направился к выходу. Положив руку на ручку двери, он на мгновение замер и обернулся:

— Будь настороже...

И распахнув дверь, быстро вышел.

Хок напряжённо смотрел ему вслед, потом запер дверь и сел в кресло рядом, опустив голову на сведённые ладони. Этой ночью всё решится. Этой ночью он сможет, наконец, поставить точку в бесконечном круговороте лет, завершить то, что было начато когда-то, но им или нет, он сам не понимал. Что-то вело его, мучило неясными воспоминаниями, непонятной тоской, внезапно сжимающей сердце болью. Может, он, и правда, не в себе? И всё это странный бред? Он бросил взгляд на маленькую коричневую книжицу, лежавшую в углу дивана. Ведь она не могла быть о нём. И женщина, написавшая её, не могла быть его сестрой. Но где-то в сердце жила уверенность, что это он, он вернулся снова, чтоб закончить то, что не мог закончить уже трижды, чтоб уничтожить то, что он невольно освободил, когда его доброта обернулась злом для многих. Дорога в ад вымощена благими намерениями. И он в аду. Но есть шанс всё исправить. Нужно только победить на этот раз.

Он поднялся и снова подошёл к окну. Что-то было не так... И в демоне, и в нём. Он знал, он сердцем чувствовал, что не ошибся. В этом хрупком человеке с загадочной полуулыбкой скрывалось то зло, которое он призван уничтожить. Но как странно звучало на его устах забытое имя. Рауль... Оно ласкало слух, и голос, его произносящий, казалось, был наполнен странным теплом и скрытой печалью. Рауль... Как давно его так не называли.

И почему он так настойчиво советовал быть настороже? Он хочет быть побеждённым? Он устал? Или действительно влюбился в неё? Хок вздохнул. Конечно, как же... Скорее небо рухнет на землю, и снег растает на вершине Килиманджаро. Он просто уверен в себе и не сомневается, что снова уничтожит навязчивого противника. И хочет развлечься настоящей дракой. А потом поедет к ней...

Как глупо... Хок вздохнул и покачал головой. Позволить высечь себя как мальчишку на глазах у этой женщины. Она теперь считает его сумасшедшим. В её взгляде было столько сочувствия. И как можно разубедить её? С точки зрения любого нормального человека он — безумец со странными фантазиями. Здесь не поможет даже вера в реинкарнацию. Потому что этого просто не может быть.

Ну и чёрт с ним... Главное закончить сегодня дела. А потом махнуть дальше по Вселенной. И сменить имя, чтоб никто не узнал, кем он был. Странная тревожная догадка мелькнула где-то в голове и тут же исчезла.

— Рауль де Мариньи по прозвищу Ястреб! — произнёс он, взглянув в большое зеркало, и отвесил изысканный поклон своему отражению. — Пора, мой друг... Нас ждут великие дела.

Но сердце болезненно сжалось, когда он выходил из номера. Тревога, тоска и беспредельное одиночество заполнили душу. Как трудно быть одному...

Он приехал в Эйк, когда сумерки уже сменились темнотой. Тяжёлые тучи, нависшие над городом, ускорили наступление ночи. Пронизывающий ветер и морозящий дождь очистили и без того пустынные улицы, а редкие прохожие испуганно шарахались в подворотни, завидев вдалеке его внушительную фигуру. Он приехал пораньше, чтоб осмотреться, но смотреть было не на что. И двор, и старый, полуразрушенный дом были пусты. Вокруг безлюдно и тихо, только ветер свистит в щелях.

Он ушёл и снова бродил по улицам, раздумывая о чём-то и пытаясь настроиться на главный поединок в своей жизни. Но всё было не так. И всё те же тревога, тоска и одиночество выхолаживали сердце. И ветер, наконец, пробрал до костей, заставив поёжиться от холода. Ригорский плащ уже не спасал.

В полночь он подошёл к мрачной арке подворотни и, достав из ножен кинжал, стиснул затянутой в перчатку рукой удобную рукоятку. На мгновение задержав дыхание, он вошёл в темноту. Его слух обострился, и глаза, быстро привыкнув к темноте, выделили смутные очертания предметов, какой-то рухляди у стен, смутный блеск грязной земли под ногами. Прислушиваясь не только ушами, всей кожей, как учили его в десанте, он шёл вперёд, готовый ко всему.

Там, куда он направлялся, уже светлели более яркие очертания покосившихся стен и сорванной, едва держащейся на одной петле двери. В чёрном проёме что-то мелькнуло, и он ускорил шаг. Выйдя во двор, он замер, вглядываясь в тёмный прямоугольник впереди, и чуть не упустил странный мягкий звук наверху.

Плотное чёрное полотно накрыло его с головой, он почувствовал ту самую жуткую неживую энергию, услышал хриплый сосредоточенный шёпот и холод у горла, а потом боль от вонзившихся в его шею зубов. Он уже успел собраться, но внезапное оцепенение мешало ему. Ноги приросли к земле, а руки отяжелели. До боли стиснув зубы, со стоном, едва не с криком, он разжал занемевший локоть и не ударил, а скорее вдавил остриё кинжала в чёрную упругую темноту.

Оглушительный визг на высокой ноте заставил его рухнуть на колени и зажать уши ладонями. Но визг стих и что-то чёрное кучей тряпья упало на землю рядом с ним. Нащупав возле колена кинжал, Хок рывком поднялся и пошёл к дверному проёму, где видел смутное движение. Идти было трудно. По шее на грудь стекала кровь. Уже войдя в подъезд дома, он внезапно пошатнулся и прислонился к стене, переводя дух. Перед глазами потемнело, и это была не просто темнота. Он чувствовал, что вот-вот потеряет сознание, но смутный шорох наверху, заставил его очнуться. Посмотрев наверх, он увидел замусоренную лестницу, несколькими пролётами поднимающуюся на верхние этажи. С силой оттолкнувшись, он начал взбираться по ступеням, опираясь одной рукой на стены, а другой — сжимая кинжал.

Подниматься на Килиманджаро было легче. Он шёл, с трудом переставляя ноги, а перед глазами голубело небо, и белел чистейший снег. Маячила яркая куртка идущего впереди товарища, и чей-то смех звучал в ушах. И он сам смеялся... Только ноги вдруг одеревенели, и он привалился к стене, упершись в ветхую деревянную дверь. Толкнув её, он увидел несущиеся на него тучи. Ветер швырнул в лицо пригоршню ледяных капель. Казалось, он прилип к стене, словно она была намазана клеем. С трудом отодвинув её от себя, он шагнул на крышу, запнулся и кувырком покатился вниз, по скользкому пологому скату.

Удар о кромку крыши и боль в плечах. Он почти инстинктивно уцепился за край ограждения и повис над улицей. Его руки ещё лежали на мокрой растрескавшейся черепице, немеющие пальцы намертво вцепились в холодную перекладину, к которой когда-то были приварены перила. Он держался. От ощущения опасности и холода он снова пришёл в себя и понял две вещи: он потерял кинжал и выбраться на крышу он уже не сможет.

Подняв глаза, он измученно взглянул на бегущие по небу тучи, чувствуя, как нудная боль растекается по мышцам, и слабеют заледеневшие пальцы. Он опять проиграл.

— Ах, Рауль... — раздался сквозь вой ветра и стук капель по крыше негромкий печальный голос. — Сколько раз тебе говорили, Кратегус — не твой противник. Тебе

никогда не победить его.

МакЛарен показался из темноты и остановился на краю крыши, сунув руки в карманы. На нём была тёмная куртка с поднятым воротником, и он так же, как Хок недавно, ёжился от холода. Осторожно опустившись, МакЛарен присел на мокрую черепицу боком к Хоку, который с ненавистью смотрел на него, но уже ничего не мог сделать.

— Я вернусь снова... — прорычал Хок сквозь стиснутые зубы.

МакЛарен покачал головой.

— Боюсь, что нет. Ты сделал то, что должен был сделать. Круг завершён. Рауль де Мариньи по прозвищу Ястреб закончил свою работу и может умереть. Навсегда... Возможно, ты вернёшься, но ты уже ничего не будешь помнить. Ты будешь другим, Рауль. Может быть, будешь другой... Я в чём-то завидую тебе. Иногда хочется покоя и забвенья...

Хок застонал, почувствовав, как дрогнули и заскользили по холодному металлу немеющие пальцы.

— Печально... — вздохнул МакЛарен. — Как жаль, что я не знал тебя раньше. Всё могло быть иначе... Это так несправедливо.

Он пристально всмотрелся в бледное лицо Хока и огляделся по сторонам, словно искал что-то, потом безнадежно покачал головой.

— Я не могу помочь тебе. Понимаешь, Рауль, существует закон, согласно которому, если ты должен что-то совершить, то тебе придётся это сделать. Не увильнешь, не спрячешься. Даже смерть не освободит тебя от обязанности исполнить твой долг. Раз за разом судьба будет выставлять тебя на ристалище... Но если ты всё сделал, ты имеешь право на покой, на спасение души и начало новой жизни. Без прежней боли, без обязанности платить за прошлые грехи и ошибки. Раньше я думал, что именно так должно быть. Я злился, что мне отказано в этом. А теперь я смотрю на тебя и думаю: может, я был не прав? Может, продолжать жить, это не проклятие, а что-то другое? Может, это надежда?

Хок стиснул зубы и застонал. Пальцы предательски дрожали.

— Тебе придётся умереть, — проговорил МакЛарен, с жалостью взглянув на него. — Это по правилам. Перестань сопротивляться, и твои мучения закончатся. В этом высшая справедливость... Но чёрт возьми, это несправедливо!

С последними словами, он вдруг ухватился одной рукой за перекладину и, резко нагнувшись, вцепился другой в ослабевшую руку Хока именно в тот момент, когда тот готов был сорваться вниз.

Рванув его навверх, он с удивительной лёгкостью вытащил отяжелевшее тело на крышу. И Хок, уже теряя сознание, почувствовал глухой удар о битую черепицу.

Он очнулся минуту спустя и, открыв глаза, увидел застывшие над ним тучи, среди которых вдруг мелькнул огонёк. Звезда, маленькая, белая, неузнаваемая, но прекрасная и далёкая, как его Космос, Космос который всегда манил его. Хрипло вздохнув, он с нежностью смотрел на маленькую белую точку, как на последний привет своей самой великой любви...

Тучи сомкнулись, и он устало вздохнул. Он лежал на спине возле покосившейся надстройки на крыше. МакЛарен стоял рядом с ним на коленях и, нагнувшись, осматривал его шею. Заметив, что его глаза открыты, он опустил плечи и присел на пятки. Покачав головой, он проговорил:

— Прости, но у тебя нет шансов. Наверно, ты действительно завершил круг. Ты потерял чересчур много крови, карабкаясь по этой чёртовой лестнице. Рана воспалена, но куда хуже

то, что через неё в твоё тело попал яд, который уже начал убивать тебя. Твой организм обессилен и не может справиться с ним. Слишком поздно... Какого чёрта ты вообще полез сюда? Неужели нельзя было уделить минуту, чтоб завязать чем-нибудь шею и хотя бы остановить кровь! Тебя же учили этому!

Ярость и боль, прозвучавшие в голосе МакЛарена, заставили Хока более внимательно взглянуть на него. Бледное лицо отчаявшегося мальчика не могло быть лицом демона. Он ошибся. И это стоило ему жизни.

— Я умру... — прошептал он.

МакЛарен отвернулся, но что-то упрямое было в наклоне его головы. Когда он снова взглянул на Хока, его глаза мерцали чёрным огнём.

— Это несправедливо, — повторил он. — Я знаю, что это несправедливо. Значит, это знает и Он. Молись, Рауль. Молись, как молился всегда, и пусть Господь услышит твою молитву.

Он приподнялся и сложил ладони перед грудью. Тихо, чётко и настойчиво зазвучал в тишине его голос. Ветер стих и дождь закончился. Даже далёкий гул города отступил, чтоб дать место его словам.

— Господь — Пастырь мой, — слышалось в тишине, — я ни в чём не буду нуждаться. Он покоит меня на златных пажитях и водит меня к водам тихим. Подкрепляет душу мою; направляет меня на стези правды ради имени Своего. Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною...

Как во сне Хок увидел, как между тонкими длинными пальцами сведённых рук замерцало белое сияние, как разомкнулись смуглые ладони, из которых струился свет и приблизились к его лицу. Он почувствовал, как на шею легли две лёгкие ладони, и мир закружился вокруг него голубым водоворотом. Голову стиснуло, и он провалился назад, ничего больше не помня и не ощущая.

Небо сияло над ним яркими звёздами. Он лежал, глядя на них, смутно припоминая созвездия, которые можно видеть в этой части галактики. Как они выглядят отсюда? Неужели, вон та Полярная? Он с обожанием смотрел на яркую белую звезду, сиявшую в столь непривычном окружении. Полярная... Он никогда там не был, но её так хорошо видно с Земли.

Только теперь он понял, что это не сон и не бред. Он всё так же лежал на мокрой крыше возле покосившейся надстройки и смотрел в чистое, заполненное звёздами небо. Рядом был ещё кто-то, и, чуть повернув голову, он увидел у себя в ногах МакЛарена, сидевшего, опершись спиной на дощатую стену и положив расслаблено вытянутую руку на согнутое колено. Его лицо, видимое в профиль, было спокойно, он изредка поглядывал в небо, и безмятежная полуулыбка едва касалась его губ.

— Кто ты? — спросил Хок, но голос прозвучал так слабо, что был почти не слышен.

Тем не менее, МакЛарен услышал и с усмешкой взглянул на него.

— Тот, чью работу ты пытался выполнить всю свою жизнь. Я тот, кто породил демона по имени Кратегус, и тот, кто его поверг. Я его палач, Рауль, и эту работу я никому не уступлю.

— Он убит?

— Он заточён в самом надёжном и самом страшном для него узилище. Там ему хуже, чем было мне в аду. И оттуда он уйдёт только в одну сторону — в небытие. Так что тебе не о

чем больше беспокоиться. Твоя работа выполнена и ты жив.

— Как ты спас меня?

— Это не я. Это ты... И тот, кому угодно, чтоб ты жил. Наверно, ему тоже стало жаль терять такого паладина... — МакЛарен улыбнулся. — Видимо, о Рауле де Мариньи по прозвищу Ястреб написаны ещё не все книги.

— А о тебе?

— Я не герой. Моё дело лечить людей.

Хок снова посмотрел на звёзды.

— Ты меня спас... А если я уведу её у тебя?

Он опустил взгляд и увидел, как помрачнел МакЛарен. Он снова отвернулся и сел в прежней позе.

— Я бы не стал мешать. Но она выбрала меня.

— Тебя это не слишком радует?

— Есть причины...

— Какие?

МакЛарен холодно взглянул на него.

— Не твоё дело.

— Понятно... — Хок улыбался. Он выжил, и над его головой были звёзды. Чего ещё желать? — А почему ты всё время твердишь, что моя работа выполнена? Гадалка сказала, что я должен уничтожить то, что освободил.

— Ты и уничтожил. Плакальщика.

Хок вздрогнул и приподнялся, напряжённо глядя на МакЛарена.

— Но как?..

Тот отмахнулся.

— Потом. Терпеть не могу повторять что-то дважды. Мне придётся объясняться с Лорой, вот тогда и узнаешь. Заодно поработаешь громоотводом, — он внимательно взглянул на раненого. — Да ты, гляжу, вполне очухался. Пошли, я отведу тебя вниз и отвезу к нам в клинику.

— Почему не в отель?

— Потому что у меня нет времени сидеть у твоей постели. Мне не нравится твоя рана, а у нас ты будешь под присмотром... Да ты не смущайся. Там же все свои, сплошь рыцари, — он рассмеялся и, вскочив на ноги, посмотрел в небо и раскинул руки, как крылья. — Звёзды! Наконец-то кончились эти дожди, эта сырость, эта слякоть... И прекратится эта эпидемия простуд, хандры и безнадёжности. Поднимайся, Рауль, мне через сорок минут заступать на дежурство.

Он ловко подхватил Хока под спину и помог подняться, после чего привычно перекинул его руку себе на плечи.

— Для столь сублильного сложения ты довольно силён, — заметил Хок, опираясь на него.

— Потаскал бы ты пациентов, сколько я таскаю... — проворчал МакЛарен, и они, не торопясь, двинулись к двери, ведущей на лестницу.

— Что у нас пишут газеты... — пробормотал Джулиан, стоя возле камина в своей гостиной с планшетом в руках. — «Луарвиг Таймс» сетует, что Плакальщик уже неделю не выходит на охоту и без него стало как-то скучно... «Нуфель де Киот» печатает

познавательную статью о Джеке Потрошителе, проводя некоторые параллели с Плакальщиком, который так же неизвестно откуда взялся и неизвестно куда пропал... Кстати, — он бросил ироничный взгляд на Хока. — Джек Потрошитель не твоя работа?

— Нет, — усмехнулся тот. — Я то ли поспешил умереть, то ли не успел родиться...

— Ясно... Ах, вот! «Вчера во дворе заброшенного дома на Левен Роуд были обнаружены останки странного человекоподобного существа с головой и лапами волка. Эксперт вызванной на место полиции, тем не менее, отверг версию об убийстве, заявив, что останкам не менее тысячи лет, и скорее всего, это мумия из какой-нибудь частной коллекции. Однако заявления о пропаже, либо похищении такого экспоната в полицию не поступали. К сожалению, за то время, что удивительный скелет пролежал в грязи, он начал разлагаться и, по мнению специалистов, не подлежал восстановлению, в связи с чем полицией было принято решение о его утилизации. Мумия волколака была сожжена в городском крематории...»

— Очень мудро, — кивнул Хок.

Он устроился в кресле возле камина с чашкой чая в руках. Я сидела напротив и с интересом наблюдала за ними обоими. Они вели себя как друзья детства, встретившиеся после долгой разлуки. И эта странная перемена в их отношениях вызывала мой живейший интерес. Не меньший, чем повязка на шее Хока. На мой вопрос о ней, он отшутился тем, что бог троицу любит, и больше ничего не сказал.

— Ну, может, ты объяснишь, что всё-таки произошло, и где ты пропадал почти неделю? — поинтересовалась я, взглянув на Джулиана.

— Я работал, — пожал плечами он. — Торчал в клинике круглые сутки. Рауль может подтвердить, верно, Рауль?

— Почему Рауль? — уточнила я.

— Потому что Джулиан, — усмехнулся Хок. — Мы решили перейти на «ты» и называть друг друга по имени.

— Исчерпывающий ответ. Джулиан, ты собираешься рассказать, что произошло?

— Ну... Я помог этому парню, наконец, сделать то, что он должен был сделать, а потом имел неосторожность не дать ему упасть с крыши. За что и расплачиваюсь.

— Поподробнее нельзя?

— Это долгая история...

— Я тебя ещё не простила, — соврала я.

— И ты обещал, — добавил Хок и посмотрел на меня. — Он просто набивает цену.

— Он боится получить по шее, — возразила я.

— Ладно, ладно... — рассмеялся Джулиан. — Я всё расскажу. Похоже, это единственная возможность реабилитироваться перед вами обоими за глупый спектакль в «Короне». Но у меня не было другого выхода.

— Попробуй нас в этом убедить, — предложил Хок.

Джулиан облокотился на каминную полку и посмотрел в огонь, собираясь с мыслями.

— Всё началось после первого убийства, совершённого Плакальщиком, — начал он. — Тогда ещё никто не знал о том, что появился серийный убийца и что он — порождение тёмных сил. В этой истории всё так странно сплелось, что распутать клубок можно было, только имея все карты на руках. И эти карты попали в руки мне, так что я не мог упустить возможность поставить точку в этой странной истории.

Как вам известно, первыми жертвами стали старый цыган-шарманщик и его внучка,

которые выступали на улицах Старого Луарвига. Старик играл на шарманке и продавал билетки с предсказаниями, которые выбирал его попугай, а девочка танцевала... Плакальщик убил девочку на глазах у старика, и у того случился инсульт. Его привезли к нам в миссию, но мы уже ничем не могли ему помочь. Старик умер в первую же ночь. Когда я вошёл в палату, где он лежал, его обтрёпанный попугай сидел на спинке кровати с растерянным и несчастным видом, сжимая в лапке какую-то жёлтую трубочку. Я взял её...

Джулиан достал из кармана скомканный клочок бумаги и протянул мне. Развернув его, я увидела, что на нём аккуратно написано чёрными чернилами:

Cuando esta vivora pica,
No hay remedio en la botica.

— Когда эта живность зудит, в аптеке нет лекарства, — автоматом перевёл Хок, с недоумением глядя на Джулиана. Тот задумчиво взглянул на меня.

— Есть разные переводы этой фразы, например: от этой гадюки нет лекарства в аптеке, — заметила я. — А есть и вовсе поэтичное: «Змеи гремучей страшно жало, но нет лекарства от кинжала». Ты ведь это имел в виду?

— Да, — кивнул он, — и это важно ещё и потому, что когда-то это двустипшие было выгравировано на клинке кинжала. Не знаю, читал ли его тот, кто на самом деле был Плакальщиком, но птичка помогла мне ухватиться за самый кончик, торчащий из этого клубка, потому что именно эти слова я вспомнил позднее, связав их с кинжалом Рауля. Однако это было уже потом. А тогда, в начале, я много думал о Плакальщике, пытался найти какие-то соответствия, подсказки, хоть что-то, что могло бы привести меня к нему. Я чувствовал, что он появился здесь не случайно. Что-то привело его сюда, быть может, что-то, что могло бы помочь уничтожить его. Но всё было тщетно, я не нашёл ни одной зацепки и готов был оставить дело на волю Провидения, когда оно неожиданно привело сюда Хока... Меня удивило его появление здесь. Я порывлся в доставшейся мне в качестве трофея памяти демона и нашёл воспоминания о нём, и твёрдую уверенность, что Хок не является противником Кратегуса. Назойливость то и дело появляющегося из небытия рыцаря удивляла и забавляла демона, но он как-то не задумывался о причинах этой настойчивости. А мне это стало интересно.

Без всякой надежды я однажды сел за компьютер и запустил в ГИКС запрос с именем рыцаря, сохранившимся в памяти демона, и неожиданно получил ответ из Публичной библиотеки города. Именно там, в запасниках оказалась книга, в названии которой было имя Рауля де Мариньи. Я часто делаю запросы в фонды библиотеки, и ко мне там относятся с доверием. Поэтому мне удалось добиться разрешения на время взять книгу из запасников. Кстати, Рауль, я должен её вернуть.

— Сначала я сниму копию, — отозвался Хок.

— Как хочешь... Так вот, прочитав эту книгу, я получил достаточное число подсказок, хотя не сразу понял, что некоторые из них значат. Так я нашёл в книге историю о Кратегусе и о гадалке, которая в Лиссабоне сказала рыцарю, что он не найдёт покоя, пока не уничтожит то, что выпустил на беду другим. Я был сбит с толку, потому что точно знал, что речь в предсказании идёт не о Кратегусе. Вся эта история с камнем, якобы его придавившем, была не более чем уловкой, призванной вызвать жалость. Он был слишком глумлив, чтоб просто убивать. Он всегда стремился причинить как можно больше боли и насмеяться над лучшими чувствами своих жертв. Значит, рыцарь вовсе не освободил его. А кого он освободил? Я понял это на вечеринке, устроенной Максом в Чесстауре. Там мы впервые

говорили, и я кое-что вспомнил, кое-что сопоставил и пришёл к выводу, что не Кратегус, а Плакальщик является противником, к которому влекло сюда Ястреба.

— Как ты это понял? — нахмурился Хок.

— Прежде всего, я подумал о старой истине, что против каждого злодея жизнь однажды выставит своего героя. Каждому предназначен свой противник. Ты полагал, что твой противник Кратегус, и примчался сюда. Ты нашёл меня, но не Кратегуса. Твоя ошибка вполне объяснима, внешне мы чем-то похожи, на это есть свои причины. Но я не демон, и почувствовать демона во мне ты не мог. Что же привело тебя сюда? Какой противник? И почему ты оказался единственным, кто сумел привести в ужас Плакальщика и спасти от него Макса Делмана? Напрашивается простой ответ: Плакальщик и есть твой противник. Тогда я был так поражён этой догадкой, что мне срочно нужно было остаться наедине со своими мыслями, поэтому я и поспешил уйти. Я примчался домой и снова схватился за книгу Жюстины. Я искал другого злодея, которого освободил Рауль де Мариньи, и я его нашёл. Помнишь ту историю с красавицей в пустыне?

— Это был сон, — покачал головой Хок. — Или бред оттого, что я перегрелся на солнце.

— Это был не сон и не бред. Это было исчадье ада, запертое кем-то в заброшенном селении в самом сердце пустыни, которое ты, по простоте душевной, освободил.

— Так это была женщина? — переспросила я, и моё дыхание перехватило. — Так это...

Джулиан снова взял планшет и нажал несколько сенсоров на панели, после чего прочёл:

— «Пять дней назад из своих апартаментов в отеле «Плаза» пропала известная в городе прорицательница Азми Аль-Саах. Известно, что в восемь часов вечера она вышла из отеля, и большее её никто не видел. Вещи, деньги и драгоценности остались в номере. Полиция будет благодарна за любую информацию о местонахождении госпожи Азми Аль-Саах», — он вернул планшет на каминную полку. — Они не знают, что сами сожгли её в городском крематории.

Хок смотрел на него расширившимися глазами, открыв рот. А я вдруг припомнила удивление Эдди по поводу того, что Плакальщик около часа болтался неподалеку от его клуба. Но ведь отель «Плаза» находится буквально в паре кварталов от «Чёрной розы» и от того места, где на Макса было совершено нападение.

— Продолжай, — кивнула я.

— Всё было ясно, — пожал плечами Джулиан. — Хок должен был сразиться с Плакальщиком, но сосредоточил всё своё внимание на моей персоне. Мне необходимо было свести их на узкой дорожке и заставить драться, но как? Плакальщик чувствовал и избегал его. Если б я пришёл к тебе, Рауль, и прямо сказал, что я — не демон, а твой противник — Плакальщик, или того хуже Азми Аль-Саах, чтоб ты подумал?

— Что ты морочишь мне голову... — слегка придя в себя после внезапного потрясения, пробормотал Хок.

— Вот именно. А ведь эта чертовка была совсем не так глупа. Я давно заинтересовался ею, потому что слышал от своих пациентов рассказы о том, как она ловко вытягивает из них деньги. Самое главное, что у неё действительно был дар прорицания, но она никогда не могла ясно предсказать будущее, хотя прошлое видела поразительно точно. К тому же я обратил внимание на слова Грандера о том, что эликсир её молодости течёт в жилах молодых любовников. Мне пришлось отваживаться с одним из них. После одной ночи в её номере он был похож на иссохшего старика. И я слышал, что он не единственная её жертва.

Я подозревал, что с ней тоже не всё так чисто, почему и просил Грандера пригласить её на маскарад. Но связать её с Плакальщиком мне удалось, только ещё раз прочитав эту историю с освобождением красавицы. Для меня не составило труда выяснить, что начало убийств совпадает с её прибытием в город.

Пока я ломал голову, как заставить рыцаря с сердцем чистым, как горный снег, как вода родника, как небесный свет, наконец, переключиться на его противника, судьба в виде Луиса Монтеги подкинула мне очередную подсказку.

— Что это за эпитеты? — озадаченно проворчал Хок.

— Ты о мадригале? Он написан на форзаце книги, ты наверно не обратил внимание. Он посвящен тебе, и, на мой взгляд, совсем не плох и тобой заслужен. Я продолжаю. Давайте вернёмся к тем двум четверостишиям, которые были начертаны на каменном гробе, предположительно принадлежавшем Плакальщику.

Пока за кругом спит гончар,
Пока в походе янычар,
Разбей кувшин и пей вино —
Источник юности и чар.

Так пьянствуй годы и века,
Покуда правая рука
Не нанесёт тебе удар
Звездой алмазною клинка.

Для начала скажу, что старый вампир Ринальдо что-то напутал, надпись сделана не на арабском, а на фарси. С некоторым стыдом признаюсь, что арабский я не знаю, крестовых походов не застал и в Святой земле не бывал. Однако некоторое представление о персидском языке и персидской поэзии имею. Дело в том, что стихи, которые так любит цитировать Грандер, на самом деле совсем не так просты, как кажется на первый взгляд. Нередко мусульманские мудрецы, которых называли суфиями, зашифровывали в таких стихах свои мистические откровения. Для этого у них был целый тайный язык, который мне, к сожалению, не известен. Однако я знаю, что слово «кузегяр» в том виде, в каком оно использовано здесь, нередко обозначает в стихах суфиев не просто гончара, а Творца, Бога. Если это так, то стихи приобретают иное значение. Янычары были личной гвардией султанов, а в данном случае это слово может обозначать личную гвардию Бога, то есть ангелов. Если гончар — Бог, то его кувшины это его творения — люди. И вино в кувшинах — это кровь. О том, что вино — это кровь лозы, писали многие поэты, и ассоциация вина с кровью не нова. И тогда, что мы видим в этом стихотворении?

— Постой... — проговорил Хок. — Значит, так. Пока Бог спит, а его ангелы отсутствуют по делам, убивай людей и пей их кровь, которая является источником юности и чар...

— Скорее источником вечной молодости и дара прорицания. Чтоб оставаться молодой и прекрасной, да ещё наделённой чудесным даром, ей необходимо пить кровь.

— А второе четверостишье?

— С ним или настолько сложнее, что я ничего не понял, или куда проще, и оно переводится буквально. Пей людскую кровь годы и века, пока чья-то правая рука не нанесёт

тебе удар... клинком. Возможно, упоминание об алмазной звезде является указанием на белый цвет стали клинка.

— Пстой... — Хок распахнул куртку и достал из пришитых к подкладке ножен свой кинжал. — Вот она... Звезда Соломона у самого гарда. Она действительно напоминает огранку алмаза.

Джулиан взял кинжал и внимательно взгляделся в клинок у основания.

— Действительно. Она почти стёрлась от постоянной чистки, но когда-то была очень хорошо заметна, — он передал кинжал мне. — Ещё одно доказательство, что предсказания можно ассоциировать с событиями только после того, как они произошли. Так или иначе, но я надеялся, Азми Аль-Саах тоже поняла это предсказание совершенно буквально. Именно на этом я и построил свой план.

— И появился «Альдерамин», — кивнула я, возвращая кинжал Хоку.

— Совершенно верно. Конечно, мне известно, что Альдерамин — это Альфа Цефея звезда белого цвета звездной величины 2,7. Поэтому серьга из белого золота с белым бриллиантом величиной в 0,27 карата, скорее всего, является производением более позднего времени, когда уже была установлена шкала звёздных величин. Я это знал, но очень надеялся, что этого не знает Азми Аль-Саах. Зато она должна была отреагировать на слово «Альдерамин» — по-арабски «правая рука» и упоминание об алмазе. И уж тем более её должно было заинтриговать то, что эта вещь так заинтересовала меня, потому что уж она-то сразу поняла, что я не простой смертный.

— Теперь давай по порядку. Что тогда произошло? — проговорила я.

— Прежде всего, я поясню, чего я хотел добиться. Я хотел окончательно убедиться в том, что не ошибся относительно этой особы, я должен был заставить Рауля действовать, и я должен был представить что-то, что могло заинтересовать одновременно Азми Аль-Саах и Рауля. Теперь по порядку. Я довольно часто бываю в «Короне» и неплохо знаю расположение помещений. Эта гостиная устроила меня наличием двух входов. То, что в комнате оказался Грандер со своей невестой, было неожиданностью, но только помогло мне привести мой план в действие. Красавец-олдермен заманил запавшую на него прорицательницу прямо в мою западню.

Первым тестом для неё была ты. Мало того, что ты являешься воплощённой светлой сущностью, так ты ещё и наряд в тот вечер выбрала соответствующий. И Азми Аль-Саах отреагировала на тебя именно так, как я и ожидал, она испугалась. Потом я заговорил с ней и дал ей понять, кто я. Она была заинтригована и всем этим высокопарным бредом, высказанным белым стихом, только подтвердила мои догадки. Она живет в своём мире. Она тяготеет им и хочет что-то изменить, но не знает как. Она в ловушке своей сущности, как и все мы. Ей показалось, что я обладаю знанием, которое может ей помочь. Она даже согласна избрать конец без начала, хотя только на словах.

Разговаривая с ней, я вышел на порог комнаты и дал Раулю заметить меня, и, естественно, Ястреб, как ему и положено, кинулся на добычу. Второй тест — Хок. И она снова пугается. Панически. Наша перепалка отвлекла от неё внимание, но я-то наблюдал за ней и видел, что она просто забилась в угол за портьеру. Бежать она не может. Между нею и единственной дверью, которую она видит, стоит её враг. Дальнейший разговор преследовал две цели. Первую — убедить её в том, что Хок — это действительно её противник. Для этого я и рассказал эту историю. И вторую — привести Хока в состояние бешенства. Извини, Рауль, я понимаю, что это было жестоко, но своим упрямством ты не оставил мне выбора.

— Проехали... — отмахнулся Хок. — Что дальше?

— Я достиг обеих целей. Ты дошёл до кондиции, а она поняла, что дело серьёзно. И тут на сцене появляется «Альдерамин». Серьга в виде правой руки из белого золота с алмазом, которая производит на меня такое невероятное впечатление, что я проговариваюсь о её необыкновенных свойствах. И Азми Аль-Саах, как женщина недалёкая, руководствуясь обычными ассоциациями, решает, что эта штука нужна ей позарез. Но она боится выйти из укрытия. Она становится свидетелем, как я договариваюсь о покупке, а потом меня срочно вызывают, и я ухожу... Через вторую дверь. Не надо забывать, что она до полусмерти напугана близостью противника, а мне нужно убрать её из комнаты, чтоб она не узнала, что вещь досталась не мне, а Хоку, который с её помощью собирается добраться до моей глотки.

Итак, я ухожу. Она знает, что «Альдерамин» завтра будет у меня. Путь к бегству открыт, и она сбегает. Я видел, как она выскользнула из гостиной буквально следом за мной.

Дальше всё просто. Утром из миссии я позвонил Грандеру и убедился, что ты купил у него серьгу ещё ночью. В полдень ко мне является Азми Аль-Саах и едва не валяется в ногах, умоляя отдать ей побрякушку. Я говорю, что сообщу решение вечером. В шесть я иду к Раулю, и он вызывает демона на поединок. Меня этот вызов не касается, но я не стал его разочаровывать. Единственное, что я мог сделать, это предупредить его о необходимости быть внимательным и осторожным, и выбрать для поединка наиболее привычное для него оружие, то самое, которым, как я и предполагал, можно убить Плакальщика. В восемь я позвонил Азми Аль-Саах и сказал, что «Альдерамин» у Хока и, около полуночи он будет во дворе заброшенного дома на Левен Роуд, 17... После этого мне оставалось только молиться, чтоб ты не прозевал своего противника.

Он печально и как-то виновато взглянул на Хока. Тот пожал плечами.

— Ты меня переоценил. Я его прозевал... Я, конечно, убил его, но... Он меня укусил.

— Этого я и боялся, — кивнул Джулиан, — поэтому решил тебя подстраховать. Какого чёрта ты полез наверх?

— Мне казалось, что ты был там. Я, наверно, бредил.

— Боюсь, что так. Я нашёл Плакальщика в виде груды тряпья во дворе, но тебя нигде не было. На всякий случай я вошёл в подъезд и услышал как наверху хлопнула дверь, а, поднявшись, испугался, что опоздал. Я понятия не имел, как вытащить тебя оттуда.

— Ты же вытащил, — заметил Хок.

Джулиан задумчиво посмотрел на него.

— Понимаешь, по логике вещей, твои скитания в чужих веках должны были закончиться после того, как ты исправил свою ошибку. После этого душа должна освободиться от груза грехов и воспарить к Небесам, чтоб обрести, наконец, покой и забвение, избавившись от страданий и памяти. Мне всегда это казалось правильным, потому что я сам не получил этой награды после своей решающей битвы. Но ты вовсе не хотел умирать, тебе хотелось жить, продолжать свой путь. И, может, ты прав. Я смотрел на тебя и понимал, что ты в тот момент что-то изменил во мне... — Джулиан улыбнулся и покачал головой, — Я внезапно осознал, что я не проклят, что на самом деле мне сказочно повезло. Я могу жить, могу лечить людей, могу любить, у меня могут быть друзья, может быть, у меня есть шанс завести семью. Я это понял, и у меня это всё было впереди, а ты должен был умереть, хотя для тебя это всё было ясно, как день. Вот я и решил, что это несправедливо.

— И чуть не рухнул с крыши, вытаскивая меня... — усмехнулся Хок.

Джулиан неопределённо пожал плечами.

— Я знал, что такое возможно, но игра стоила свеч, и я рискнул. На самом деле я куда сильнее, чем кажется на первый взгляд... Что было потом, ты знаешь. Мне редко удаётся сделать то, что я сделал. Для этого нужна даже не молитва, не особое состояние души или ума. Для этого нужно, чтоб Он согласился со мной и дал мне эту силу. Но на этот раз я был уверен, что получу отклик на свою просьбу. Так и вышло.

— А что там произошло? — поинтересовалась я.

Джулиан улыбнулся и показал мне ладони.

— Мне снова это удалось...

Я тоже не смогла сдержать улыбки. Я поняла, о чём он говорит. Я уже видела это чудо на Новой Луизиане.

— Но шрамы останутся, — заметил Хок недовольным тоном.

— *Aserritum humeri vulnus, non autem lethale*,³¹ — нравоучительно произнёс Джулиан, взглянув на него, и насмешливо добавил: — К тому же шрамы украшают мужчину.

— Я предпочитаю другие украшения, — проворчал Хок.

— Кстати, об украшениях. Отдай-ка мне серьгу. Она не твоя.

— Я её купил, — напомнил он, вытаскивая из кармана футляр.

— Она не продаётся. Я взял её на время у командора миссии и должен вернуть. Деньги получишь назад.

— А как же Парсонс?

Джулиан таинственно улыбнулся.

— Я вылечил его застарелый артрит.

— Мерзавец, — пробормотал Хок, отдавая ему коробочку. — Знаешь, в чём твой самый большой недостаток? Ты не умеешь работать в команде.

— Ошибаешься, — возразил Джулиан, и, полюбовавшись серёжкой, положил футляр на каминную полку. — Я умею работать в команде, и в Ордене это прекрасно знают. Но на данном поприще у меня нет команды.

— Теперь есть, — Хок поднялся и встал напротив него по другую сторону камина.

Джулиан покачал головой.

— Нет, Рауль, ты вернёшься на Землю. Твоя работа выполнена, и тебе незачем шататься по Вселенной. Ты можешь жить нормальной жизнью там, где ты будешь чувствовать себя нужным. Возвращайся.

— Я остаюсь.

— Чего ради?

Хок взглянул на меня.

— Не ради вас, Лора. Я всё понял и не собираюсь вмешиваться в ваши отношения, — он снова взглянул на Джулиана. — Ради тебя. Я тебе нужен. И ты спас мне жизнь.

— Я уже начинаю жалеть об этом, — ледяным тоном заметил тот, но Хок только усмехнулся.

— Ты просто ещё не знаешь, как тебе повезло с другом.

Хок ушёл, оставив Джулиана в мрачном расположении духа. Я с усмешкой наблюдала, как он побродил по комнате, постоял у окна и, наконец, сел на диван, хмуро уставившись в угол.

— Ну что ты дуешься? — рассмеялась я и, подойдя, села рядом, совсем близко, так, что

его вытянутая на спинке дивана рука оказалась у меня за плечами. И, конечно, эта рука тут же скользнула вниз и оказалась у меня на плечах, а я придвинулась ещё ближе, прижалась к его груди и с улыбкой взглянула в чёрные искрящиеся глаза.

— Не делай добра, не получишь зла... — проворчал он, задумчиво глядя на меня.

— Ну, перестань... Может, Хок прав, и он тебе нужен. Ты же сам сетовал на то, что устал от одиночества. Хок далеко не худшая кандидатура в друзья. Ты же сам расхваливал мне его и готов был даже отпустить меня с ним на Землю. Если он так хорош для меня, то почему он плох для тебя?

— Он вовсе не плох, — меланхолично возразил Джулиан. — Просто... Я одиночка. Мне трудно близко сходить с людьми.

— У тебя раньше просто не было возможности для этого. А теперь она есть... И, честно говоря, мне кажется, что он остаётся ещё и потому, что ты ему нужен. Ты единственный, кто спокойно относится ко всей этой странной истории с Раулем де Мариньи. Возможно, именно ты окончательно убедил его в том, что он не безумец.

— Может быть... — он пожал плечами. — Но мне было бы спокойнее, если б он вернулся на Землю... И не один...

Я нахмурилась.

— Опять начинаешь? Не ты ли мне говорил, что именно ты мне нужен? А теперь готов швырнуть меня в объятия другому?

— Это жертва, которую я готов принести ради твоего счастья... — вздохнул он. — Выслушай, не перебивай меня. Я действительно лучший вариант для тебя. Я знаю это, но я — это альтернатива другим близким тебе людям. Ты можешь быть либо со мной, либо со своей семьей. Наверно, даже так: либо со мной, либо со своим сыном. Мы никогда не сможем жить втроём... И ты всегда будешь тосковать по нему, а он — по тебе. Ты будешь терзаться сомнениями в том, хорошая ли ты мать, а он — мучительно раздумывать о том, почему его друзья живут с родителями, а он — нет. И всё это только из-за того, что ты останешься здесь из-за меня. Я этого не хочу. Я никогда не прощу себе этого, понимаешь?

— Мне будет плохо без тебя... — прошептала я.

Он обнял меня и прижался губами к моему лбу.

— Прости меня. Мне не нужно было снова появляться у тебя на пути.

— Конечно, лучше было б, если б я продолжала страдать из-за Сашиного брака, — пробормотала я. — Или разрушила брак Эдди...

— Ты бы этого не сделала...

— Нет, я бы страдала молча и в одиночестве... В принципе, я итак буду страдать. Без тебя, без Алика, без Земли, без космоса... Мне всегда чего-то не хватает.

— Если ты вернёшься на Землю, то, по крайней мере, твой ребёнок страдать не будет.

Я отодвинулась от него и внимательно взглянула ему в глаза.

— А что ты так переживаешь за чужого ребёнка, которого никогда не видел?

Ответ был очевиден, хотя и несколько банален. Что-нибудь насчёт долга перед детьми или того, что он дорог мне, а, значит, дорог и ему. Но то, что я слышала, прозвучало совсем иначе.

— Он не чужой, Лора, — тихо возразил Джулиан. — Если б я мог вернуться с тобой на Землю, он стал бы моим...

Его глаза вдруг заблестели ярче, мне показалось, что от слёз. Он поднялся и отошёл к окну.

— Вот в чём дело... — проговорила я, глядя на него. Он стоял, опустив плечи и голову, прижавшись лбом к холодному стеклу. — Моя семья... Мои дети, куча родственников... А ты сирота и всегда один. Тебе бы хотелось иметь семью, и потому ты понимаешь, как дорога мне моя. Ты готов обречь себя на полное одиночество, лишь бы такая участь не постигла меня, да? Потому что ты любишь меня...

— Потому что я люблю тебя... — тихо повторил он.

Я встала и тоже подошла к окну. На улице уже вечерело, и небо было залито глубокой чистой синью. Уже неделю стояла тихая ясная погода, и мне отчаянно хотелось, что б все мои проблемы, наконец, закончились.

— И, по-твоему, я должна выбирать между тобой и Алом? — задумчиво спросила я.

— Да, — кивнул он и повернулся ко мне. — Мне очень жаль, но это так.

— А ты?

— Я уже сказал, я переживу.

— И долго ты будешь переживать?

— Может быть, когда-нибудь я утешусь...

— Лет через двести... — кивнула я. — А теперь скажи мне честно, ты хочешь, чтоб моя семья стала твоей? Ты заменил бы отца моему осиротевшему малышу, выдержал бы общение с моими замечательными родителями, постарался бы понравиться моим старшим сыновьям, полюбил бы моих внуков?

— Я уже сейчас их люблю... И что?

— Джулиан, ты победил демона, который был графом Преисподней, ты не уступил Сатане, когда остался с ним один на один, и теперь ты спасуешь перед паспортно-визовыми службами Земли? — изумилась я. — Ради нашего будущего, будущего наших детей, ты не готов рискнуть?

Он задумчиво взглянул на меня, но я только упрямо мотнула головой:

— Ты, конечно, как хочешь, но я так не могу. Я не хочу выбирать между тобой и сыном, сознавая, что один из вас будет страдать. Мой мальчик лишился отца, который уже много лет шляется, чёрт знает где. Саша, того и гляди, обзаведётся новым потомством... Моему ребенку нужен свой собственный отец, и ты нам подходишь. Послушай, я уже несколько раз спасала миры, и мне даже удалось остановить космическую войну. И я не обойду закон о натурализации? Не может этого быть! Только скажи мне, ты хочешь вернуться со мной на Землю?

— Это предел моих мечтаний, — кивнул он. — Но как?

— Пока не знаю... — озабочено призналась я. — Но я придумаю. Я точно знаю, что найду выход. Только мне нужно время... И мне нужно знать, что ты будешь со мной, — я взглянула ему в глаза. — Честно говоря, сейчас я больше всего хочу одного: чтоб ты был счастлив. И для этого я готова свернуть горы. Это верный признак...

Я замерла, глядя в его тёмные, искрящиеся глаза.

— Верный признак чего? — шепнул он, глядя на меня.

— Что я люблю тебя, — ответила я. — И это значит, что уже ничто в этой Вселенной не может меня остановить. Я добьюсь своего.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Notes

[

←1

]

Мобильные автоматические роботы-наблюдатели.

[

←2

]

1 имеется в виду испанский поэт Федерико Гарсия Лорка.

[

←3

]

1 Рана болезненная, но не смертельная (лат.).